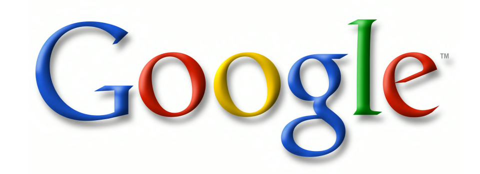

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

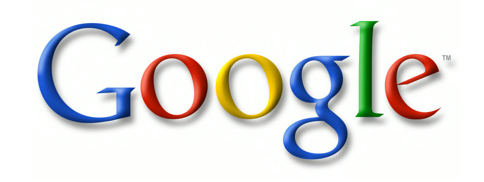
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Gift of

Dr. & Mrs. Henry C. Lanz

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

II

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

И

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Mikhalovskii, D. L.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

И

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Д. Л. МИХАЛОВСКАГО

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1896

PN6107
M49
1896
v.2

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 18

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

и

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

«Эдиѳь, Лебединая Шея, проснись
И слѣдуй, не медля, за нами!

«Норманнскій воитель страну покорилъ,
Свободные саксы — въ неволѣ,
Король нашъ Гарольдъ безъ дыханья лежитъ,
Убитый на Гастингскомъ полѣ.

«Иди съ нами вмѣстѣ скорѣе туда,
Гдѣ было кровавое дѣло,
Гарольда искать: намъ аббатъ приказалъ
Въ аббатство принесть его тѣло».

Эдиѳь не сказала ни слова въ отвѣтъ,
Но тотчасъ пошла она съ ними;
Порывистый вѣтеръ, бушуя, игралъ
Ея волосами сѣдыми.

По мхамъ, по болотамъ, колючимъ кустамъ,
Она босикомъ пробиралась,
И къ утру ужъ Гастингса поле вдали,
Межъ скалъ мѣловыхъ, показалось.

Разсѣялся бѣлый туманъ — и оно
Явилось въ величіи дикомъ;
Вороны и галки летали надъ нимъ,
Съ своимъ отвратительнымъ крикомъ.

Тамъ нѣсколько тысячъ погибшихъ бойцовъ
На почвѣ кровавой лежали;
Истерзаны, наги, въ пыли и въ крови,
Все поле они покрывали.

Эдиѳь, Лебединая Шея, глядитъ
На эту кровавую груду,

Идетъ среди труповъ, и взоры ея
Какъ стрѣлы вонзаются всюду.

Терзаетъ убитыхъ бойцовъ и коней
Прожорливыхъ вороновъ стая;
Внимательно смотритъ и ищетъ Эдиѳь,
Съ трудомъ ихъ отъ тѣлъ отгоняя.

И ищетъ напрасно она цѣлый день,
Вотъ вечеръ уже наступаетъ...
Какъ вдругъ изъ груди бѣдной женщины крикъ,
Пронзительный вопль вылетаетъ.

Нашла Лебединая Шея того,
Кого такъ усердно искала;
Безъ словъ и безъ слезъ, безъ рыданій она
На тѣло Гарольда упала.

И крѣпко, съ безумной любовью, прильнувъ
Къ его недвижимому стану,
Она цѣловала и губы, и лобъ,
И кровью покрытую рану.

И три небольшіе рубца на плечѣ...
Сама Лебединая Шея
Когда-то оставила эти слѣды,
Восторгомъ любви пламенѣя.

Монахи носилки изъ сучьевъ сплели,
Гарольда на нихъ положили,
Въ аббатство свое короля понесли
И тихо молитву творили.

Всю землю покрыла глубокая тьма,
Все больше и больше густѣя.

Печально за милымъ ей прахомъ пошла
Эдиѳь, Лебединая Шея.

И пѣла надгробные гимны, свой долгъ
Ему отдавая прощальный;
Уныло звучалъ средь ночной тишины
Напѣвъ литіи погребальной...

ФРЕЙЛИГРАТЪ.

ПАМЯТИ ТРУЖЕНИКА.

Честь тому, кто надъ сохой
Спину гнетъ и въ жаръ и въ холодъ,
Кто могучею рукой
Подымаетъ тяжкій молотъ,

Кто въ подземной глубинѣ
Цѣлый вѣкъ свой долженъ рыться,
Съ тачкой, съ ношей на спинѣ,
Чтобъ съ семьей своей кормиться.

Слава, труженики, вамъ!
Похвала тебѣ, работа!
Честь трудящимся рукамъ!
Честь и слава каплѣ пота,

Чтò на нивѣ, средь села,
За серпомъ, или за плугомъ,
Пала съ мокраго чела
Незнакомаго съ досугомъ!

Но вспомянемъ и того,
Кто въ нуждѣ, какъ рабъ въ неволѣ,
Плугомъ мозга своего
Бороздитъ иное поле...

Въ складѣ-ль книжномъ онъ сидитъ
И архивной пылью дышетъ,
Чтеньемъ ли глаза слѣпитъ,
Иль стихи и драмы пишетъ;

Иль, за плату, вздоръ чужой
Поправляя, умъ свой мучитъ,
Иль грамматикѣ сухой
Онъ дѣтей съ терпѣньемъ учитъ,—

И *ему* «трудись, потѣй!»
Неотвязный шепчетъ голосъ,
Отъ заботъ и отъ скорбей
И *его* сѣдѣетъ волосъ;

Отъ безмѣрнаго труда
Онъ, вѣдь, тоже тратитъ силу,
И *его* сведетъ нужда
Преждевременно въ могилу.

Узникъ будничныхъ заботъ,
Не паритъ онъ мыслью въ небѣ:
Вѣчный голодъ, вѣчный гнетъ,
Вѣчный крикъ дѣтей о хлѣбѣ!

Много я такихъ знавалъ!
Былъ одинъ: онъ къ небу рвался,
Но онъ хлѣбъ свой добывалъ —
И во прахѣ пресмыкался.

Былъ онъ бодръ, его мечты
Были пламенны и живы;
Но, подъ гнетомъ нищеты,
Онъ сдержалъ свои порывы.

Листъ писалъ онъ за листомъ,
Въ душной комнатѣ, бывало,
Между тѣмъ какъ все кругомъ
Полной жизнью трепетало.

Все цвѣло, пѣвецъ полей,
Къ небу жавронокъ взвивался,
Громко щелкалъ соловей,
Міръ сіялъ и улыбался.

Но на міръ онъ не смотрѣлъ,
Точно былъ безъ глазъ и слуха;
Онъ въ стѣнахъ своихъ корпѣлъ,
Бѣдный рабъ, поденщикъ духа!

А когда, бывало, въ немъ
Сердце чуткое застонетъ —
Бодрый духомъ и умомъ,
Онъ тоску оттуда гонитъ;

Говоритъ онъ самъ себѣ,
Заглушивъ свое страданье:
Есть поэзія въ борьбѣ
За свое существованье!

Наконецъ больной, онъ слегъ:
Силъ

По ночамъ его манилъ
Рой таинственныхъ видѣній;
И — на небо воспарилъ
Злобой дня убитый геній!

Безъ креста, безъ камня онъ
Ужъ давно лежитъ въ могилѣ...
Миръ ему! спокойный сонъ
Въ злой борьбѣ угасшей силѣ!

Дѣтямъ бѣднаго борца
Тяжко будетъ малолѣтство:
Имя честное отца —
Вотъ одно у нихъ наслѣдство!

Да, вспомянемъ и того,
Кто въ нуждѣ, какъ рабъ въ неволѣ,
Плугомъ мозга своего
Пашетъ умственное поле!

СМЕРТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦА.

Съ парусовъ сочится влага,
Все кругомъ покрылъ туманъ...
«Эй, поднять огни на мачту!
Сѣръ и мраченъ океанъ.
На молитву! Скиньте шапки:
Наступилъ тяжелый часъ; —
Старъ и младъ — за мной, въ каюту!
Тамъ покойникъ есть у насъ!»

И нѣмецкіе крестьяне,
Всѣ съ поникшей головой,
Внизъ спускаются по трапу,
Другъ за другомъ, чередой.
Всѣ они пустились въ море —
Новой родины искать,
И вождю ихъ довелося
Въ этомъ морѣ умирать.

Онъ повелъ ихъ въ путь далекій
Изъ родныхъ нѣмецкихъ странъ
Внизъ по Неккару до Рейна,
А изъ Рейна въ океанъ.

Съ болью въ сердцѣ оторвавшись
Отъ земли своей родной,
Говорилъ онъ: «Въ путь ребята!
Заключимъ союзъ святой!

«Поплывемъ на дальній Западъ,
Гдѣ Востокъ для насъ горитъ,
Тамъ себѣ избушки срубимъ,
Гдѣ свобода лишь царитъ;
Будемъ сѣять мы въ пустынѣ
И прольемъ обильный потъ
Тамъ, гдѣ дѣвственная почва
Плодъ сторицей воздаетъ.

«Свой очагъ въ лѣсахъ дремучихъ
Намъ придется водрузить;
Дайте мнѣ въ саваннахъ дикихъ
Патріархомъ вашимъ быть.
Мы, какъ пастыри Завѣта,
На привольѣ заживемъ,
Вѣчный свѣтъ въ пути намъ будетъ
Нашимъ огненнымъ столбомъ.

«Я лучамъ его ввѣряюсь,
Насъ онъ прямо поведетъ;
Я въ грядущемъ созерцаю
Возникающій народъ.
О, прощай, земля родная!
На чужбинѣ я умру,
Но, съ надеждой, ради внуковъ
Нынѣ посохъ свой беру».

Но, подобно Моисею
Посреди пустынныхъ странъ,
Онъ лишь издали увидѣлъ

Свой желанный Ханаанъ.
Умеръ онъ на дальнемъ морѣ,
И заснули вѣчнымъ сномъ,
Вмѣстѣ съ нимъ, его стремленья
И огонь, горѣвшій въ немъ.

Безъ вождя переселенцы —
Точно тѣло безъ души;
Дѣти прячутся въ испугѣ,
Плачутъ матери въ тиши;
А мужья глядятъ съ тревогой
На чужіе берега,
На которые не ступитъ
Никогда его нога.

Съ парусовъ сочится влага
Все кругомъ покрылъ туманъ...
«Прахъ усопшаго съ молитвой
Опустите въ океанъ»...
Океанъ раздался съ плескомъ
И въ холодной безднѣ скрылъ
Прахъ того, чей трудъ полвѣка
Плугомъ землю бороздилъ.

БРАКОНЬЕРЫ.

Трепещутъ тихо листья,
Чуть брежжетъ сѣрый день.
Изъ-за лѣсной опушки
Къ хлѣбамъ пришелъ олень.

Ужъ онъ ихъ мнетъ и топчетъ,
Склонивъ свои рога,
Но звѣря поджидаютъ
Незримо два врага —

Отецъ и сынъ, крестьяне.
«Пріятель нашъ пришелъ!»
Сказалъ старикъ, сжимая
Въ рукахъ ружейный стволъ.

«Четырнадцать отростковъ!
Ну, Фрицъ, голубчикъ мой,
Стрѣляй, не промахнися,
Олень-то матерой».

И парень приложился:
Трахъ! — выстрѣлъ прозвучалъ,
На ниву хищникъ, мертвый,
Чуть вздрогнувши, упалъ.

И въ радости къ оленю
Бѣжитъ старикъ-отецъ:
«А, хищникъ, воръ, разбойникъ!
Попался, наконецъ!

«Ну, Фрицъ, ты цѣлишь лихо:
Какъ снопъ его свалилъ!
Смотри: какъ разъ въ лопатку
Ему ты угодилъ.

«Теперь ужъ онъ не будетъ
Травить моихъ полей.
Чего же ты зѣваешь?
Веревку поскорѣй!

«Вотъ такъ, нога съ ногою
Вяжи! жиренъ пострѣлъ!
Пощупай-ка: разбойникъ
Совсѣмъ охолодѣлъ.

«Вотъ это называю
Я счастьемъ... Боже мой!
Лѣсникъ, народъ, собаки...
Попались мы съ тобой!

«Давай Богъ только ноги!»
И бросились стремглавъ,
Оставивши добычу
И ружья побросавъ.

Лѣсничій же за ними,
«Стой! стой» — кричитъ имъ вслѣдъ —
Кой чортъ мнѣ въ вашихъ ружьяхъ,
Когда самихъ васъ нѣтъ?

«Напрасно! не удержишь...
Такъ я же васъ друзья!»
И въ нихъ спокойно цѣлитъ
Изъ своего ружья.

«Ура! вотъ это — счастье!»
Онъ правъ, удачный день:
Старикъ упалъ съ размаху
Въ свой собственный ячмень.

Лежитъ онъ тамъ и стонетъ
Еще по временамъ,
Какъ будто сердце хочетъ
Разбиться пополамъ.

И кровь изъ-подъ камзола
Течетъ по бороздѣ,
Застряла, теплой лужей,
У жаворонка въ гнѣздѣ;

И сына обагрила,
Чтò по полю бѣжалъ,
Теперь же, съ дикимъ воплемъ,
Къ убитому припалъ.

«Къ чему ты обнимаешь
Недвижный этотъ трупъ?
Прими свои ты губы
Отъ этихъ синихъ губъ.

«Ну, парень, полно хныкать:
Таковъ его удѣлъ;
Пощупай-ка, старикъ твой
Совсѣмъ охолодѣлъ».

Примчалась запыхавшись
Вся свора; вслѣдъ за ней
Пришла и вся ватага
Дозорныхъ, егерей.

Олень, крестьянинъ мертвый,
Не все-ль равно для нихъ?
Они въ одну телѣгу
Свалили обоихъ.

Лѣсничій куритъ трубку,
Доволенъ, веселъ онъ:
Такъ что-жъ? онъ правъ: охоту
Преслѣдуетъ законъ.

Онъ лишь не уклонился
Отъ долга своего;
И парня дикій скрежетъ
Не трогаетъ его.

Ему за ловкій подвигъ
Еще медаль дадутъ!
А эту сволочь — Фрица
Въ тюрьму теперь запрутъ.

Фрицъ смотритъ сквозь рѣшетку
Тюрьмы, а у воротъ
Стоитъ пѣвецъ прохожій
И пѣсенку поетъ:

«Цвѣти, уборъ зеленый
Полей, дубравъ, лѣсовъ!
Ура тебѣ, охота
Потѣха молодцовъ!»

ЛЕНАУ.

АННА.

ШВЕДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

1.

Красотой своей любуясь,
Анна въ озеро глядитъ,
Видитъ тамъ свой чудный образъ —
И въ восторгѣ говоритъ:

«Образъ милый и прелестный,
Полный дивной красоты,
Отвѣчай мнѣ, неужели
На меня походишь ты?

«Нѣтъ! весь міръ меня увѣритъ
Никогда бы не съумѣлъ,
Чтобъ такой румянецъ чудный
На моихъ щекахъ горѣлъ.

«Мой-ли это ротъ прекрасный,
Этотъ шелкъ густыхъ волосъ?
Но — я вижу — ты, какъ будто,
Тотъ же дѣлаешь вопросъ...

«О, вода, кристаллъ прозрачный!
Ты повѣдай правду мнѣ:
Мой ли образъ ты лелѣешь
Въ голубой своей волнѣ?

«То мои ли очи свѣтятъ
Въ ней лучами и огнемъ,
Иль я вижу душу неба
Въ свѣтломъ зеркалѣ твоемъ?»

Анна къ озеру склонилась,
У зеленыхъ береговъ,
И съ груди своей прекрасной
Легкій сбросила покровъ;

И съ восторгомъ созерцаетъ
Отраженіе свое.
Чудный образъ смотритъ, тоже,
Съ изумленьемъ на нее.

Наклонившись надъ водою,
Анна радости полна,
Что, чѣмъ ближе, тѣмъ прекраснѣй,
Обольстительнѣй она:

«О, когда бы мнѣ такою
Оставаться навсегда!
Чтобъ хранила этотъ образъ
Эта чистая вода!»

Чу! повѣялъ вѣтеръ шумный,
Мчась на горы и на долъ;
Онъ погнулъ тростникъ прибрежный,
Гуломъ по лѣсу пошелъ;

Всю поверхность водяную
Взволновалъ его полетъ,—
И исчезло отраженье
Въ бѣлой пѣнѣ темныхъ водъ.

Грустнымъ взоромъ смотритъ Анна
Въ глубь померкнувшихъ зыбей...
Вдругъ какая-то старуха
Появилась передъ ней;

На красавицу съ привѣтомъ
И участіемъ глядитъ,
Головою ей киваетъ
И со вздохомъ говоритъ:

«Вѣтеръ образъ твой разрушилъ
Въ свѣтломъ зеркалѣ воды;
Въ жизни—дѣти уничтожатъ
Красоты твоей слѣды.

«Эта истина извѣстна,
Помни, милая, о ней:
Лучшей пищей служитъ дѣтямъ
Красота ихъ матерей.

«Приходи, когда посмѣешь,
Послѣ первыхъ же родовъ—
Въ свѣтломъ озерѣ глядѣться,
Съ этихъ самыхъ береговъ.

«Приходи — и ты увидишь,
Съ тайнымъ ужасомъ, тогда,
Что твои повисли груди,
Какъ пустые невода.

«И спроси тогда свой образъ,
Устремивъ пытливый взглядъ:
Что я вижу! эти формы
Развѣ мнѣ принадлежатъ?

«Эти блекнущія щеки
Эти впалые глаза!
Не одна тогда прольется
Изъ очей твоихъ слеза!

«Слушай: я тебя съумѣю
Отъ дѣтей заворожить,
Приходи сюда, когда ты
Будешь замужъ выходить.

«Хочешь?» — «Да», — сказала Анна,
Съ дрожью слыша эту рѣчь, —
«Я приду, когда ты можешь
Красоту мою сберечь».

2.

Подъ окномъ прекрасной Анны
Рыцарь пѣлъ во тьмѣ ночной,
Въ струны цитры ударяя:
«Хочешь быть моей женой?

«У меня есть лѣсъ и зàмокъ,
Нивы съ жатвой золотой,

Есть луга, стада — и сердце
Уязвленное тобой.

«Дамъ я камней драгоцѣнныхъ,
Дамъ я жемчугу тебѣ
И добытые мной лавры
Съ басурманами въ борьбѣ.

«Завтра солнце засіяетъ,
Яркимъ золотомъ горя:
Пусть оно для насъ освѣтитъ
Путь къ ступенямъ алтаря.

«Вотъ кольцо на вѣткѣ розы,
Въ знакъ, чтобъ ты моей была!»
Сѣлъ въ сѣдло, коня пришпорилъ —
И умчался какъ стрѣла.

Снявъ кольцо, вдругъ Анна слышитъ
Шумъ раздвинутыхъ вѣтвей
И шаговъ чуть внятный шорохъ,
Приближающійся къ ней.

Мѣсяцъ, звѣзды скрылись въ тучахъ,
Какъ свѣтлякъ изъ темноты
Потайной фонарь сіяетъ,
Сквозь цвѣтущіе кусты.

И знакомая старуха
Передъ Анною стоитъ,
Станъ ея глубокой тьмою,
Точно мантіей, покрытъ;

Лишь лицо ей освѣщаетъ
Блѣдный свѣтъ отъ фонаря,

И въ глазахъ ея трепещетъ,
Яркимъ отблескомъ горя.

Точно плача о невѣстѣ,
О грозящей ей судьбѣ,
Тихо шепчетъ ей старуха:
«Горе, бѣдная, тебѣ!

«Ты взяла кольцо красавца,
И оно тебѣ грозитъ,
Что твой розовый румянецъ
Съ нѣжныхъ щекъ твоихъ сбѣжитъ.

«Ну, иди за мной!» — И обѣ,
Ничего не говоря,
Идутъ къ мельницѣ, стоящей
Средь глухого пустыря.

Тамъ онѣ остановились;
Говоритъ ворожея:
«Ты вѣдь хочешь быть безплодной,
Такъ ли, милая моя?»

«Да!»—И входитъ по ступенямъ
За старухою она.
Крылья мельницы недвижны,
Свѣтитъ полная луна.

Семь пшеничныхъ темныхъ зеренъ
Вѣдьма старая взяла
Изъ мѣшка, кольцо невѣсты
Съ пальца нѣжнаго сняла,

Говоря: «Не обратись ты,
Анна, къ помощи моей —

У тебя бы въ этомъ бракѣ
Было семеро дѣтей».

Сквозь кольцо на круглый жерновъ
Вѣдьма бросила зерно;
Зашумѣли вдругъ колеса,
Не шумѣвшія давно.

Вѣтеръ свищетъ, крылья машутъ,
Жерновъ мелетъ... иль то сонъ?
Съ содроганьемъ Анна слышитъ
Тихій, точно дѣтскій, стонъ...

Снова мельница недвижна,
Какъ въ могилѣ все молчитъ,
Только сердце Анны бьется
И порывисто стучитъ.

Вотъ еще зерно упало...
Вѣтеръ вдругъ опять подулъ,
И на мельницѣ раздался
Снова стукъ, и трескъ, и гулъ.

Снова жерновъ третъ и мелетъ,
Вѣтеръ свищетъ и шумитъ,
Снова тихій плачъ ребенка
Сердце дѣвушки щемитъ.

Такъ семь разъ бросала вѣдьма
За зерномъ зерно, и вновь
Плачъ былъ слышенъ и у Анны
Ныло сердце, стыла кровь...

Вѣдьма кончила. — Настала
Гробовая тишина,

Надъ пустынною равниной
Свѣтитъ полная луна.

И съ хихиканьемъ къ невѣстѣ
Повернувъ свое лицо,
Говоритъ колдунья Аннѣ,
Возвращая ей кольцо:

«Ну, теперь не безпокойся:
Не имѣть тебѣ дѣтей,
Счастья матери не вѣдать,
Счастья, полнаго скорбей!»

И домой передъ разсвѣтомъ
Анна съ трепетомъ спѣшитъ;
Боязливо оглянулась —
Нѣтъ старухи, все молчитъ...

3.

О ночной прогулкѣ Анны
Еслибъ зналъ и вѣдалъ міръ —
Не готовился бы въ зàмкѣ
Этотъ шумный брачный пиръ.

Трое сутокъ длилась травля;
Въ дебряхъ, пустошахъ лѣсныхъ
Раздавались звуки рога,
Съ лаемъ гончихъ и борзыхъ.

Много съ воздуха упало
Дикихъ птицъ, и не одинъ
Красный звѣрь тамъ былъ затравленъ
Средь овраговъ и тѣснинъ.

Вотъ олень, краса пустыни,
Распростертый на травѣ:
Цѣлый кустъ роговъ вѣтвистыхъ
У него на головѣ;

Точно, мчась сквозь чащу лѣса,
Этотъ кустъ онъ оторвалъ—
И съ собою къ мѣсту смерти
На рогахъ своихъ примчалъ.

Рано утромъ къ зѝмку гости,
На лихихъ коняхъ верхомъ,
Собрались, чтобъ за невѣстой
Ѣхать вмѣстѣ съ женихомъ.

Красотой сіяетъ Анна,
Точно свѣтъ съ собой несетъ;
И ее вездѣ встрѣчаетъ
Крикомъ радостнымъ народъ.

Самъ священникъ съ изумленьемъ
На красавицу глядѣлъ,
И ее благословляя,
На минуту онѣмѣлъ.

Рыцарь счастливъ; только ею
Думы Эриха полны,
Небо цѣлое онъ видитъ
Въ красотѣ своей жены.

Анна тоже всѣмъ довольна:
Пестрой свадебной толпой,
И своимъ вѣнчальнымъ платьемъ,
И супругомъ, и собой.

Скоро пиръ начался шумный.
Звуки музыки гремятъ,
Звонъ бокаловъ, поздравленья,
Говоръ, крикъ: ура! виватъ!

Но настала ночь—и Анной
Овладѣла туча думъ,
И она, съ тоскливымъ сердцемъ,
Слышитъ водъ знакомыхъ шумъ.

Тусклы кажутся ей свѣчи,
Воздухъ душенъ, отягченъ,
И до слуха новобрачной
Долетаетъ тихій стонъ...

4.

День за днемъ, семь лѣтъ промчались
Точно волны, чередой;
Наступила годовщина
Этой свадьбы роковой.

Всѣ въ восторгѣ превозносятъ
Анны чудную красу;
Анна это принимаетъ
Какъ цвѣтокъ свою росу.

Безупречна, кромѣ мужа
Холодна она для всѣхъ,—
Но на совѣсти у Анны
Есть одинъ тяжелый грѣхъ.

Часто съ суетнымъ восторгомъ,
Удалившись въ свой покой,

Анна въ зеркало глядится
И любуется собой.

Въ пышномъ платьѣ, въ бриліантахъ,
Долго такъ она стоитъ,
Но какой-то тайный холодъ
Вдругъ ей члены леденитъ.

Нестерпимъ ей шорохъ платья,
Безделушекъ блескъ и звонъ:
Аннѣ чудится пустыня,
Полный мѣсяцъ, тихій стонъ...

Хороша она какъ прежде.
Мужъ тоскуетъ иногда,
Что любовь его безплодна,
Жизнь исчезнетъ безъ слѣда.

Въ эту ночь съ крестинъ какихъ-то
Возвращаяся домой,
Эрихъ, въ думу погруженный,
Ѣхалъ слѣдомъ за женой.

Полный мѣсяцъ съ выси неба
Имъ дорогу освѣщалъ,
И причудливыя тѣни
Лѣсъ таинственный бросалъ.

На пустынную равнину
Оба въѣхали они:
Здѣсь старуха колдовала
Надъ невѣстой въ оны дни...

На пустырь съ небесъ глубокихъ
Льется яркій лунный свѣтъ...

Вдругъ съ испугомъ видитъ рыцарь,
Что отъ Анны тѣни нѣтъ!

Только лошадь тѣнь бросаетъ.
Эрихъ вздрогнулъ: «Гдѣ жена?
Не упала ли, бѣдняжка,
Съ ретиваго скакуна?

«Нѣтъ, сидитъ! О, Боже правый!
Вѣдьма ты! — кричитъ онъ ей, —
Ты безъ тѣни, я лишь вижу
Тѣнь отъ лошади твоей!»

Безъ отвѣта мчится Анна,
Трепеща передъ луной,
Предъ разгнѣваннымъ супругомъ,
Предъ небеснымъ Судіей.

Дома Анна повалилась
Въ ноги мужу своему,
И, въ слезахъ, съ мольбой, съ рыданьемъ,
Разсказала все ему.

И съ жены своей прекрасной
Не сводя суровыхъ глазъ,
Съ отвращеніемъ и гнѣвомъ
Слушалъ онъ ея разсказъ.

И напрасно мѣсяцъ ясный
Въ окна комнаты сіялъ
И красавицу съ любовью
Яркимъ свѣтомъ озарялъ:

Все для Эриха исчезло,
Чтȯ любилъ онъ прежде въ ней;

[illegible]
[illegible]

[illegible] — [illegible] [illegible]. —
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible].

3.

[illegible]. [illegible] [illegible]
На траву, въ [illegible] [illegible].
Анна [illegible] [illegible].
Скорбь истерзанной души.

Грудь вздымается неровно.
За слезой бѣжитъ слеза.
И, рыдая, Анна прячетъ
Въ мягкій мохъ свои глаза.

Шопотъ вѣтра вызываетъ
Крикъ раскаянія въ ней.
И напрасно катитъ волны
Мимо грѣшницы ручей.

Нѣтъ для ней утѣхъ въ природѣ:
Анна чувствуетъ, что связь
Между ней и всѣмъ живущимъ
Невозвратно порвалась.

Въ этотъ день семь лѣтъ минуло
Съ той поры, какъ понесла
Анна кару и изъ за̀мка
Мужемъ изгнана была.

Семь ужъ лѣтъ она томится
Угрызеньемъ, нищетой,
И, отвергнутая всѣми,
Ходитъ по̀ міру съ сумой.

Мукъ, болѣзней материнскихъ
Не извѣдала она,
Но отъ жизни полной горя
Точно мертвая блѣдна.

Вотъ она приподнялася,
Съ безнадежною тоской,
И въ лучахъ зари вечерней
Видитъ старца предъ собой.

«Анна, встань, довольно плакать —
Старецъ тотъ заговорилъ; —
Для твоей безмѣрной скорби
Часъ пощады наступилъ.

«Встань, иди за мной!» — И Анна,
Съ послушаніемъ нѣмымъ,
По глухимъ тропинкамъ лѣса
Молча слѣдуетъ за нимъ.

На вечернемъ тихомъ небѣ
Яркій пурпуръ поблѣднѣлъ,
На вершинахъ темныхъ сосенъ
Лучъ послѣдній догорѣлъ.

Вотъ и ночь — ни зги не видно,
Лишь сквозь вѣтви иногда
Промелькнетъ своимъ мерцаньемъ
Одинокая звѣзда.

Такъ идутъ они сквозь чащу,
Пробираясь въ тишинѣ;
И пришли они къ часовнѣ
Въ темной лѣса глубинѣ.

Тихо, мертвое молчанье
Въ той часовнѣ; но она,
Посреди густого мрака,
Вся внутри освѣщена.

И старикъ несчастной Аннѣ
Говоритъ: «Не унывай,
Тѣхъ, кого ты тамъ увидишь,
О прощеньи умоляй».

Анна входитъ боязливо,
Съ робкимъ трепетомъ колѣнъ;
Грустнымъ эхомъ отдается
Шагъ ея отъ ветхихъ стѣнъ.

Кто-то шепчетъ имя Анны,
И стоятъ у алтаря,
Безъ подсвѣчниковъ, семь свѣчекъ,
Чистымъ пламенемъ горя.

Безъ цѣпей паникадило
Сверху въ воздухѣ виситъ...
Все о полномъ запустѣньи
Въ той часовнѣ говоритъ.

Треснулъ сводъ, дрожатъ ступени,
Напрестольной ризы нѣтъ;
Видно, что не совершалась
Служба здѣсь ужъ много лѣтъ.

И видѣнье видитъ Анна:
Вереницею лучей,
Семь фигуръ воздушныхъ, свѣтлыхъ
Промелькнули передъ ней;

И, скрестивъ безмолвно руки,
Въ умиленіи нѣмомъ,
Опустились на колѣни,
Предъ забытымъ алтаремъ.

Анна съ трепетомъ подходитъ
Къ этимъ призракамъ и имъ
Говоритъ, съ мольбой глубокой
И рыданіемъ глухимъ:

«Вы, которымъ я, злодѣйка,
Въ міръ явиться не дала,
Вы, которыхъ я отъ жизни
До зачатья отняла, —

Отъ заботъ и наслажденій
Отъ печалей и утѣхъ, —
Не рожденныя сироты!
Вы простите-ль мнѣ мой грѣхъ?»

[illegible]
[illegible]
И [illegible]
[illegible]

Он[illegible]
Анна [illegible]
[illegible]
[illegible]

Въ [illegible]
Въ изумленьи [illegible]
Въ спальнѣ [illegible] саду.
Весь онъ [illegible]

И идетъ съ привѣтомъ Анна,
Обративъ къ нему лицо,
На кровать его роняя
Обручальное кольцо.

И когда исчезли розы,
Вмѣстѣ съ призракомъ жены,
Эрихъ смолкнувшую цитру
Вновь снимаетъ со стѣны.

И поетъ онъ ту же пѣсню—
Но на грустный, тихій ладъ,—
Что подъ окнами невѣсты
Пѣлъ онъ, много лѣтъ назадъ:

„У меня есть лѣсъ и замокъ,
Нивы съ жатвой золотой,
[illegible] стада [illegible] сердце,
[illegible]

ВЕРБОВЩИКЪ.

Скрипки, бубны и гитары
Шумно, весело звучатъ,
Бородатые мадьяры,
Вкругъ столпившися, стоятъ;

А въ кругу, межъ лицъ ихъ бѣлыхъ,
Группа смуглая видна:
Хоръ цыгановъ загорѣлыхъ,
Покраснѣвшихъ отъ вина.

«Эй, цыгане! что-жъ вы стали?
Громче, бѣшенѣй, живѣй!
Такъ, чтобъ жилки всѣ дрожали!
Бей въ цимбалы веселѣй!

Такъ, подперши фертомъ руки,
Вербовщикъ сѣдой кричитъ,
И подъ бѣшеные звуки
Мѣрно шпорами звенитъ.

У цыганъ, его приказомъ
Поощренныхъ, вспыхнулъ взоръ —
И, какъ буря, грянулъ разомъ
Инструментовъ дружный хоръ.

[illegible]

[illegible]

Будешь ты солдатъ исправный!
[illegible], ловокъ и плечистъ...
[illegible] бы вышелъ славный
И лихой кавалеристъ!

Съ этимъ ростомъ, съ этой силой,
Какъ въ гусарахъ не служить?
[illegible] соху, мой милый,
[illegible] со мною пить!»

[illegible] восклицаетъ
[illegible] «Пей до дна!»
[illegible]
[illegible]

Приглашенье ветерана
Парень слышитъ, но молчитъ;
Точно дымкою тумана
Грустный взоръ его покрытъ.

Онъ съ сердечнымъ замираньемъ
Вспомнилъ славныхъ предковъ дни,
И волнуется желаньемъ —
Быть героемъ, какъ они;

Но мрачитъ другая дума
Этотъ пламенный порывъ,
Изъ-за музыки и шума
Слышитъ онъ другой призывъ.

Полный нѣжности и муки,
Онъ летитъ издалека,
Заглушая скрипокъ звуки
И слова вербовщика.

Это — матери унылой
Долетаетъ тихій стонъ,
То невѣсты голосъ милый
Изъ-за шума слышитъ онъ!

Видитъ хижину родную, —
Много лѣтъ онъ прожилъ въ ней! —
Видитъ липу вѣковую
И сверкающій ручей...

Эта хижина родная
Такъ невесело стоитъ,
Эта липа вѣковая
Грустно листьями шумитъ.

А ручей, какъ будто, плачетъ...
И у юноши въ груди
Сердце ноетъ, бьется, скачетъ...
Что-то будетъ впереди?

Отчего оно такъ бьется?
Изъ солдатъ [illegible] успѣлъ.
И оно тревожно рвется
На стезю отважныхъ дѣлъ?

Или къ матери, къ невѣстѣ
Къ дому юношу манитъ?
И недвижно онъ на мѣстѣ
Въ нерѣшимости стоитъ.

Думы душу его волнуютъ.—
Между тѣмъ въ его глазахъ
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Взоръ мольбы краснорѣчивой
Въ даль ужъ скоро уплыветъ
И любви призывъ тоскливый
Въ бурѣ звуковъ пропадетъ...

А вербо̀вщикъ подстрекаетъ
Шуткой ѣдкою и злой:
«Что? небось, война пугаетъ?
Ты, какъ видно не герой!

«Не похожъ ты на венгерца,
Ты не сынъ своихъ отцовъ,
А трусишка, бабье сердце!
Эхъ! не тратить бы мнѣ словъ!»

Участь юноши рѣшилась:
«Трусомъ быть мнѣ?—никогда!»
И лицо его покрылось
Краской гнѣва и стыда.

Съ видомъ гордымъ, величавымъ
Онъ выходитъ, смѣлъ и прямъ,
И съ вербо̀вщикомъ лукавымъ
Ударяетъ по рукамъ.

Взявши саблю у гусара,
Онъ надѣть ее спѣшитъ;
Но слеза въ очахъ мадьяра,
Чуть замѣтная, дрожитъ...

Что̀ тебя на полѣ боя
Ждетъ, отважный молодецъ?
Лавры славные героя,
Иль безвременный конецъ?

ПОХОРОНЫ НИЩЕЙ.

Въ одеждахъ черныхъ, по два въ рядъ,
И съ миной равнодушной,
Носильщики стащить спѣшатъ
Твой гробъ къ могилѣ душной...

Тамъ, въ этомъ ящикѣ гниломъ,
Сведя свой счетъ съ судьбою,
Спи, бѣдная, покойнымъ сномъ
Глубоко подъ землею.

Никто не вздумалъ проводить
Тебя въ твой путь печальный
И бѣдной нищей прахъ почтить
Своей слезой прощальной,

Оплакать въ нуждѣ и борьбѣ
Угаснувшія силы;
Лишь нищета вѣрна тебѣ
Осталась до могилы:

Людская скаредность тряпьемъ
Твой трупъ едва прикрыла

И крестъ поломанный, притомъ,
    На гробъ твой положила!

Но ты мертва, твой прахъ лежитъ
    Не мысля, не страдая,
И ужъ тебя не оскорбитъ
    Насмѣшка эта злая.

Ты нѣкогда цвѣла красой,
    Тобой всѣ любовались,
Друзей имѣла много ты,—
    Куда-жъ они дѣвались?

Съ тобой знакомствомъ всякъ изъ нихъ
    Такъ дорожилъ, гордился —
Что-жъ ни одинъ въ послѣднiй мигъ
    Съ тобою не простился?

* * *

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

ГЛУБОКУЮ НОШУ Я ВЪ СЕРДЦѢ РАНУ.

Глубокую ношу я въ сердцѣ рану,
Безъ устали мнѣ гложетъ грудь она;—
До гроба я страдать не перестану,
Душа тоской гнетущею полна...
Желалъ бы я въ рыданіяхъ излиться
Передъ однимъ лишь сердцемъ дорогимъ,
Но сердце то ужъ перестало биться,—
Навѣкъ земля сомкнулася надъ нимъ.
О, мать моя! коль я моей мольбою
Еще могу нарушить твой покой,
Когда своей безсмертною душою
Ты бодрствуешь донынѣ надо мной,—
То помоги мнѣ съ жизнью разлучиться:
Такъ жажду сна, безмолвной ночи я!
Пошли мнѣ миръ и помоги забыться,
Уйти отъ мукъ земного бытія...

МОРИЦЪ ГАРТМАНЪ.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Не ковёръ ли изъ цвѣтовъ пурпурныхъ
То покрылъ болгарскую долину?
То не тучи-ль голубой несутся,
Застилая горную вершину?

Нѣтъ, увы! то не цвѣты, а пламя
Покрываетъ родину болгара.
То не тучи голубой несутся —
Это дымъ ужасный, дымъ пожара.

Онъ столбомъ громаднымъ вьется въ верху,
Онъ плыветъ по небу облаками.
И пылаютъ въ заревѣ багровомъ
Хижины, покинутыя нами.

На горѣ стоимъ мы, растерявшись,
И въ глуши скрываемся [illegible],
И томимся голодомъ, какъ овцы,
Посреди пустыни каменистой.

Пусть же будутъ прокляты злодѣи,
Что̀ пришли къ намъ съ пламенемъ пожара!
Турки это, или христіане—
Да падетъ на нихъ Господня кара!

Пусть они потонутъ всѣ въ Дунаѣ,
Запрудятъ потокъ его тѣлами,
Чтобы нашу бѣдную отчизну
Затопилъ онъ бурными волнами!

Пусть гнилые трупы ихъ на берегъ
Выкинетъ бушующее море,
Чтобъ въ страну ихъ моровая язва
Принесла отчаянье и горе!

Что-то скажутъ наши богомольцы,
Возвратясь изъ дальней Палестины,
И въ странѣ своей родной увидѣвъ,
Вмѣсто селъ, лишь пепелъ да руины?

Накупивши у Святого Гроба
Образковъ, придутъ они въ пустыню:
Ни одной стѣны здѣсь не найти имъ,
Чтобъ повѣсить рѣдкую святыню.

Не пускай, о, милосердый Боже,
Къ намъ теперь морозовъ и мятели;
Удержи за облаками зиму,
Чтобы мы въ горахъ не коченѣли!

Здѣсь шумитъ холодный, рѣзкій вѣтеръ,
Дрожь беретъ—и нѣгдѣ пріютиться;
Никакой мы не имѣемъ кровли,
Чтобъ съ дѣтьми и женами укрыться.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

АДОЛЬФЪ ШТЕБЕРЪ.

КЪ ПОЭТУ И ЧИТАТЕЛЮ.

Если ищешь вдохновенья—
Съ тайнымъ трепетомъ въ груди,
Какъ во храмѣ для моленья,
Въ глубь души своей уйди.

Чтобы внѣшней суетою
Не развлекся праздно ты,
Чтобъ возсталъ передъ тобою
Ясно образъ красоты;

Чтобъ во всѣхъ частяхъ и въ цѣломъ
Могъ его ты созерцать,
И потомъ какъ бы на бѣломъ
Чистомъ мраморѣ ваять.

Хочешь генія твореньемъ
Насладиться—вотъ, читай,
Но съ святымъ благоговѣньемъ
Къ этой книгѣ приступай.

Чтобы, весь покрытый свѣтомъ,
Воплощенный идеалъ,
Образъ, созданный поэтомъ,
Предъ умомъ твоимъ предсталъ;

Чтобъ въ глубокомъ созерцаньи
Шелъ ты дальше, до конца,
И постигнуть могъ въ созданьи
Идеалъ его творца.

АНАСТАСІЙ ГРЮНЪ.

(ГРАФЪ АУЭРШПЕРГЪ).

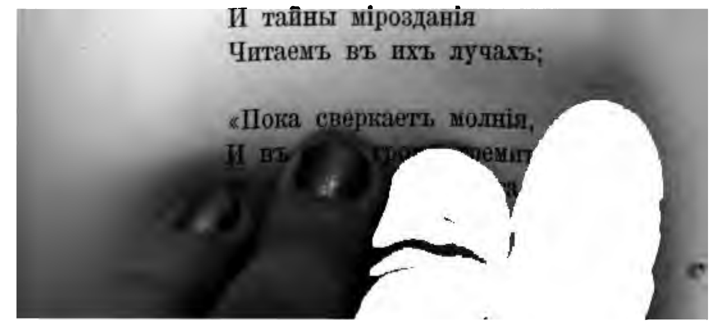
ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

«Доколѣ пѣть вы будете,
Поэты, и зачѣмъ?
Иль ваша пѣсня старая
Пропѣта не совсѣмъ?»

— «Покуда солнце свѣтитъ намъ
Съ лазурной вышины
И взоры человѣчества
Къ нему обращены;

«Покуда звѣзды яркія
Мы видимъ въ небесахъ
И тайны мірозданія
Читаемъ въ ихъ лучахъ;

«Пока сверкаетъ молнія,
И въ [illegible]

«Пока благоуханная
Весна еще цвѣтетъ,
Покуда жизнь изъ тлѣнія
Природа создаетъ;

«Пока цвѣты рождаются,
Покуда лѣсъ шумитъ
И нивы жатва сочная,
Волнуясь, золотитъ;

«Пока еще способны мы
Къ улыбкамъ и слезамъ,
Покуда все прекрасное
Еще доступно намъ;

«Пока еще любуемся
Мы небомъ голубымъ,
Страдаемъ, мыслимъ, чувствуемъ,
Любовію горимъ,

«Желаемъ, порываемся,
Съ тоской стремимся въ даль,
Пока волнуютъ сердце намъ
И радость и печаль;

«Пока оно надеждою
Способно трепетать,
Скорбѣть чужою скорбію,
За ближняго страдать;

«Пока не остановятся
Порывы нашихъ думъ,
Покуда къ свѣту, къ истинѣ,
Къ добру стремится умъ;

«Пока земля не рухнула,
Покуда міръ живетъ,
Покуда человѣчество
Ликуетъ и поетъ;

«Пока еще не кончился
Планеты нашей вѣкъ
И не исчезнулъ, вмѣстѣ съ ней,
Послѣдній человѣкъ!

«Съ нимъ смолкнетъ пѣсня старая
И нашей лиры звонъ:
Изъ всѣхъ поэтовъ пламенныхъ
Послѣднимъ будетъ онъ.

Тогда спроси у этого
Послѣдняго пѣвца:
Ужели пѣсня вѣчная
Не спѣта до конца?»

ГЕРВЕГЪ.

ЖЕЛАЛЪ БЫ Я...

Желалъ бы я исчезнуть безъ слѣда,
Какъ въ небесахъ лучи зари пурпурной;
Желалъ бы я угаснуть какъ звѣзда,
Горящая въ ихъ высотѣ лазурной.

Желалъ бы я пройти какъ свѣтлый сонъ,
Отогнанный работою дневною,
Иль замереть какъ ночью дальній звонъ,
Смѣнившійся глубокой тишиною.

Желалъ бы я исчезнуть какъ роса
Подъ теплотой могучаго свѣтила,
Желалъ бы я подняться въ небеса,
Какъ ѳиміамъ священнаго кадила.

Желалъ бы я разсѣяться какъ дымъ,
Какъ въ воздухѣ цвѣтовъ благоуханье,
Желалъ бы я всѣмъ существомъ моимъ
Исчезнуть вдругъ, безъ муки и страданья.

Желалъ бы я... но для чего желать?
Вѣдь людямъ смерть не такъ легко дается;
Пока до ней—они должны страдать,
Пока до ней—ихъ сердце разобьется.

И лишь тогда приходитъ къ нимъ она,
Печальная отъ всѣхъ скорбей свобода,
Концу безъ мукъ причастна ты одна,
Великая, бездушная природа!

ГУГО КРЕБСЪ.

* * *

Кому нужда до бѣднаго цвѣтка,
Чтò сорвала со стебля непогода?
Кому нужда до скромнаго листка,
Чтò истребленъ ногою пѣшехода?

Кому нужда до горя безъ конца,
Чтò жизнь людей безвѣстныхъ разбиваетъ?
Кому нужда до честнаго борца,
Чтò средь борьбы житейской погибаетъ?

Кто хочетъ знать,—какъ много гибнетъ силъ,
Не признанныхъ, заброшенныхъ, забытыхъ
Среди толпы? Кто у себя спросилъ—
Какъ много въ ней заботъ, надеждъ разбитыхъ?

Кому нужда до чьей-то тамъ души,
Съ ея тоской, отчаяньемъ, любовью,
До сердца, чтò истаяло въ тиши,
Иль облилось отъ жгучей муки кровью?

Кому нужда—страдаетъ кто иль нѣтъ?
Кто о бѣдахъ людей ничтожныхъ спроситъ?
Житейскій вихрь замелъ ихъ скорбный слѣдъ
Потокъ временъ обломки всѣ уноситъ...

ЛОРЪ.

ЧТО ОСТАЛОСЬ?

Прежде звѣзды мнѣ сіяли,
Розы путь мой украшали,
Но и плакалъ я не разъ.
Отцвѣли давно тѣ розы,
Звѣздъ ужъ нѣтъ—и только слезы
И теперь бѣгутъ изъ глазъ...

КАЗАЛИСЪ.

***

Съ тоскою мрачною своею,
Храня слѣды былыхъ боговъ,
Нашъ умъ подобится музею
Съ минувшей славою отцовъ.

Вдыхая ѣдкій запахъ пыли
Отъ старыхъ, рухнувшихъ могилъ,
Еще мы свѣта не забыли,
Чтò міру нѣкогда свѣтилъ.

Но, поклоняясь какъ святынѣ
Тому, чѣмъ въ прошломъ дорожимъ,
Мы сознаемъ, что старость нынѣ
Пришла къ намъ съ холодомъ своимъ;

Что въ этой старости угрюмой
Одна лишь радость намъ дана:
Вновь создавать, своею думой,
Въ душѣ былыя времена.

ДРАНМОРЪ.

ПОЭЗІЯ, СОНЪ ЮНОСТИ.

Поэзія, сонъ юности прекрасный!
Я разстаюсь съ тобою навсегда:
На деревѣ судьбы моей несчастной
Нѣтъ сладкаго ни одного плода.

Разбито все мое существованье,
И до того изныла грудь моя,
Что порвались въ ней струны ликованья,
А грустныхъ струнъ не въ силахъ тронуть я!

СПЛИНЪ.

Нашъ міръ великъ: я это испыталъ,
Пройдя его материки и воды;
Нашъ міръ такъ малъ: вернувшись, осмѣялъ
Я въ глубинѣ души свои походы.
Нигдѣ не могъ я счастья отыскать,—
И пылкость грезъ, надеждъ моихъ остыла;
Ребячествомъ мнѣ кажется роптать,
Что и любовь, какъ все, мнѣ измѣнила.
Мнѣ не могли веселья въ сердце влить
Ни женщины, ни звонкіе бокалы,
И искренно могу теперь спросить:
«Гдѣ вы, души и сердца идеалы?»

Я изнемогъ въ погонѣ за мечтой,
Въ усиліяхъ напрасныхъ и безплодныхъ...
Когда во мнѣ кипѣлъ потокъ живой
Высокихъ думъ, порывовъ благородныхъ,
То ближніе всегда встрѣчали ихъ
Презрѣніемъ, насмѣшкой, злобой дикой...
Великій міръ страстишекъ мелочныхъ!
О, крошечный міръ суеты великой!
Куда бы я глаза ни обращалъ,
Куда-бъ меня судьба ни направляла—

Я съ горечью повсюду замѣчалъ,
Что та же пыль къ подошвамъ приставала!
Безсильный гнѣвъ тогда во мнѣ кипѣлъ,
Къ ничтожному, безсмысленному міру
Душъ низменныхъ и недостойныхъ дѣлъ,
И рабскаго служенія кумиру.

Но гнѣвъ слабѣлъ—и превратился онъ
Въ смиренное, печальное сознанье,
Что изъ земли я той же сотворенъ,
Что я, какъ всѣ, ничтожное со́зданье!
Не знаю самъ—чего хочу, куда
Влечетъ меня неясное стремленье;
Я испыталъ безсилье, пресыщенье...
Конецъ придетъ—но—Боже мой?—когда?

Пусть многіе, чьи опустились руки,
Какъ и мои, въ усильяхъ и борьбѣ,
Готовы все простить себѣ,
За всѣ свои страданія и муки,—
Я не таковъ, и мой тревожный умъ
Не можетъ въ томъ найти успокоенья.
Куда, куда уйти отъ этихъ думъ?
Забвенья жажду я, забвенья!..

МОЛИТВА.

Ночь поздняя; ужъ близокъ день грядущій,
А съ нимъ—бѣда мнѣ въ двери застучитъ...
Спаси меня, о Боже всемогущій!
Пусть этотъ громъ безвредно прогремитъ.

Я изнемогъ, и духъ во мнѣ слабѣетъ...
О, Господи! отъ бѣдствія избавь,
Пусть голова отъ горя посѣдѣетъ,
Но сердца безъ отрады не оставь!

Одно, одно такое испытанье—
И я погибъ... услышь мой скорбный гласъ!
Когда меня обрекъ ты на страданье,
Будь милосердъ на этотъ только разъ!

Я выносить уже не въ силахъ болѣ;
Я покорюсь безропотно, вполнѣ,
Всевѣдущій, Твоей премудрой волѣ,
Но дай вздохнуть хоть на минуту мнѣ!

Вотъ Южный Крестъ горитъ надъ океаномъ,
А тамъ, вдали, на родинѣ моей,

Покрытой льдомъ, окутанной туманомъ
Дрожатъ сердца мнѣ дорогихъ людей...

Ужель они со мной погибнутъ тоже?
О, изведи меня изъ тьмы скорбей,
Хоть ради ихъ, ни въ чемъ невинныхъ... Боже!
Безсиленъ я безъ помощи Твоей.

ДУМА.

Рождаются и гибнутъ поколѣнья
Въ великомъ цѣломъ, мигъ поживъ на свѣтѣ;
Гиганты, карлы, старцы, или дѣти—
Мы—хрупкія одной лишь цѣпи звенья.

Вселенная шаговъ не замедляетъ,
Все одному закону въ ней послушно,
И каждый мигъ лучъ солнца равнодушно
Родившихся и мертвыхъ озаряетъ.

О смерти—то, чтò лишено сознанья
Не думаетъ, но мысль о ней отъ вѣка
Тревожитъ умъ и сердце человѣка,
Рожденнаго для мысли и страданья.

Пусть онъ умретъ, едва успѣвъ родиться,
Пусть онъ блеснетъ, какъ искра метеора—
Но жаждетъ онъ движенья и простора,
Пока онъ живъ, онъ дѣйствовать стремится.

Онъ хочетъ быть властителемъ вселенной,
Путемъ труда, сомнѣнія и муки
Дойти до дна искусства и науки,
Постигнуть смыслъ природы сокровенный.

Желаетъ онъ, при кликахъ одобренья,
Со славою сойти въ свою могилу
И заявить живущую въ немъ силу
Дѣяньями, иль блескомъ разумѣнья.

Прогрессъ, движенье—это наше знамя,
Смѣемся мы надъ каждымъ, кто отстанетъ,
Мы чувствуемъ, что насъ впередъ все тянетъ—
И этому, порой, дивимся сами.

Не знаемъ мы—зачѣмъ, среди обломковъ
Отжившихъ вѣръ, спѣшимъ впередъ безъ страха,
И создаемъ изъ собственнаго праха
Мы новый храмъ, какъ будто для потомковъ.

Они жъ, создавъ ученіе иное,
Преклонятся предъ новыми богами, —
И осмѣютъ все сдѣланное нами
Ихъ мудрецы, пророки и герои.

И съ ними-тожъ: исчезнетъ слѣдъ ихъ каждый,
Творенія философа, поэта...
Недостижимъ для насъ источникъ свѣта,
Мы всѣ умремъ съ неутоленной жаждой.

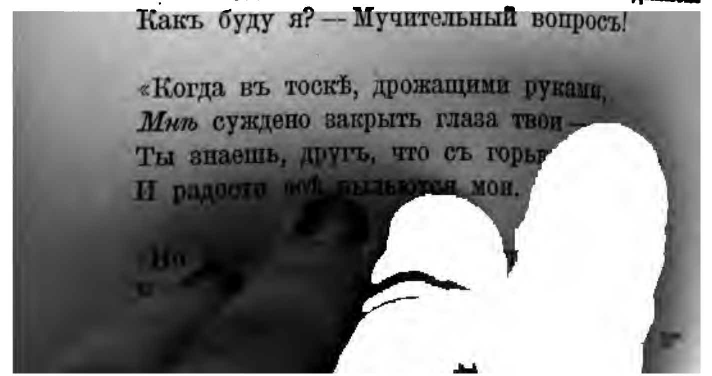
Къ чему жъ борьба, наука, вдохновенье,
Когда нашъ вѣкъ одну минуту длится?
Все это—лишь желаніе забыться,
Поспѣшный бѣгъ предъ словомъ «разрушенье».

ЖЕЛАНІЕ.

«Прекрасенъ день, развеселись, мой милый!
Кругомъ весна такъ чудно разцвѣла...
Пойдемъ въ поля, оставь свой видъ унылый!»
Съ улыбкою она его звала.

Но думалъ онъ: «Что значатъ дни, недѣли?
Жизнь такъ хрупка, такъ скоръ временъ полётъ...
Чего мы ждемъ, къ какой стремимся цѣли,
Когда ничто отъ смерти не спасетъ?

«Кто изъ двухъ насъ къ могилѣ неизбѣжной
Придетъ скорѣй? — Проливъ потоки слезъ,
Какъ будешь жить ты въ скорби безнадежной?
Какъ буду я? — Мучительный вопросъ!

«Когда въ тоскѣ, дрожащими руками,
Мнѣ суждено закрыть глаза твои —
Ты знаешь, другъ, что съ горь
И радости [illegible] мои.

«Но

И изъ твоей груди осиротѣлой
Раздастся вопль: «Что-жъ буду дѣлать я?»...

«Нѣтъ, Господи! къ Тебѣ, съ мольбой глубокой,
Взываю я: не дай ей изнывать
Безпомощной, несчастной, одинокой...
Ужъ лучше мнѣ то горе испытать!»

(ИЗЪ DÄMONENWALZER).

Если къ скалѣ Прометея
Долгъ мой меня приковалъ, —
Боже! не дай, чтобы коршунъ
Внутренность мнѣ истерзалъ.

Могутъ у ногъ моихъ биться
Бурныя волны страстей,
Можетъ ихъ ѣдкая пѣна
Брызгать до груди моей:

Въ силахъ я справиться съ ними,
Въ силахъ противиться имъ; —
Но я такъ слабъ передъ сердцемъ,
Собственнымъ сердцемъ моимъ!

Лишь отъ него я страдаю,
Въ этомъ вся мука моя:
Чувствую слишкомъ ужъ пылко,
По-человѣчески я.

Если мнѣ не дано дара
Въ выспреннихъ сферахъ витать

И въ олимпійскомъ покоѣ
Міръ съ высоты созерцать;

Иль, человѣчество страстно,
Всѣмъ существомъ возлюбя,
Все принести ему въ жертву,
Съ полнымъ забвеньемъ себя, —

Пусть тогда холодъ могилы
Въ душу мою низойдетъ,
И въ моемъ сердцѣ горячемъ
Всякое чувство умретъ!

Легче быть мертвымъ душою,
Чѣмъ средь ночной тишины
Плакать, что сбыться не могутъ
Сердца безумные сны...

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ «REQUIEM».

1.

О смерть, моихъ властительница думъ,
Конецъ надеждъ, порывовъ и желаній,
Вопросъ души, тревожащій нашъ умъ,
Колеблющій твердыни нашихъ знаній;

Чей образъ былъ такъ отъ меня далекъ
Въ дни юности, когда я жилъ мечтами,
Когда моей души живой потокъ
Наполненъ былъ весенними дождями;

Которой такъ боялся прежде я, —
Хотя меня безсмертьемъ утѣшали, —
Привыкнувши къ утѣхамъ бытія,
Къ его страстямъ, заботамъ и печали;

Которой я теперь съ надеждой жду,
Какъ сна, гдѣ насъ не потревожатъ грезы,
Чтó все уйметъ въ груди: любовь, вражду, —
И навсегда осушитъ наши слезы.

Какъ часто я взывалъ къ тебѣ въ тиши,
Желалъ твоихъ таинственныхъ объятій!
Бальзамомъ будь для ранъ моей души,
Отрадою моихъ скорбящихъ братій.

Тебя, о смерть, я буду прославлять;
Позволь мнѣ быть, въ смиреніи глубокомъ,
Твоимъ пѣвцомъ, глашатаемъ, пророкомъ,
Чтобъ розами твой образъ увѣнчать,

Превознести ту творческую силу,
Чтó бытіе истлѣвшему даетъ,
Жизнь новую изъ праха создаетъ,
Ввергая все живущее въ могилу.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Свой реквіемъ тебѣ я посвятилъ:
Въ немъ каждый стихъ проникнутъ сердца кровью,
Всѣмъ существомъ моихъ душевныхъ силъ
И къ ближнему глубокою любовью...

2.

Нѣтъ для меня уже очарованья,
Разсѣялся туманъ прекрасныхъ грезъ,—
И съ жизнію печальной разставанье
Изъ глазъ моихъ не вырветъ горькихъ слезъ.

Но, мать земля! я трепещу отъ страха
Предъ этою минутой роковой;
Ужасна мысль, что созданъ я изъ праха
И буду въ прахъ вновь превращенъ тобой.

Униженъ я, мой духъ теряетъ силы,
Все существо мое возмущено,
Что медленно сгніетъ на днѣ могилы
Такъ медленно всходившее зерно...

Во мнѣ кипятъ и гнѣвъ, и стыдъ, и злоба
Безсильная, когда, порою, я
Подумаю о страшныхъ тайнахъ гроба,
Ничтожествѣ земного бытія...

Еще страшнѣй, ужаснѣй представленье
О бѣднякѣ, котораго сочли
За мертваго, въ печальномъ заблужденьи,
И за̀живо могилѣ обрекли.

Вотъ онъ лежитъ, не движется, не дышетъ,
Безжизненны черты его лица,
Но смутно онъ сквозь мертвый сонъ свой слышитъ,
Что въ гробъ его кладутъ, какъ мертвеца...

Вотъ понесли... гвоздями гробъ забили...
Стукъ молотка... веревокъ шумъ глухой...
Вотъ, наконецъ, и въ яму опустили
И на̀скоро засыпали землей...

Онъ все лежитъ въ своемъ оцѣпенѣньи,
Неодолимъ его сковавшій сонъ;
Зарытъ... погибъ... навѣки преданъ тлѣнью —
И вдругъ — въ своей тюрьмѣ очнется онъ!

А тамъ, въ землѣ — безмѣрныя страданья,
Отчаянье со скрежетомъ зубовъ,
Безсильный вопль, подземныя рыданья
Живой души среди нѣмыхъ гробовъ...

Остановись, мое воображенье:
Я чувствую, что леденѣетъ кровь...
Прочь отъ меня, ужасное видѣнье!
Не возмущай моихъ ты мыслей вновь!

О, чѣмъ лежать въ могилѣ погребеннымъ
И тлѣть, служа добычею червямъ,
Не лучше ли сгорѣть останкамъ бреннымъ
И въ пламени подняться къ небесамъ?

Пусть будетъ ихъ удѣломъ не гніенье,
Не тѣсный гробъ, а воздухъ и просторъ:
Послѣднее для насъ благословенье —
Не мрачная могила, а костеръ!

3.

Къ чему слова напрасныя поэта?
И пѣснь его кому теперь нужна,
Когда не льститъ она капризамъ свѣта,
Иль если въ ней насмѣшка не слышна?
Да, въ наши дни, чреватые грозою,
Въ нашъ зрѣлый вѣкъ кто станетъ прибѣгать
Къ поэзіи, чтобы ея струею
Своей души заботы облегчать?
Я не хочу быть гостемъ нежеланнымъ
И съ лирою не выступаю въ свѣтъ
Ни какъ герольдъ тревоги, съ кликомъ браннымъ,
Ни какъ любви чувствительный поэтъ.

Была пора: я съ гордымъ ликованьемъ
Глядѣлъ на міръ, сквозь утренній туманъ,
Теперь — одинъ, одинъ исходъ мнѣ данъ:
Жить внутреннимъ, глубокимъ созерцаньемъ.

Дней юности прошелъ счастливый сонъ,
Давно уже мнѣ чуждо наслажденье;
Борьба съ собой и самоотреченье,
Духъ жертвъ—вотъ мой теперешній законъ.
И все, къ чему душа моя стремилась,
Въ горнилѣ думъ моихъ преобразилось
Въ торжественный заупокойный звонъ.

Еще не все въ груди моей погасло,
Не весь огонь, что̀ нѣкогда пылалъ,
Къ которому никто не подлилъ масла, —
Его я самъ лелѣялъ и питалъ.
Нѣтъ, сердце, нѣтъ! въ тебѣ еще мелькаютъ
Струи огня отъ пламени того,
И искры вверхъ, сверкая, вылетаютъ,
По временамъ, изъ пепла твоего!
Не много ихъ — другія догорѣли —
Зима близка, и я стою у цѣли,
Къ которой всѣ живущіе придутъ;
И, можетъ быть, напрасенъ былъ мой трудъ:
Мнѣ, кажется, что свѣтъ меня осудитъ,
И обвинять тебя съ насмѣшкой будетъ
Его сухой, холодный приговоръ,—
За то, что ты ужъ слишкомъ сильно билось,
Что не совсѣмъ ты въ пепелъ превратилось,
Не унялось еще до этихъ поръ!

Смущусь-ли я холодностію вѣка?
Нѣтъ, до конца я буду продолжать:
Пѣвцы должны, для блага человѣка,
Свѣтъ истины и правды прославлять.
Смерть близится, и съ ней предѣлъ сознанья
Передо мной, какъ призракъ, возстаетъ
Но страстное, тоскливое желанье
Влечетъ меня по прежнему впередъ.

Мнѣ не дано того огня святого,
Не мой удѣлъ — тотъ вдохновенный даръ,
Чтобъ молніей пророческаго слова
Въ сердцахъ людей производить пожаръ.
Вамъ первенство, свѣтильники созданья,
Цари ума! призванье ваше въ томъ,
Чтобы людей, томимыхъ жаждой знанья,
Поить своимъ божественнымъ виномъ!

4.

Нѣтъ, не баловнямъ безумнымъ,
Обыденнымъ пошлякамъ,
Чтó идутъ съ тріумфомъ шумнымъ
По утоптаннымъ путямъ;
Чтутъ Маммона, славословятъ
Позлащенный истуканъ
И дары Фортуны ловятъ
Въ ненасытный свой карманъ,
Взоромъ жаднымъ, похотливымъ
Сладко глядя на нее,—
Нѣтъ, не имъ, глупцамъ кичливымъ,
Сердце отдано мое!

А забытымъ, побѣжденнымъ,
Слишкомъ слабымъ для борьбы,
Боязливымъ, опаленнымъ
Гнѣвной молніей судьбы;
Тѣмъ, которые находятъ
Лишь тернистую тропу
И въ себя, дрожа, уходятъ,
Какъ улитка въ скорлупу.
Я, извѣдавшій всѣ бѣды,
Я, который такъ страдалъ

И кого вѣнецъ побѣды
Никогда не украшалъ;
Я, который съ колыбели
Видѣлъ много грустныхъ глазъ
И склонялся у постели
Умирающихъ не разъ, —
Не могу безъ содроганья
Въ сердцѣ, дышущемъ едва,
Видѣть ближняго страданья
Скорбь живого существа!

ПОЭТЪ.

Вы знаете-ль — чѣмъ дышетъ грудь поэта?
Страданіе другихъ ее гнететъ,
Сочувствіемъ всему она согрѣта,
Что́ чувствуетъ, и мыслитъ, и живетъ.

Въ сердцахъ людей онъ струнъ отзывныхъ ищетъ,
Тѣхъ рѣдкихъ струнъ нигдѣ не находя;
Кругомъ толпа и шикаетъ и свищетъ,
Завѣтныхъ думъ поэта не щадя.

Но въ немъ живетъ великая отвага:
Гоненіе его не устрашитъ,
Страдая самъ, для всѣхъ онъ жаждетъ блага —
И стихъ его пророчески звучитъ.

О, пусть толпа въ безуміи коснѣетъ
И предаетъ поэта всѣмъ скорбямъ:
Онъ не пожнетъ того, что́ нынѣ сѣетъ,
Куря добру и правдѣ ѳиміамъ,

Но какъ родникъ среди песковъ палящихъ,
Его глаголъ послужитъ, наконецъ,
Ключемъ живымъ для бѣдныхъ и скорбящихъ
И жаждою измученныхъ сердецъ.

НѢТЪ МАЛО МНѢ...

Нѣтъ, мало мнѣ того успокоенья,
Которое Горацій воспѣвалъ:
Не усмирять тоскливаго волненья
Идилліи, гдѣ мира я искалъ.
Когда меня властительныя страсти
Тревожили, въ дни юности моей,
И рвали грудь и сердце мнѣ на части,—
Оно нашло бальзамъ противъ скорбей.
Когда мой умъ тревога наполняла,
Когда изъ ранъ души сочилась кровь,
Мнѣ новую надежду навѣвала
Она, она—всесильная любовь!
И не одинъ прекрасный и любимый,
Чарующій являлся образъ мнѣ;
Затерянный въ дали необозримой
Блескъ чудныхъ глазъ я видѣлъ въ тишинѣ.
Во тьмѣ ночей, когда и грусть, и грезы
О прошлыхъ дняхъ овладѣвали мной,
Мой лобъ горѣлъ, и чувствовалъ я слезы,
Бѣжавшія цѣлительной струей...
О, въ силахъ я переносить страданье,
Грядущее меня не устрашитъ:
Живятъ меня мои воспоминанья,
Хоть смерти гимнъ въ моей душѣ гремитъ!

* * *

За зло, людьми содѣланное намъ
Отмститъ судьба тяжелымъ наказаньемъ.
Я-бъ въ правѣ былъ вредить своимъ врагамъ,
Привѣтствовать ихъ гибель ликованьемъ;

Но не могу я злобу сохранить
Въ моей душѣ; не въ силахъ счастье видѣть
Въ отмщеніи: мнѣ сладостно любить,
Нѣтъ никакой отрады — ненавидѣть!

ПРИЗНАНІЕ.

Во тьмѣ скорбей, подъ мрачной тучей горя,
Когда меня житейскій вихрь носилъ
Надъ безднами бушующаго моря,
Себѣ не разъ я въ сердцѣ говорилъ:

«Ты одинокъ; куда ни кинешь взоры —
Спасенья нѣтъ; напрасно ты зовешь
Къ себѣ людей, — не ожидай опоры
Ни отъ кого: ея ты не найдешь.

«Твой ближній глухъ для чувства состраданья;
Борись одинъ, не думая о немъ,
И съ этихъ поръ всѣ мысли и желанья
Сосредоточь лишь на себѣ самомъ.

«Оставь другихъ, хотя-бъ твоя услуга
Могла помочь имъ въ тягостной борьбѣ;
Не выручай ни нѣдруга ни друга,
Спасайся самъ, заботься о себѣ.

«Пусть гибнутъ всѣ во глубинѣ мятежной,
На нихъ не трать своихъ послѣднихъ силъ.
Идеалистъ, съ душою дѣтски-нѣжной!
Кому свою любовь ты посвятилъ?

«И для кого, исполненъ свѣтлой вѣры
Въ добро, въ людей, ты жертвовалъ собой?
Все это — лишь ханжи и лицемѣры,
Которые смѣются надъ тобой,

«Предатели, чтó въ грязь тебя втоптали...
И даже тотъ, кто шелъ уже ко дну,
Кого ты спасъ въ день нýжды и печали,
Столкнетъ тебя охотно въ глубину!

«Извѣдалъ ты безмѣрное страданье,
Взамѣнъ добра пріобрѣтая зло,
И не одно іудино лобзанье
Твои уста коварно обожгло.

«Закрой свои горячія объятья,
Святыню чувствъ глубоко затаи
И, подъ броней презрѣнья и проклятья,
Ожесточись, какъ ближніе твои».

И съ каждымъ днемъ я больше убѣждался
Въ бездушіи, въ предательствѣ людей,
И съ каждымъ днемъ все больше накоплялся
Мертвящій ядъ на днѣ души моей.

Озлобленный и лобъ свой мрачно хмуря,
Обѣтъ вражды я часто повторялъ,—
Вражды ко всѣмъ... Но проходила буря,
Ночную тьму свѣтъ солнца прогонялъ —

И, радостью великою объята,
Моя душа смягчалася опять,
И каждаго готовъ я былъ, какъ брата
Съ любовію къ груди моей прижать!

МРАЧНЫЯ ДУМЫ ВЪ МОЕЙ ГОЛОВѢ.

Мрачны думы въ моей головѣ,
Въ сердцѣ раны зіяютъ кровавыя...
Я желалъ бы уснуть на зеленой травѣ,
Тамъ гдѣ ели растутъ величавыя.

Я почилъ бы навѣкъ подъ ихъ тѣнью густой,
Бросивъ къ небу мой взоръ угасающій,
Къ муравѣ, напоенной холодной росой,
Прижимаяся грудью пылающей.

О, какъ долго, какъ долго томилась она,
Безконечно-тоскливымъ желаніемъ—
Обрѣсти въ глубинѣ непробуднаго сна
Миръ душѣ, утомленной страданіемъ!

Въ тишинѣ, не тревожимой шумомъ людскимъ,
Никакими житейскими звуками,
Я нашелъ бы покой мрачнымъ думамъ моимъ
И покончилъ съ сердечными муками.

Долго бодрствовалъ я и стремился впередъ,
Упоенный надеждой отрадною, –

А теперь для меня уже ночь настаетъ,
Съ ея свѣтомъ, съ ея тѣнью прохладною.

Закатилась моихъ упованій звѣзда,
Въ смертномъ мракѣ души потонувшая:
О, прости свѣтъ небесный, прости навсегда,
Моя радость, навѣки уснувшая!

Не взволнуется больше остывшая грудь
Ни надеждой, ни горемъ, ни ропотомъ...
И подъ тѣнью тѣхъ елей желалъ бы заснуть,
Убаюканный тихимъ ихъ шопотомъ.

РЮККЕРТЪ.

МЕЧТАТЕЛЮ.

На мотивъ изъ Рюккерта.

Волю давъ воображенью
И порывамъ праздныхъ думъ,
Всей вселенной къ улучшенью
Напрягаешь ты свой умъ.

Возишь, въ суетной надеждѣ,
Плугъ по нивамъ міровымъ,—
Но занялся ли ты прежде
Полемъ *собственнымъ своимъ?*

Ты вѣщаешь горделиво:
«Въ мірѣ—плевелы и тьма»,—
Но твоя готова-ль нива,
Нива сердца и ума?

Если нѣтъ—своимъ заботамъ
Одобренья не проси;
Прежде жаркимъ, крупнымъ потомъ
Эту ниву ороси,

Чтобы жатвой обильной
Вся покрылася она.—
И тогда рукой сильной
Бросишь въ миръ ты сѣмена.

О, тогда они безспорно
Въ пустотѣ не пропадутъ.
И послужитъ благотворно
Человѣчеству твой трудъ.

ЗИГФРИДЪ ЛИППИНЕРЪ.

ЖЕЛАНІЕ.

Не какъ чужой, холоднымъ разставаньемъ,
Съ тобою, жизнь, хочу проститься я:
Въ мой смертный часъ любовью и страданьемъ
Пусть снова грудь наполнится моя.

Явись же мнѣ въ день смертнаго недуга
Во всей красѣ, порадовать мой взоръ,
Какъ рядится красавица для друга,
Для милаго, въ любимый имъ уборъ.

Пусть вся земля покроется цвѣтами,
Пусть вѣетъ мнѣ весенній вѣтерокъ,
И пѣсни птицъ звучатъ подъ небесами,
И льетъ лучи пылающій Востокъ.

Чтобъ грудь моя желаньемъ трепетала,
Мой влажный взоръ твой свѣтъ увидѣлъ вновь,
Чтобъ мнѣ забыть, какъ ты меня терзала
И помнить лишь одно: твою любовь!

Чтобъ въ грустный мигъ прощальнаго лобзанья
Въ твоихъ очахъ мнѣ взоромъ утонуть
И въ свѣтѣ ихъ на новое свиданье
Глубокую надежду почерпнуть.

И прежде чѣмъ груди моей коснется
Смерть блѣдная желѣзною рукой,
Пусть сердце въ ней, пылая, разобьется,
Стремясь къ тебѣ съ желаньемъ и тоской.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПОЭТЫ.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ-МЮСЕ.

ТЮРЬМА.

(LE MIE PRIGIONI).

Фразу слышимъ мы нерѣдко:
«Мраченъ какъ темницы дверь»;
И сравненье очень мѣтко,—
Это вижу я теперь.

Некрасива эта яма!
Чтобъ съ тоски не умереть,
Буду въ очи факту прямо
И рѣшительно смотрѣть.

Ужъ съ недѣлю прозябаю
Въ этой клѣткѣ я моей,
И съ досадой замѣчаю,
Что довольно душно въ ней.

Дай-ка сяду я къ окошку,
Съ сигареткою въ зубахъ,
Между тѣмъ какъ понемножку
Солнце всходитъ въ небесахъ.

Что за прелесть — перспектива!
Какъ любуюсь ею я!
Вотъ развѣшаны красиво
Груды стараго тряпья.

Я, со сна, еще зѣваю;
Чтобъ развлечься поскорѣй,
Взоръ на стѣну устремляю,
Съ длинной крышею надъ ней.

Тотъ, кто въ тюрьмахъ не бываетъ,
Не повѣритъ, право, мнѣ —
Что за чудный видъ являетъ
Черепица на стѣнѣ.

Вотъ и солнце освѣтило
Камни этихъ стѣнъ нагихъ,
Крышу плоскую покрыло
Сѣткой нитей золотыхъ.

Въ казематахъ этихъ, право,
Ничего дурного нѣтъ;
Ихъ украсили на славу
И художникъ и поэтъ.

Не одна здѣсь потрудилась,
Въ скукѣ праздности, рука;
Не одна здѣсь мысль явилась
Изъ ночного колпака.

Въ настроеніи унылом,
Иль веселомъ, сей чертогъ
Всякъ по вкусу и по силамъ
Расписалъ какъ зналъ, какъ могъ.

Здѣсь вотъ — ликъ Пречистой Дѣвы,
Вотъ — неконченный портретъ,
Здѣсь — игривые напѣвы,
Тутъ — молитва, тамъ — сонетъ.

Вотъ Любовь, Надежда, Вѣра,
Милосердье, Благодать;
Вотъ — проказница Венера
Съ смѣхомъ смотритъ на кровать.

Вотъ Луи-Филиппъ и, рядомъ,
Самъ Христосъ, вблизи его,
Удивленнымъ смотритъ взглядомъ
На сосѣда своего...

Вотъ толстякъ какой-то важно
Куритъ трубку, глядя внизъ
И забравшися отважно
Подъ разсохшійся карнизъ.

И пейзажъ тутъ пріютился
Средь эскизовъ и картинъ;
Видно, что надъ нимъ трудился
Пресолидный господинъ.

Много мѣста одалискамъ
Чья-то рѣзвая рука
Отвела, съ опаснымъ рискомъ,
На стѣнахъ до потолка.

Тѣ штрихи, уже, отъ пыли,
Почернѣвшіе давно,
Говорятъ: «Здѣсь мысли жили,
Хоть мгновеніе одно».

Сколько здѣсь перебывало
Заключенныхъ! Счету нѣтъ!
Сколько здѣсь сердецъ страдало
И оставило свой слѣдъ!

На кровати, гдѣ слагаю
Риѳмы, скуку затая,
На подушкѣ, гдѣ зѣваю
И потягиваюсь я —

Что̀ за людъ разнообразный
До меня уже лежалъ
И въ томленьи скуки праздной
Грустно голову склонялъ!

Ба! а это что такое
Между пальцевъ потекло,
Тепловатою струею,
На оконное стекло?

Что же значатъ эти слезы
Въ этотъ ранній утра часъ?
Что̀ за думы, что̀ за грезы
Вызываютъ ихъ изъ глазъ?

Или сердце заболѣло
О возлюбленной моей?
Вздоръ! да ей какое дѣло
До меня и мнѣ — до ней?

Иль меня, въ тоскѣ напрасной,
Думы вѣчныя влекутъ
Къ незнакомкѣ той прекрасной,
Что̀ Свободою зовутъ?

Нѣтъ! тотъ призракъ износился,
Полинялъ, какъ старый томъ,
Съ той поры, какъ очутился
За рѣшеткой подъ замкомъ.

Кредиторы ли пугаютъ,
Эти старые враги?
Нѣтъ; отсюда не хватаютъ
Бѣдныхъ смертныхъ за долги.

Между тѣмъ слеза катится,
И трепещетъ, и блеститъ...
Гдѣ-жъ родникъ ея таится,
И какой въ ней смыслъ сокрытъ?

И слеза мнѣ отвѣчаетъ:
«Бѣдный узникъ! смыслъ мой тотъ,
Что въ тебѣ душа вздыхаетъ,
Сердце дышетъ и живетъ.

«Кровь его—живая влага,
Долженъ ты цѣнить ее:
Въ ней—единственное благо,
Въ ней—все счастіе твое.

«Бытіе тебѣ даруя,
Богъ не даромъ влилъ ту кровь,
Эту искру огневую,
Эту теплую любовь.

«Между тѣмъ какъ ты смѣешься
Надъ несчастіемъ своимъ,
Самъ не вѣдая ты рвешься
Думой къ близкимъ и роднымъ.

«Въ праздныхъ мысляхъ время губишь,
Безсознательно скорбя,
И о тѣхъ, кого ты любишь,
Сердце мыслитъ за тебя!»

О, ВСПОМНИ ОБО МНѢ.

(RAPPELLE-TOI).

Когда заря своимъ румянцемъ алымъ
Прогонитъ тьму съ высотъ небесныхъ прочь,
Или весь міръ звѣздистымъ покрываломъ
Окутаетъ задумчивая ночь,
И грудь твоя для счастья развернется,—
Пусть, съ роемъ грезъ, въ вечерней тишинѣ,
Какъ дальній звонъ мой вздохъ къ тебѣ несется:
  О, вспомни обо мнѣ!

Когда судьба, безжалостной рукою,
Меня съ тобой на вѣки разлучитъ,
И жизнь скорбей, извѣданная мною,
Съ годами грудь мою испепелитъ,—
Не позабудь минуту разставанья,
И пусть порой, какъ будто въ смутномъ снѣ,
Доносятся къ тебѣ мои рыданья:
  О, вспомни обо мнѣ!

Когда твой другъ, измученный, разбитый,
Въ сырой землѣ покой себѣ найдетъ,

КОГДА-БЪ ЕЩЕ ЛЮБВИ ЖЕЛАНЬЯ...

Когда-бъ еще любви желанья
Могли мнѣ сердце волновать
И свѣтъ волшебный упованья
Мой трудный путь могъ озарять,

И ты, съ духовной красотою,
Способной ангеловъ плѣнить,
Явилась вдругъ передо мною,—
Я-бъ не посмѣлъ тебя любить.

Закрыты мнѣ любви скрижали!
Но если падаетъ твой духъ,
Подъ гнетомъ горя и печали,
То приходи ко мнѣ мой другъ!

Довѣрь мнѣ все, чѣмъ духъ мятется,
Все бремя тяжкое его—
И сердце друга отзовется
На вопли сердца твоего!

СЮЛЛИ ПРЮДОМЪ.

ЧИТАТЕЛЮ.

Собралъ цвѣты я эти у дороги,
Вездѣ, куда мой жребій приводилъ
Мои ходьбой измученныя ноги,
И вотъ теперь изъ нихъ вѣнокъ я свилъ.
Онъ свѣжъ еще, въ немъ есть шипы и розы,
Есть ненуфаръ, гвоздика и левкой,
Здѣсь и мечты, и радости, и слезы,
Вся жизнь моя лежитъ передъ тобой.

Да и твоя, читатель: всѣ страдаютъ,
Всѣ думаютъ, волнуются, желаютъ,
Полжизни мы проводимъ въ праздныхъ снахъ;
Но, наконецъ, уставши ихъ лелѣять,
Желаемъ мы хоть что нибудь посѣять,
Пока еще не обратились въ прахъ.

ПАМЯТЬ.

(ВАРІАЦІЯ НА МОТИВЪ ИЗЪ ПРЮДОМА).

Память, чудное кладбище,
Гдѣ не гаснетъ жизни свѣтъ,
Память странное жилище
Тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ;

Нашей думы окрыленной
Къ невозвратному полетъ,
Міръ, тѣнями населенный,
Гдѣ минувшее живетъ;

Міръ былыхъ картинъ и звуковъ,
Голосовъ умолкшій хоръ,
Сходка прадѣдовъ и внуковъ
На безмолвный разговоръ;

Прежней жизни въ настоящей
Дальній отблескъ, пестрый слѣдъ,
Колоколъ, въ быломъ звенящій,
Пламя въ пеплѣ давнихъ лѣтъ.

Чередой, проходятъ годы,
И смѣняетъ, съ каждымъ днемъ,

Безъ конца законъ природы,
Бытіе небытіемъ.

Наши радости и горе
Въ даль минувшаго уйдутъ
И потонутъ въ мертвомъ морѣ,—
Но въ тебѣ они живутъ.

Ихъ бездонною могилой
Охватила глубина,
Но твоей волшебной силой
Вновь выноситъ ихъ волна.

Въ часъ безмолвнаго досуга,
Окруженный тишиной,
Вспомнилъ я отца, иль друга—
Онъ явился предо мной!

Гдѣ же этотъ призракъ бродитъ,
Близкій сердцу моему?
Кто изъ двухъ къ кому приходитъ:
Онъ ко мнѣ, иль я къ нему?

Память, онъ твое созданье:
Изъ чего-жъ ты создаешь?
Что̀ за родъ существованья
Ты умершему даешь?

Отчего насъ такъ тревожитъ,
Или льетъ намъ въ душу свѣтъ
То, что жить уже не можетъ,
То, чего давно ужъ нѣтъ?

Почему, какимъ влеченьемъ
Насъ тотъ странный міръ манитъ,

Гдѣ подъ урнами и тлѣньемъ
Чудный факелъ твой горитъ?

Не даешь ты мнѣ отвѣта,
Но, волнуя странно грудь,
Лучъ мерцающаго свѣта
Льешь на пройденный мной путь...

Жизнь кипитъ, иду я съ нею,
Но невольно грустный взглядъ,
Властной силою твоею
Обращается назадъ...

И уносится отъ шума
И отъ будничныхъ тревогъ
Очарованная дума
Въ твой таинственный чертогъ...

СЪ ТѢХЪ ПОРЪ, ЧТО КРАСОТА.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ ПРЮДОМА).

Съ тѣхъ поръ, что красота свое очарованье
Въ моихъ глазахъ уже утратила вполнѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ на мое горячее желанье
Лишь холодомъ она отвѣтить можетъ мнѣ;

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мои разсѣялися грезы
И я почувствовалъ у сердца моего
Вновь отраженныя, въ холодныхъ брызгахъ, слезы
Которыя огнемъ излились изъ него;

Съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ я паденье идеальной,
На гордый пьедесталъ взведенной красоты
И много, много разъ подмѣтилъ взглядъ нахальный
Въ глазахъ, гдѣ грезилось мнѣ солнце чистоты,—

Я не могу уже обману предаваться;
И если прелесть ласкъ порой меня слѣпитъ,
Отъ этихъ лживыхъ чаръ спѣшу я оторваться—
И снова вижу я, что мой кумиръ разбитъ...

АГОНІЯ.

Когда мой ужъ послѣдній настанетъ недугъ,
И начнутся предсмертныя муки,
Успокойте мнѣ тихою музыкой слухъ,
И умру я подъ сладкіе звуки.

Она нѣжитъ, чаруетъ, я слушать люблю
Ея тоны, что̀ льются волнами...
Убаюкайте-жъ музыкой муку мою,
Не тревожьте ея вы словами...

Я усталъ ужъ отъ словъ, надоѣло внимать
Мнѣ тому, что бываетъ такъ ложно!
Звуки—лучше: не нужно мнѣ ихъ понимать,
Ихъ, не думая, чувствовать можно.

Я въ мелодіи тихой душой потону,
Какъ ребенокъ забудусь безпечный,
Перейду безъ усилья отъ бреда ко сну,
И отъ сна на покой, уже вѣчный.

Вы тогда мою няню должны отыскать,
Ей скажите, что я умираю,

Что хочу я предъ смертью ее увидать,
Ея пѣсенъ послушать желаю.

Свою руку мнѣ на̀-лобъ положитъ она,
Какъ бывало, меня приголубитъ,
Вѣдь, быть можетъ, старуха-то эта одна—
Въ цѣломъ мірѣ одна—меня любитъ!

Запоетъ она пѣсню простую, что̀ мнѣ
Она въ дѣтствѣ пѣвала порою,
И, въ той пѣснѣ забывшись, какъ въ сладостномъ снѣ,
Въ годы дѣтства уйду я душою;

Чтобъ не чувствовать—какъ будетъ сердце болѣть,
Что сосудъ моей жизни разбился,
Чтобъ не думать... ребенкомъ чтобъ мнѣ умереть,
Какъ ребенкомъ на свѣтъ я родился.

УЗЫ.

Желалъ я все любить — и этимъ лишь умножилъ
Причины мукъ, заботъ для сердца моего;
Свободу я свою на вѣки уничтожилъ,
Цѣпями тонкими опутавши его.

Я узникъ всѣхъ вещей, которыя мнѣ милы,
Я узникъ всѣхъ существъ, которыхъ я люблю,
На все, что дорого, я трачу жизнь и силы,
Ото всего кругомъ — страдаю и терплю.

Отъ сердца моего идетъ по всей вселенной
Незримыхъ, тайныхъ узъ чувствительная ткань;
Я паутиною опутанъ сокровенной
И чрезъ нее плачу всему я міру дань.

И если вѣтерокъ случайно пронесется,
Надъ этой тканію — я вздрогну отъ него,
И съ болью чувствую, какъ что-то оторвется
Во мнѣ отъ существа, отъ сердца моего.

HOMO SUM.

Когда я жилъ воображеньемъ,
Уединясь отъ всѣхъ заботъ,
И оскорблялъ пренебреженьемъ
Вокругъ трудящійся народъ,—

Внезапно вздохи долетѣли
Ко мнѣ изъ тѣсныхъ городовъ,
Гдѣ, на соломѣ коченѣли
Семейства жалкихъ бѣдняковъ;

Домчались съ поля битвы звуки,
Чтȯ кровь намъ въ жилахъ леденятъ:
Тамъ, корчась отъ смертельной муки,
Стоналъ израненый солдатъ...

Кого крикъ боли не встревожитъ?
Кто средь безчисленныхъ скорбей
Жить въ беззаботномъ счастьи можетъ,
Храня покой души своей?

На жизнь смотрю другимъ я взоромъ
Съ того, мнѣ памятнаго, дня,

И вздохи тяжкіе укоромъ
Вездѣ преслѣдуютъ меня.

Внимая тонамъ ихъ молящимъ,
Несу я бремя новыхъ узъ:
Я съ человѣчествомъ скорбящимъ
Вступилъ въ таинственный союзъ.

И этой связи не нарушу:
Въ заботахъ о его судьбѣ
Я человѣческую душу
Лишь нынѣ чувствую въ себѣ.

СОМНѢНІЕ.

Истина въ безднѣ глубокой скрывается;
Многіе въ страхѣ бѣгутъ отъ ней прочь...
Къ безднѣ той сердце мое порывается,
Я нисхожу въ ея темную ночь.

Крѣпко держась за веревку надежную,
Я до конца ужъ ее растянулъ...
Дна не достигъ... и съ боязнью тревожною
Въ тьмѣ непроглядной мой взоръ потонулъ.

Тщетно ища, напрягаю я зрѣніе,
Шарю въ пространствѣ безъ мѣры и дна,
Истины слышится мнѣ дуновеніе,
Трепетъ дыханья... но гдѣ-же она?

Я не могу въ эту пропасть бездонную
Глубже спуститься, съ веревкой моей,
Иль съ своей силой, уже утомленнною
Къ свѣту дневному подняться по ней.

И суждено мнѣ съ тоской безполезною
Думать о свѣтѣ веселаго дня,
Вѣчно качаясь надъ страшною бездною,
Духа пытливость безплодно кляня...

ДВѢ БЕЗДНЫ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ ПРЮДОМА).

Надъ пропастью глубокой путникъ стоя
Дрожитъ, въ нее смущенный взглядъ вперивъ;
Онъ чувствуетъ ту пропасть подъ собою,
У ногъ его—гигантскихъ скалъ обрывъ.

Но оторвать не можетъ онъ, въ волненьи,
Отъ пропасти туманной глазъ своихъ,
Такъ точно я стою въ оцѣпенѣньи
Надъ бездною вопросовъ вѣковыхъ.

Вопросы тѣ тревожны безграничны,
И въ душу льютъ непобѣдимый страхъ;
Двѣ пропасти—моя, его—различны,
Но чувство тожъ въ трепещущихъ сердцахъ.

Страхъ путника законнымъ всѣ считаютъ,
Блѣднѣть, дрожать, позволено ему,
Меня же всѣ безумцемъ называютъ...
Скажите, почему?

ТЫ, КОТОРАЯ МНѢ ЗАВѢЩАЛА.

Ты, которая мнѣ завѣщала
Свою грусть, и что̀ жизнь мнѣ дала!
О, какимъ ты желаньемъ сгорала
Когда сердце мое зачала?

То не облако-ль въ небѣ летѣло
Предъ зарей бытія моего,
И какъ островъ жемчужный бѣлѣло
На прозрачной лазури его?

Не къ нему-ли неслись твои грёзы?
Тебѣ чудился чей-то призывъ,
И исторгнулъ изъ глазъ твоихъ слезы
Къ безконечному страстный порывъ.

«Дайте крылья»! въ тоскѣ, въ нетерпѣньи,
Твой слабѣющій голосъ взывалъ;
«Дайте крылья»! и въ это мгновенье
Я подъ сердцемъ твоимъ задрожалъ...

Не отсюда-ль мои порыванья,
Моя вѣчная въ сердцѣ печаль,
И о раѣ какомъ-то мечтанья
Что̀ манятъ меня въ свѣтлую даль?

СТАРОСТЬ.

Годы проходятъ... о скоро-ль старость настанетъ,
Возрастъ, когда моя кровь будетъ тише бѣжать,
Жизнь наслажденьемъ минутнымъ манить перестанетъ,
Съ прежней печалью я буду свой вѣкъ доживать?

Освободясь отъ всесильной, терзающей власти
Жгучей любви, я иначе ужъ буду любить,
Я перестану сгорать отъ губительной страсти,
Чтò мое сердце, всю будущность можетъ разбить.

И навсегда ужъ покончивши съ этимъ недугомъ,
Нѣжности теплой тогда я отдамся вполнѣ,
Любящихъ юношей буду совѣтникомъ, другомъ:
Ихъ молодыя страданья знакомы такъ мнѣ!

Я не скажу: «въ мое время все лучше и краше
Было, чѣмъ нынѣ», какъ старцы толкуютъ порой;
Самое лучшее въ жизни — то молодость наша,
Эта она намъ все прошлое краситъ собой!

Въ старости душъ молодыхъ я не буду чуждаться,
Я подойду къ нимъ поближе, чтобъ въ сердцѣ моемъ
Лучъ теплоты не погасъ, чтобъ и мнѣ согрѣваться,
Сколько нибудь, ихъ веселымъ и жаркимъ огнемъ.

Чтобъ не дряхлѣть мнѣ душой и съ сознаніемъ яснымъ,
Помнить, что чувствовалъ самъ я въ тѣ годы, когда
Сердце трепещетъ всѣмъ чистымъ, всѣмъ добрымъ, прекраснымъ,
Чтобы сочувствія даръ сохранить навсегда.

Съ лѣстницы дней моихъ ветхихъ, ничѣмъ не смущаемъ,
Чуждый житейскихъ волненій, житейскихъ тревогъ,
Буду я жизнь созерцать, какъ мы съ горъ созерцаемъ
Рѣкъ отдаленныхъ теченье, извивы дорогъ.

РОСА.

Въ прохладѣ ночи отдыхая,
Спитъ освѣженная земля.
Я полонъ грезъ; гляжу, мечтая,
На звѣздный сводъ; роса ночная
Сошла незримо на поля.

Откуда капли тѣ явились?—
Тучъ нѣтъ въ прозрачныхъ небесахъ;—
Тѣ капли въ воздухѣ носились,
Пока, сгустясь, не превратились
Въ дрожащій жемчугъ на цвѣтахъ.

И слезы взоръ мой омрачили;
Дивлюсь: откуда быть слезамъ?
Мечты-ль ихъ свѣтлыя родили?
О нѣтъ! въ душѣ тѣ слезы были,
Пока не хлынули къ глазамъ.

Во глубинѣ ея безбрежной
Всѣ скорби тучей собрались;
Порой, довольно ласки нѣжной,
Чтобы изъ бездны той мятежной
Внезапно слезы полились...

КРЫЛЬЯ.

Великое небо! ты знаешь, ребенкомъ я былъ,
Когда безразсудно о крыльяхъ тебя я просилъ;
Манили меня твои синіе вѣчные своды,
Просторъ необъятный и ширь безграничной свободы.
Я чувствовалъ смерть, я въ темницѣ моей задыхался,
Я воздуха жаждалъ и страстно къ тебѣ порывался...
Зачѣмъ ты зовешь насъ, измученныхъ тягостнымъ гнетомъ,
Зовешь своей ширью и птицъ твоихъ смѣлымъ полетомъ?

Летать я не могъ, и съ уныніемъ долженъ признаться:
Ты слишкомъ обширно, чтобъ въ сердцѣ моемъ помѣщаться;
За что же ты мстишь мнѣ, надъ дѣтскимъ желаньемъ шутя?
Какой злобный геній, мои осмѣявшій усилья,
Къ плечамъ прикрѣпилъ мнѣ гигантскія крылья,
Что бьются напрасно, меня тяготя?

МОЛИТВА.

О, какъ теперь желалъ бы я молиться!
Я вздоховъ полнъ, мнѣ хочется рыдать,
Но разумъ мой велитъ остановиться,
Онъ мнѣ велитъ рыданія сдержать.

Ни матери мольбы и увѣщанья,
Ни жизнь святыхъ, ни мучениковъ кровь,
Ни слезъ потокъ, ни жажда обожанья
Мнѣ возвратить не могутъ вѣры вновь!

Я мукою терзаюсь нечестивой,
Сгораю я желаніемъ святымъ:
Мнѣ нуженъ Богъ! сомнѣнья-жь духъ кичливый
Въ моей душѣ глумится такъ надъ Нимъ!

А все таки молиться я желаю,—
Такъ одинокъ я въ безднѣ пустоты!—
Я, наконецъ, колѣни преклоняю,
Я жду Тебя, о Боже! Гдѣ же Ты?

Напрасно я сложилъ, къ молитвѣ руки,
Мое чело надъ библіей склонилъ

И «Вѣрую» прочелъ: слова и звуки!..
Ихъ въ сердцѣ я моемъ не повторилъ!

Я ничего не вижу предъ собою,
Не чувствую — что̀ говорятъ уста;
Все такъ-же я объятъ глубокой тьмою
Вокругъ меня все та же пустота!..

СЛѢДЪ ЧЕЛОВѢКА.

Мы идемъ; пыль густая за нами встаетъ,
Она наши шаги погребаетъ;
Но пространство все слѣдомъ за нами идетъ
Какъ былъ длиненъ нашъ путь—оно знаетъ.

Сколько ногъ проходило по точкѣ одной,
Направленія какъ прихотливы!
Если бъ каждый оставилъ свой слѣдъ за собой,
Что за странные вышли бъ извивы!

Неизмѣнно бы мы, по слѣдамъ одного,
Все отъ дома къ конторѣ ходили—
Отъ конторы—до дома, гдѣ ноги его
Навсегда ужъ ходьбу прекратили.

Слѣдъ другого, что̀ все подвигался впередъ,
Обходилъ, колебался, стремился,
Насъ привелъ бы къ дворцу, гдѣ теперь онъ живетъ,
Отъ той хижины, гдѣ онъ родился.

А по третьему мы, съ замираньемъ въ крови,
Къ темной ямѣ пришли-бъ отъ чертога;

По четвертому—съ мѣста свиданья любви
До обитаго чернымъ порога.

Сколько смѣлыхъ мы здѣсь увидали-бъ шаговъ,
Что̀ рѣшительно въ даль направлялись;
Сколько свѣжихъ замѣтили бъ дѣтскихъ слѣдовъ,
Что̀, чуть, выступивъ, вдругъ оборвались!

Впереди, позади, и вблизи, и вдали,
Лабиринтомъ слѣды эти вьются,
И за тѣмъ, на какой нибудь точкѣ земли,
Другъ за другомъ, какъ нитки, порвутся.

Не идутъ ли они за предѣлы ея,
Въ безконечной дали пропадая,
Своей сѣтью незримой вѣка бытія
И вселенной міры обвивая?

ПРОШЛОЕ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ ПРЮДОМА).

Въ моей тоскѣ, я прошлое порою
Бужу, шепча съ печальною мольбою:
«Поговоримъ о прежнихъ временахъ».
И, нѐхотя раскрывъ свои рѣсницы,
Какъ бы боясь сіяющей денницы,
Съ дремотою въ глазахъ,

Оно глядитъ, со взоромъ изумленья,
Снимаетъ вдругъ съ себя покровъ забвенья —
И медленно передо мной встаетъ.
Еще одно, послѣднее усилье —
И вотъ оно летитъ, расправивъ крылья,
И вдаль меня несетъ.

Смѣняются картинами картины;
Вотъ города, вотъ горы и долины
И небеса, забытые ужъ мной.
Опять живу я съ прежними страстями,
Восторгами, надеждами и снами
И силой молодой.

И жизнь бѣжитъ игривою волною;
Во всей красѣ я вижу предъ собою

Растетъ зіяющая рана
Въ его тревожной глубинѣ.
Для всѣхъ его страданье скрыто, —
И никому и невдомёкъ,
Что кровью все оно облито,
Что цвѣтъ любви его поблекъ...

ПѢСНЯ МОРЯКА.

Дорога мнѣ улыбка твоя,
Какъ изгибы сіяющихъ волнъ;
Но во гнѣвѣ боюсь тебя я
Какъ буруновъ бущующихъ — челнъ.

Дорога мнѣ лазурь твоихъ глазъ,
И любуюсь я ихъ глубиной,
Позабывъ, что могу каждый часъ
Быть разбитъ своенравной волной.

Дорога мнѣ отвага твоя,
Незнакомая съ мрачной тоской;
Это свѣжаго вѣтра струя,
Укрѣпляющій воздухъ морской.

Дорога ты мнѣ всѣмъ существомъ,
Всѣ движенья его я ловлю,
Каждый мигъ вижу новое въ немъ
И какъ море тебя я люблю!

БОРЬБА.

Неужели, поэтъ, не научишься ты,
Позабывъ свои сны и пустыя мечты,
Смѣло выйти въ открытое море
И бороться какъ всѣ, бури смѣло встрѣчать,—
Иль, въ волнахъ погибая, на помощь не звать
Никого, въ своемъ страхѣ и горѣ?

Море бурно... смотри же—какъ смѣло на немъ
Каждый правитъ убогимъ своимъ челнокомъ
И отважно надъ бездною мчится;
Дѣла нѣтъ никому, гдѣ ты съ лодкой своей:
Не ищи же, мой братъ, въ океанѣ людей —
За чьи плечи тебѣ ухватиться.

Равнодушіе ихъ пусть тебя не смутитъ:
Здѣсь — увы! каждый собственнымъ горемъ скорбитъ,
Каждый долженъ добыть себѣ хлѣба,
Иль погибнуть среди этой дикой борьбы,
Каждый рветъ чтò онъ можетъ урвать у судьбы:
Блага жизни не падаютъ съ неба.

Какъ ужасна борьба изъ-за-нихъ, этихъ благъ,
А земля такъ скупа, человѣкъ же такъ нагъ,

Не само къ нему золото льется.
Его ловитъ лишь тотъ, кто хитрѣе умомъ,
Кто сильнѣй, кто ловчѣй, кто идетъ на проломъ,—
Оно смѣлымъ когтямъ достается.

Между тѣмъ какъ на торжищѣ жизни кипитъ
Суета и тамъ каждый другъ друга тѣснитъ,
Далеко отъ нея твои взоры;
Ты не слышишь ея торопливыхъ шаговъ,
Упоенный волшебствомъ чарующихъ сновъ:
Не ищи въ этихъ грезахъ опоры.

Пробудись же и времени ты не теряй:
Покупай и товаръ съ барышомъ продавай,
Зазывай какъ торгашъ въ свою лавку;
Вѣдь Фортуна смѣется надъ горемъ людей,
Чтò съ тоскливой мольбой обращаются къ ней,
Не отважившись ринуться въ давку.

ФРАНСУА КОППЕ.

ГОЛОВА СУЛТАНШИ.

(ЭПИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

Сынъ великаго Мурада, Магометъ, султанъ суровый,
Сталъ задумываться крѣпко: занятъ былъ онъ мыслью новой.
Въ тишинѣ-ль глубокой ночи, посреди-ль дневного шума
Въ головѣ его гнѣздилась все одна и та же дума.
Онъ ходилъ чело нахмуривъ, брови сдвинувши густыя:
Не давалъ ему покоя славный городъ Византія.
Въ каикѣ своемъ роскошномъ, убаюканный волнами,
Все туда нетерпѣливо уносился онъ мечтами;
Видѣлъ издали онъ городъ — башни, куполы и шпицы —
И прислушивался жадно къ шуму смутному столицы;
Отъ ея дворцовъ и храмовъ оторвать не могъ онъ взора,
Отражавшихся такъ чудно въ голубыхъ водахъ Босфора.

— «Да, возьму я Византію, — эти храмы и палаты...
Но для подвиговъ великихъ нужны храбрые солдаты.
Много крови тутъ прольется, не отдастся городъ даромъ!»
Размышлялъ онъ и горстями сыпалъ деньги янычарамъ.

Но солдаты облѣнились, заплыли какъ свиньи, жиромъ,
Развращенные до нельзя черезчуръ ужъ долгимъ миромъ.
Что ни дай — а все имъ мало! и опять они вопили,
Новыхъ, новыхъ все подарковъ отъ щедротъ его просили.
Магометъ крѣпился долго, гнѣвный, сумрачный, но скрытный;
Наконецъ онъ возмутился ихъ корыстью ненасытной.
Давъ агѣ ихъ оплеуху, всѣхъ заботъ оставивъ бремя,
Раздраженный повелитель заперся въ своемъ гаремѣ.
Тамъ безвыходно сидѣлъ онъ, — проходили дни за днями,
А султанъ не появлялся, скрытый толстыми стѣнами.

И солдаты взбунтовались; раздались свистки и крики
Этой шайки своевольной у дворца ея владыки.
Все грознѣй вздымался ропотъ, все росла возстанья сила,
Но дворецъ не отпирался, былъ безмолвенъ какъ могила.
И напрасно раздавался ревъ буяновъ разъяренныхъ
Возлѣ этихъ стѣнъ массивныхъ, жгучимъ солнцемъ накаленныхъ.

Слухъ прошелъ между войсками, ихъ наполнивъ озлобленьемъ,
Что властитель, оскорбившій ихъ такимъ пренебреженьемъ,
Тотъ, кто долженъ быть примѣромъ славной доблести солдату,
Запершись вь своемъ гаремѣ, предается тамъ разврату;
Что давнишнія желанья — битвы, славы и побѣды
Отдалъ онъ за поцѣлуи и любовныя бесѣды;
Что теперь у Магомета ужъ другая есть приманка:
Что его околдовала синеокая гречанка.
Онъ отнынѣ не желаетъ въ бой вести ихъ и сражаться,
А намѣренъ, въ праздной нѣгѣ, сладострастью предаваться.
Развалившись на диванѣ, на гузлѣ султанъ играетъ
И персидскими стихами слухъ рабыни услаждаетъ.

«Стыдъ лѣнивому султану! трусу!» — крики раздаются;

Волны бунта все сильнѣе въ стѣны каменныя бьются.
Не корысть ему причина, нѣтъ о золотѣ и рѣчи;
«Мы хотимъ—кричатъ солдаты—славной битвы, страшной сѣчи.
Темной ржавчиной покрылась сабля славная Османа...
Просимъ мы войны и крови у безпечнаго султана!
Иль бараниной и рисомъ насъ откармливаютъ даромъ?
По три аспра намъ довольно... много ль нужно янычарамъ!
Но бѣда тому султану, что̀ пугается кинжала
И котораго гречанка жгучимъ взглядомъ оковала!
Пусть онъ выйдетъ! Мы желаемъ снова видѣть Магомета!
Пусть онъ выйдетъ! Мы не станемъ долго ждать его отвѣта.
Отворите тотчасъ двери, или мы ихъ разломаемъ!
Подавайте намъ султана! Говорить мы съ нимъ желаемъ!

Но по прежнему безмолвенъ, грозенъ былъ дворецъ султанскій,
Запертъ на̀ глухо тяжелой, круглой дверью мавританской.

Былъ, однакоже, придворный, что свободно и безъ страха
Могъ, порою, постучаться въ дверь гарема падишаха.
Звался онъ Халиль-пашою, былъ онъ визиремъ по сану,—
И настойчиво онъ проситъ нынѣ доступа къ султану.

И во внутреннемъ покоѣ, гдѣ треножники стояли
Золотые и куреній ароматъ распространяли,
Въ сладкой нѣгѣ растянувшись на широкомъ оттоманѣ,
Съ бриліантовой эгреткой на большомъ своемъ тюрбанѣ,
Магометъ любимца принялъ, величавый и надменный,
Между тѣмъ какъ тотъ склонился въ позѣ рабской и смиренной.
Руки деспота небрежно по струнамъ гузлы блуждали;
Та жъ, по поводу которой янычары бунтовали,
Молодая эпиротка, помѣщалась у дивана,
На огромной львиной шкурѣ, на полу, у ногъ султана;

И, почти совсѣмъ нагая, лишь волосъ своихъ волною
Прикрывала грудь и плечи, съ ихъ сверкавшей бѣлизною,

— «Ну, чего мой визирь хочетъ, что сказать онъ мнѣ желаетъ,
И зачѣмъ онъ безъ призыва здѣсь покой нашъ нарушаетъ?
Плохо выбрана минута: я султаншу занимаю
И достойные Гафиза ей стихи теперь читаю».

— «Не такое нынѣ время, благородный сынъ Мурада!» —
Отвѣчалъ Халилъ султану, — не о томъ намъ думать надо;
Не о томъ, чтобы стихами и любовью наслаждаться:
Янычары взбунтовались, во дворецъ хотятъ ворваться!
Государь! Явись предъ ними вновь, въ величiи суровомъ,
Укроти ихъ гнѣвнымъ взглядомъ, усмири ихъ властнымъ словомъ;
Лишь тебѣ возможно это! Пусть калифа появленье
Вновь направитъ непокорныхъ на стезю повиновенья; —
И поймутъ они — какъ дерзко предъ тобою погрѣшали:
Но ты долженъ показаться, а не то — мы всѣ пропали!»

Между тѣмъ какъ старый визирь, съ видомъ важнымъ и серьезнымъ,
Говорилъ, свой станъ согнувши предъ владыкой этимъ грознымъ,
Улыбался тотъ гречанкѣ съ чудно-синими глазами,
Что̀ теперь къ нему прильнула, обвила его руками
И всѣмъ тѣломъ трепетала, глядя въ страхѣ на султана,
Грудь царапая нагую о шитье его кафтана,
Гдѣ по фону золотому, изъ парчи, вились узоры
Изъ рубиновъ, изумрудовъ, красотой плѣняя взоры.

— «Такъ меня желаютъ видѣть? — онъ къ Халилю обратился, —
Хорошо... сейчасъ я выйду... Я слегка погорячился,

Покапризничалъ немного... Но я знаю, вѣдь, солдата:
Я мятежныхъ успокою,— будутъ смирны какъ ягнята.»
Изъ объятій эпиротки, съ тихимъ, нѣжнымъ извиненьемъ,
Магометъ освободился и, густыхъ бровей движеньемъ,
Подозвалъ къ себѣ онъ Джема, вставъ съ широкаго дивана.
(Это былъ нубіецъ-эвнухъ, приближенный рабъ султана),
И, шепнувъ рабу два слова, величавою стопою,
Вмѣстѣ съ визиремъ Халилемъ, старцемъ съ бѣлой бородою,
Повелитель правовѣрныхъ, станъ свой выпрямивъ высокій,
Изъ своихъ покоевъ вышелъ и по лѣстницѣ широкой
Изъ роскошнаго порфира началъ къ выходу спускаться.
Между тѣмъ за дверью крики продолжали раздаваться;
Но спокойно шелъ навстрѣчу онъ опасности великой,
Точно онъ совсѣмъ не слышалъ рева этой черни дикой.

Вотъ широко распахнулась дверь, такъ долго запертая,
И явилась предъ султаномъ площадь, блескомъ залитая,
Въ золотомъ туманѣ солнца, съ моремъ фесокъ и тюрбановъ,
И оружья, и одежды — поясовъ, мальваръ, кафтановъ.
Это море волновалось, въ безпорядкѣ шумномъ, дикомъ; —
Вдругъ оно остановилось... и однимъ громо̀вымъ крикомъ,
Взрывомъ грянувшаго разомъ и невольнаго привѣта,
Эти тысячи народа принимаютъ Магомета.
И властитель правовѣрныхъ, предъ толпою ихъ огромной,
Сталъ, величественно, гордо, весь въ лучахъ, подъ аркой темной.
Позади его былъ визирь, а затѣмъ — фигура Джема,
Что̀ пришелъ съ мѣшкомъ какимъ-то, вслѣдъ за ними, изъ гарема.
И по мраморному полу, сдѣлавъ два шага отъ входа,
Прямо къ этой пестрой массѣ напиравшаго народа,
Взглядомъ гнѣвнаго презрѣнья Магометъ его окинулъ,—
И предъ этимъ грознымъ взглядомъ весь потокъ ея отхлынулъ.
«Что вамъ нужно?»—загремѣлъ онъ. Но толпа не отвѣчала,

Точно все свое нахальство на минуту потеряла.
Шумъ смѣнился тишиною; мигъ, другой — все нѣтъ отвѣта,
«Что вамъ нужно?» повторяетъ гнѣвный голосъ Магомета.
Всѣ молчатъ. Но вотъ отъ прочихъ старый воинъ отдѣлился,
Въ шрамахъ весь отъ ранъ давнишнихъ; онъ глубоко пре-
клонился
И отважно, не смущаясь передъ деспотомъ суровымъ,
Обратился къ Магомету съ твердымъ, мужественнымъ словомъ:

— «Повелитель правовѣрныхъ! Ты — священная особа,
Мы твои, душой и тѣломъ, всѣ, и нынѣ и до гроба.
Мы довольны нашей платой, мы рабы твоей державы
И готовы мы погибнуть для твоей великой славы.
Но старѣйшему солдату твоего отца Мурада,
Старику, что съ нимъ сражался въ битвахъ противъ Гуніада,
Скандеръ-бега и Дракуля, не безъ доблести и чести,
Ты позволь сказать всю правду, безъ утайки и безъ лести.
Всѣ къ тебѣ горятъ любовью, всѣ питаютъ уваженье;
Если-жъ въ этомъ ты народѣ видишь нынче раздраженье,
То ему причина — слухи, разносимые молвою,
Что ты сталъ рабомъ гречанки, занятъ ею лишь одною;
Что, забывши все на свѣтѣ и къ правленью безучастный,
Вмѣстѣ съ нею ты проводишь время въ нѣгѣ сладострастной.
Докажи, что эти слухи оскорбляютъ властелина:
На коня! — и понесется за тобой твоя дружина.
Покажи своимъ отважнымъ старымъ соколамъ османскимъ
Непріятеля; страви ихъ съ войскомъ греческимъ, албан-
скимъ, —
И, въ своихъ когтяхъ могучихъ, твоему послушны кличу
Принесутъ они Калифу, всѣ въ крови, свою добычу!
И, клянусь тебѣ Алахомъ, говорю тебѣ я это
Отъ лица всѣхъ правовѣрныхъ... ожидающихъ отвѣта».

«Знай, храбрецъ, — вскричалъ властитель, — эти мраморныя
плиты,

Были бы твоею кровью въ этотъ самый мигъ залиты,
Еслибъ я не зналъ, что старцы умъ теряютъ свой съ годами,
Еслибъ ты украшенъ не былъ благородными рубцами.
Значитъ, вѣрятъ,—значитъ, можно убѣдить въ томъ и солдата,
Что такую власть имѣетъ страсть надъ сыномъ Амурата;
Что онъ мужество утратилъ, глупой прихотью волнуемъ,
Что расплавила гречанка это сердце поцѣлуемъ!
О, народъ неблагодарный, безтолковые бараны,
Вы, заносчивая сволочь, дрянь, задорные буяны!
Какъ осмѣлились вы думать, деревянными башками,
Что сковать возможно было льва цвѣточными цѣпями?
Какъ дерзнули обвинять вы — черви, гады — падишаха,
Властелина правовѣрныхъ и земную тѣнь Аллаха?
И на это обвиненье вы желаете отвѣта?
Вотъ онъ вамъ, собачьи дѣти, отъ султана Магомета!»

И когда дрожа отъ гнѣва, страшнымъ голосомъ громовымъ,
Заключилъ онъ рѣчь къ народу этимъ грознымъ вѣскимъ словомъ,
То къ нубійцу обратился и въ мѣшокъ изъ кожи грязной,
Чтó ему мгновенно подалъ этотъ эвнухъ безобразный,
Сунулъ царственную руку, предъ толпою изумленной
И тотчасъ оттуда вырвалъ, съ головой окровавленной,—
Съ головой своей гречанки, нѣжной, юной и прекрасной.
Чтò рабамъ велѣлъ зарѣзать этотъ деспотъ самовластный.

Звѣрски, гнусно, безобразно отдѣленная отъ стана,
Сверху груди до затылка, вкось, ударомъ ятагана,
Страшный видъ она имѣла, съ плотно сжатыми зубами,
Съ массой косъ окровавленныхъ, съ расширенными зрачками
Синихъ глазъ, чтò такъ лучисты, такъ полны сіянья были,
Но предъ этой гнусной казнью въ дикомъ ужасѣ застыли...
И ее за эти косы Магометъ держалъ рукою,
И своимъ трофеемъ страшнымъ потрясалъ онъ надъ толпою,

Чтò, какъ будто задохнувшись, стихла вдругъ, окаменѣла—
И на голову гречанки тупо, въ ужасѣ глядѣла,
Между тѣмъ какъ кровь обильной изъ нея струей бѣжала
И на бѣлый мраморъ пола краснымъ ливнемъ упадала.

Вечерѣло. Въ это время лучезарное свѣтило
На прозрачно-синемъ небѣ въ полномъ блескѣ заходило;
И, въ своемъ закатѣ чудномъ—тихомъ, плавномъ, величавомъ—
Обдало оно внезапно яркимъ пурпуромъ кровавымъ
Все пространство горизонта, вплоть до Мраморнаго моря;
И казалось, что свѣтило кровью плакало отъ горя.
И вся даль, и вся окрестность, чтò могли окинуть взоры,
И долины, и стѣною обступившія ихъ горы,
Зданья, башни, минареты, портъ, наполненный судами,
Рынки, шумные кварталы и мечети съ куполами,
И дворецъ съ массивной дверью, съ мавританскимъ круглымъ сводомъ,
Небо, море, янычары и султанъ передъ народомъ,
Съ гнѣвнымъ жестомъ властелина,—все внезапно стало краснымъ.
И, казалось, это было предвѣщаніемъ ужаснымъ,
Точно солнце говорило, этимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ,
О потокахъ теплой крови, чтò прольется Магометомъ...

Но зловѣщаго символа эта чернь не замѣчала;
Ужъ теперь она, въ восторгѣ, дико, бѣшено кричала,
Прославляя Магомета, съ упоеньемъ и любовью,
Созерцая эту руку, всю забрызганную кровью.
И солдаты предъ калифомъ какъ рабы распростирались,
И къ колѣнамъ властелина другъ предъ другомъ порывались,
И небесъ благословенье призывали на султана,
Жарко, страстно лобызая нижній край его кафтана,
Робко, льстиво какъ собаки, на лицо его смотрѣли...
Наконецъ, всѣ эти ласки Магомету надоѣли.

[illegible]

[illegible] — [illegible]
[illegible] [illegible];
[illegible] —
[illegible] —
[illegible] презрѣньемъ
[illegible] преступленьемъ,
[illegible]:
«Ну, теперь [illegible] — и [illegible] Византію!»

ВРЕМЕНА ГОДА.

I.

Пока ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ.

Пока ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ
Льдомъ не сковалъ еще морозъ,
Послушай птичекъ голосистыхъ,
Взгляни на цвѣтъ послѣднихъ розъ.

Какъ ясенъ сводъ небесъ лазурный!
Октябрь сіяетъ красотой,
И полонъ чаръ закатъ пурпурный,
Уборъ деревьевъ золотой.

Но этотъ блескъ не можетъ длиться,
То цвѣтъ красы полуживой...
Спѣши мгновеньемъ насладиться,
Создай послѣдній за̀мокъ свой.

И оживись надеждой новой,
Забывъ, что къ намъ зима идетъ,
И въ мигъ метлой своей суровой,
Всѣ упованья размететъ...

II.

Перелетныя птицы.

Какъ узникъ въ сумракѣ темницы,
Задумчивъ и печаленъ я.
Смотрю, какъ въ сѣромъ небѣ птицы
Несутся въ теплые края.

Имъ жутко въ воздухѣ ненастномъ,
Но крылья высушатъ онѣ
Какимъ нибудь лучемъ прекраснымъ
Въ облитой солнышкомъ странѣ.

Моя душа тоской томится,
Она какъ ласточка грустна,—
Чтò подъ дождливымъ небомъ мчится,—
И рвется къ солнцу, какъ она.

То солнце—свѣтъ очей глубокихъ;
Но не дано мнѣ, бросивъ тьму,
Какъ птицы къ солнцу странъ далекихъ
Помчаться къ солнцу моему!..

III.

Совы въ руинахъ завыванье.

Совы въ руинахъ завыванье,
Декабрь въ концѣ, угасшій день
И горькое воспоминанье—
Тебѣ бросаютъ въ сердце тѣнь.

Ты занятъ дней своихъ полетомъ:
Иль ты-бъ желалъ его сдержать?
Къ какимъ стремишься ты заботамъ?
Чего тебѣ въ грядущемъ ждать?

Пусть годы таютъ, точно грезы!
Напрасно сердца не волнуй:
О сколько въ нихъ шиповъ за розы
И сколько слезъ за поцѣлуй!

Часы текутъ—ну, и прекрасно!
Мириться съ смертью мы должны...
Иль для тебя еще не ясно,
Что въ жизни мало такъ цѣны!

IV.

Когда за дверью воетъ вьюга.

Когда за дверью воетъ вьюга
И ты сидишь предъ камелькомъ,
Приходитъ ли, моя подруга,
Тебѣ, порою, мысль о томъ,

Что птички, осенью прекрасной
Плѣнясь, здѣсь долго зажились—
И слишкомъ поздно, въ день ненастный,
На югъ далекій собрались;

Что крылья ихъ окоченѣли,
Ихъ вѣтеръ въ бѣлой мглѣ кружилъ,
Съ трудомъ онѣ сквозь вихрь летѣли,—
А снѣгъ валилъ, валилъ, валилъ...

Дрожа, измучась, потеряли
Онѣ отъ стужи голоса,
Чтò такъ недавно наполняли
Веселой пѣснію лѣса.

О, вспомни странницъ перелетныхъ:
Чтò выстрадать онѣ должны!
Какъ жаль мнѣ этихъ беззаботныхъ
Пѣвицъ ликующей весны!

Ты говоришь, меня лаская,
О птицахъ, чтò увидимъ вновь
Въ Апрѣлѣ мы: но, дорогая,
Дождется-ль ихъ твоя любовь?

РИШПЕНЪ.

У БЕРЕГА МОРЯ.

От тебя я далеко бѣжалъ
И отъ мѣста, гдѣ призракъ минувшаго,
Такъ жестоко меня обманувшаго,
Мою душу терзалъ.

Отъ тѣхъ мѣстъ я стремился уйти,
Гдѣ повсюду дней прежнихъ видѣнія,
Мои мỳки, мои сожалѣнія
Я встрѣчалъ на пути;

Гдѣ не могъ я забыть этихъ дней,
Гдѣ отравленъ былъ воспоминаніемъ,
Какъ цвѣтовъ ядовитымъ дыханіемъ,
Воздухъ жизни моей.

Я спастися желалъ отъ всего,
Оградиться отъ горя глубокаго
Необъятностью моря широкаго
Всею бездной его,—

И бѣжалъ... но гналися за мной
По пятамъ, тѣ же все привидѣнія.—
И все тѣ-же въ душѣ угрызенія
Уносилъ я съ собой.

Такъ трусливый убійца бѣжитъ.
Совершеннымъ злодѣйствомъ подавленный:
Ему мнится, что трупъ окровавленный
За нимъ громко вопитъ...

Но я думалъ, вдали отъ людей
И не слыша ихъ голоса лживаго,
Заглушить муки сердца тоскливаго,
Вопли скорби моей.

Здѣсь, въ пустынѣ, меня не смутитъ
Человѣкъ ироническимъ хохотомъ,
Здѣсь лишь море тревожное съ грохотомъ
Свои волны дробитъ.

Какъ могучъ здѣсь, свободенъ великъ,
Вѣтеръ, бездну морскую вздымающій!
Громче голосъ его усыпляющій
Чѣмъ безсильный нашъ крикъ.

Но напрасно онъ воетъ, реветъ,
Море плещетъ съ могучею силою
Въ дикій берегъ: подъ пѣснь ихъ унылую
Моя скорбь не уснетъ.

Убаюкать не могутъ они:
Вновь вижу надежды разбитыя
И на вѣкъ чернымъ флёромъ покрытые
Мои свѣтлые дни.

Прежнихъ думъ и въ пустынѣ я полнъ,
Прежній образъ надъ бездной колышется,
И его мнѣ рыданіе слышится
Въ шумѣ бури и волнъ.

И мнѣ нѣкуда больше бѣжать,
Отъ минувшаго нѣтъ мнѣ спасенія,
И нигдѣ не найти мнѣ забвенія, —
Для чего же искать?

Не спастись ни въ какой глубинѣ
Отъ мукъ сердца, тоскою томимаго,
И отъ призрака неумолимаго:
Этотъ призракъ — *во мнѣ!*

ЗАБЫТОЕ СЛОВО.

Среди бездѣйствія пустого,
Когда не мыслю ни о чемъ,
Порой, изъ лѣтъ давнишнихъ слово
Вдругъ прозвучитъ въ умѣ моемъ.

Одно изъ тѣхъ, что такъ правдиво
Весь образъ отражали твой,—
И все былое ярко, живо
Вновь возстаетъ передо мной.

Закрывъ глаза, я вспоминаю —
И пла̀чу... я, душой моей,
Въ случайномъ словѣ томъ внимаю
Всѣмъ голосомъ минувшихъ дней.

Тѣхъ дней, когда, не зная горя,
Я жилъ въ восторгахъ молодыхъ...
Такъ слышимъ мы всѣ пѣсни моря
Въ изгибахъ раковинъ пустыхъ.

ЗИМОЙ.

(ВАРЬЯЦІЯ НА МОТИВЪ ИЗЪ РИШПЕНА).

Стужа; слышенъ трескъ мороза;
Онъ захватываетъ духъ...
Мнѣ страшна зимы угроза:
Мой очагъ давно потухъ.

И въ углу своемъ угрюмомъ
Одиноко я сижу,
Предаюсь тоскливымъ думамъ,
Мерзну, корчусь и дрожу.

Не ознобъ-ли то недуга?
Какъ здѣсь холодно, темно!
Какъ безумно бьется вьюга
Въ побѣлѣвшее окно!

Гдѣ весна, гдѣ солнце лѣта,
Блескъ сіяющаго дня?
Нѣтъ тепла, пріюта, свѣта,
Нѣтъ ни искорки огня!

И ароматомъ онъ обвѣетъ
Всю жизнь дальнѣйшую мою.

Лишь ты одна зажечь умѣла
Любовь безмѣрную во мнѣ
И только ты одна владѣла
Всѣмъ существомъ моимъ вполнѣ.

Быть можетъ, мнѣ еще случится
Любить, но для любви другой
Ужъ никогда не превратится
Въ очагъ костеръ мой кочевой.

Предавшись ласкамъ новой страсти,
Тебя почувствую я въ нихъ,
Въ твоей какъ прежде буду власти
Подъ обаяньемъ чаръ твоихъ.

Любовью новою волнуемъ,
Я въ прежней буду утопать
И съ каждымъ новымъ поцѣлуемъ
Твое лобзаніе впивать.

Благоуханіемъ богатымъ
Твое все дышетъ существо:
Упившись этимъ ароматомъ,
Я всюду чувствую его...

ГДѢ МНѢ ЖИТЬ?

Гдѣ мнѣ жить, въ какой мракъ удалиться,
Отъ безумной тоски моей скрыться,
Какой тьмой эту тьму превозмочь,
Чтò мрачнѣе чѣмъ ночь?

Умереть? Но въ какой же волнѣ,
Въ какой безднѣ, въ какой глубинѣ
Потопить мнѣ безумное горе?
Оно глубже, чѣмъ море!

Отъ терзаній души кàкъ забыться?
Мỳки смерти не могутъ сравниться
Съ пожирающимъ этимъ огнемъ,
Съ ядомъ въ сердцѣ моемъ!

АККЕРМАНЪ.

Я ПЛАЧУ ПРО СЕБЯ.

Я плачу про себя, тая свои рыданья,
И слезъ моихъ никто не видѣлъ, не считалъ;
Во глубь моей души, во мракъ ея страданья
Ничей нескромный глазъ еще не проникалъ.

Кто страждетъ — пусть молчитъ и тайною глубокой
Останется для всѣхъ, для ближнихъ, для друзей;
Пусть твердо онъ идетъ, безмолвный, одинокій,
Къ могилѣ, не дѣлясь печалію своей.

Я разобью свою отзывчивую лиру,
Чтобъ звуковъ жалобы въ струнахъ не возбудить:
Повѣдать о моихъ печаляхъ тайныхъ міру
Мнѣ было-бъ тяжелѣй, чѣмъ въ сердцѣ ихъ носить.

СКЕПТИЦИЗМЪ.

За гранью знаній человѣка
Лежитъ нѣмая пустота...
Она была еще отъ вѣка
Державой Вѣры занята.

Сомнѣнье Вѣру изгоняетъ
Изъ этихъ тайныхъ областей;
Царица бывшая не знаетъ —
Въ чьемъ сердцѣ пріютиться ей.

Но долго-ль скептикъ, упоенный
Своей побѣдой, ликовалъ?
Почуялъ духъ его смущенный —
Какъ много съ Вѣрой потерялъ.

Онъ безъ надежды остается,
Ему прибѣжища ужъ нѣтъ,
И сердцемъ онъ къ той безднѣ рвется,
Гдѣ міръ когда-то видѣлъ свѣтъ.

Покоя Разумъ не находитъ
И, съ безнадежною тоской,
Желанье изгнанное бродитъ
У пропасти заповѣдной...

СВѢТИЛЬНИКЪ ГЕРЫ.

Когда свое счастье украдкой ловилъ
Возлюбленный Геры, и ночью глубокой
Къ ней вплавь черезъ бурныя волны спѣшилъ,
Онъ видѣлъ вдали огонекъ одинокій.

Любовь поджидала пловца и сквозь тьму,
Изъ башни пустынной надъ бездной холодной,
Мерцающій свѣтъ посылала ему,
Служившій Леандру звѣздой путеводной.

Отважно во мракѣ чрезъ волны онъ плылъ,
Напрасно и море и буря ревѣли:
Пока въ отдаленьи маякъ тотъ свѣтилъ,
Ни руки, ни сердце его не слабѣли.

Какъ это дитя Абидоса, и мы,
Отважно съ бушующей бездною споря,
При грохотѣ бури, плывемъ среди тьмы
По страшнымъ волнамъ безпокойнаго моря.

Здѣсь та же опасность и тотъ же здѣсь мракъ,
И къ каждой волнѣ мы встрѣчаемъ могилу;
И тотъ же намъ издали свѣтитъ маякъ,
Дающій намъ бодрость, надежду и силу.

Трепещетъ въ туманѣ густомъ этотъ лучъ;
Порою отъ насъ его буря скрываетъ
За брызгами пѣны, подъ ризою тучъ,—
Но вновь, пробиваясь сквозь мглу, онъ мерцаетъ.

Къ нему обращая свой взоръ, мы полны
Надежды, и съ гнѣвными бьемся волнами,
Покуда онъ смотритъ на насъ съ вышины,
Надъ мрачною бездной, отверстой предъ нами.

Свѣтильникъ любви! Пусть не гаснетъ твой свѣтъ,
Не дай намъ погибнуть средь ночи глубокой,
По бурному морю страданій и бѣдъ,
Веди насъ, какъ Геры маякъ одинокій!

ПОЛЬ БУРЖЕ.

СМЕРТЬ.

«Все, что конецъ имѣетъ — коротко», —
Сказалъ мудрецъ; и это изреченье
Въ моемъ мозгу засѣло глубоко —
И портитъ мнѣ минуты наслажденья.

Я чувствую — какъ убѣгаетъ день,
Какъ жизни часть, за нимъ во слѣдъ, уходитъ, —
И смерти мракъ таинственную тѣнь
Издалека на весь мой путь наводитъ.

Все ближе смерть; она ко мнѣ идетъ,
Я къ ней иду отъ самой колыбели;
Не все-ль равно, что двадцать лѣтъ, что годъ,
Когда нельзя избѣгнуть страшной цѣли?

Мнѣ каждый мигъ о смерти говоритъ...
Жизнь! что въ тебѣ стремленій нашихъ стоитъ,
Когда она въ ничто насъ превратитъ
И вѣчной тьмой свѣтильникъ твой покроетъ?

ПОРТРЕТЪ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ БУРЖЕ).

Мать, я тебя не видѣлъ; — сохранился
Мнѣ отъ тебя лишь старый твой портретъ;
Скончалась ты едва твой сынъ родился,
И сиротой вступилъ я въ этотъ свѣтъ.

Не зналъ твоей я материнской ласки,
Ее ищу я въ образѣ твоемъ;
На полотнѣ давно поблекли краски,
Лишь свѣтятся глаза твои на немъ.

Ты блѣдную къ виску прижала руку,
Какъ будто бы стараяся сдержать
Біенье въ немъ и думъ тревожныхъ муку...
О чемъ въ тотъ мигъ могла ты размышлять?

Не обо мнѣ-ль ты думала заранѣ?
Какой тогда рѣшала ты вопросъ?
Не видѣла-ль судьбы моей въ туманѣ
Грядущагo, — сквозь эти капли слезъ?

Я вижу ихъ въ твоемъ печальномъ взорѣ...
Иль знала ты, что буду я страдать —
И съ жизнію мнѣ, по наслѣдству, горе,
Свою судьбу боялась передать?

Свѣча горитъ колеблющимся свѣтомъ,
И разгадать стараяся твой взоръ,
Я, съ ней въ рукѣ, стою передъ портретомъ
И съ нимъ веду безмолвный разговоръ.

МОРИСЪ МОНТЕГЮ.

ЕСЛИ ТЫ...

Если ты не боишься страданья,
Нищеты, долгихъ стоновъ и слезъ;
Если страшное бурь завыванье
Не смущаетъ ночныхъ твоихъ грезъ;

Если ночь безъ конца и предѣла,
Ночь безъ звѣздъ, безъ костровъ, безъ огней,
Ночь, гдѣ тьма всѣмъ чтò есть овладѣла,
Не страшитъ тебя бездной своей;

Если вѣчно ревущее море,
Жизнь въ тревогѣ, въ напрасной борьбѣ,
Если бѣды и вѣрное горе
Могутъ нравиться, другъ мой, тебѣ;

Если мракъ, что надежды всѣ губитъ,
Тебѣ милъ, твое сердце маня,
Если духъ твой отчаянье любитъ,—
О, тогда полюби и меня!

КАКЪ ВЪ ЦИРКѢ КОНЬ.

Какъ въ циркѣ конь, среди своей арены,
Въ заповѣдномъ вращаюсь я кругу;
И не сойти мнѣ съ этой жалкой сцены,
Я вырваться на волю не могу.

Все тѣ-жъ слова и тѣ-же все названья,
Та-жъ суетность... и проведу я вѣкъ
Ни одного не совершивъ дѣянья,
Гдѣ-бъ истинный былъ виденъ человѣкъ.

Жизнь портитъ насъ, она играетъ нами;
Мы, пошлости неся постыдный гнетъ,
Изъ единицъ становимся нулями;
Того кто слабъ, трясина засосетъ.

А между тѣмъ, и я, въ своихъ молитвахъ,
Дары небесъ на духъ мой призывалъ;
Въ мечтахъ—я былъ герой въ безсмертныхъ битвахъ,
Вѣнца побѣдъ иль славной смерти ждалъ.

Тѣхъ думъ ужь нѣтъ,—обманутъ я жестоко:
Оружія мнѣ не было дано;
Какъ все прошло, какъ это все далеко!
И ночь кругомъ, и небо такъ черно!

Э. МАНЮЭЛЬ.

НА ВЕРШИНѢ.

По склонамъ труднаго житейскаго пути
Я шагомъ медленнымъ на высоту взбирался.
Мнѣ было тяжело, порой, по нимъ идти,
Но долгу своему я молча покорялся.

Я часто обольщенъ былъ ложью, суетой,
Чуждаясь вѣрныхъ благъ, въ туманѣ ослѣпленья;
И увлекался я безумно красотой,
Позналъ борьбу, печаль и слезы сожалѣнья.

Мнѣ остается внизъ спуститься съ высоты,—
И въ бездну я смотрю тревожными глазами:
Окутанный ночнымъ покровомъ темноты,
Крутой и голый спускъ я вижу подъ ногами.

Мой шагъ колеблется, нога моя дрожитъ...
Кто проведетъ меня, кто дастъ мнѣ указанье?
Туманъ покрылъ мой путь, лишь въ небесахъ дрожитъ...
Едва замѣтное, невѣрное сіянье...

ТРИ СВѢТОЧА

Трехъ [illegible]й свѣточи мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ —
Сіяньемъ ихъ моя озарена дорога:
Римъ Праву научилъ, Аѳины — Красотѣ,
Святой Іерусалимъ далъ мнѣ познанье Бога.

Свѣтъ и другихъ лучей вливался въ жизнь мою,
Но я руковожусь лишь тѣхъ надежныхъ свѣтомъ —
И тихіе часы досуга отдаю
Молитвѣ, знанію, художникамъ, поэтамъ.

Поклонникъ пламенный высокихъ образцовъ,
Я пѣсенъ звуками съ восторгомъ упиваюсь,
Любуюсь красотой, читаю мудрецовъ
И солнцемъ вѣчныхъ ихъ твореній согрѣваюсь.

Сомнѣнье мрачное мнѣ душу не смутитъ:
Я вѣру почерпнулъ изъ чистаго фонтана;
Свободно и легко душа моя паритъ
И не заблудится средь мрака и тумана.

Она возносится при блещущихъ лучахъ,
И созерцаетъ свѣтъ, гармоній звуки ловитъ;
И лишь божественный родной ея очагъ
Воздушный тотъ полетъ, съ привѣтомъ, остановитъ.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ Э. МАНЮЭЛЯ).

Вы, зиждители новаго зданья,
Изыскатели новыхъ путей;
Вы, свѣтила добра и познанья,
Провозвѣстники радостныхъ дней;

Вы, что̀ истину въ сердцѣ носили,
Вы, герои духовной борьбы,
Что̀ свой мозгъ такъ упорно трудили
Надъ загадками нашей судьбы!

Моя дума за вашей летала,
Она вашею мыслью жила
И нерѣдко себя вопрошала:
Гдѣ источникъ безумья и зла?

Отчего, лишь въ насиліе вѣря
И въ потемкахъ блуждая весь вѣкъ,
Превращается въ дикаго звѣря,
Въ неразумную тварь человѣкъ?

Но восходитъ заря молодая,
Такъ прекрасно, роскошно, свѣтло,

Лучезарный свой свѣтъ проливая
Съ высоты и на наше чело.

Это *ваша* заря засіяла,
Слышимъ вашу мы кроткую рѣчь!
Превратимъ же мечи на орала,
Разобьемъ ненавистный намъ мечъ!

Царство Бога уже наступаетъ,
Ветхій міръ возрождается вновь, —
Не враждою, что̀ все разрушаетъ, —
Возродитъ его только любовь!

Но... чу! воздухъ ночной всколебался...
Или это пригрезилось мнѣ?
Страшный грохотъ орудій раздался,
Залпъ за залпомъ, въ ночной тишинѣ...

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Молиться я хочу: минута наступаетъ,
Чтò будто создана для свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
Вотъ ночь надъ городомъ покровъ свой разстилаетъ,
И скоро въ немъ замретъ дневной заботы шумъ.
О, пусть уляжется моей души тревога:
Я въ помыслахъ моихъ желаю воскресить
Тотъ образъ вѣчнаго и любящаго Бога,
Который я успѣлъ почти совсѣмъ забыть.
Хочу зажечь въ умѣ моемъ остатки свѣта,
Чтò въ немъ послѣдними ужъ искрами горитъ,
Огонь, которымъ грудь моя была согрѣта:
Онъ пепломъ и золой, едва блестя, покрытъ.

Мнѣ памятенъ одинъ изъ давнихъ, юныхъ дней:
Такой-же вечеръ былъ; ужъ солнце догорало
И краснымъ золотомъ остынувшихъ лучей
Лицо коварное волшебницы моей
И косы темныя, сверкая, обливало...

Но для чего теперь объ этомъ вспоминать?
Къ давнишнимъ образамъ зачѣмъ стремятся очи?
Прогонимъ прошлое, которое опять,
Подобно призраку, встаетъ подъ сѣнью ночи!

Оно теперь меня не можетъ соблазнить:
Я сожалѣній чуждъ, я съ грезами разстался,
Въ минуту тишины хочу я позабыть
То рабство жалкое, въ которомъ пресмыкался.
Помолимся!—и пусть спасительный полетъ
На крыльяхъ пламенной, восторженной молитвы
Меня отъ суеты безумной унесетъ,
Дастъ миръ моей душѣ, среди житейской битвы.

Помолимся! Но миръ едва-ли низойдетъ,
Священной тишиной мнѣ душу наполняя,
Когда былая скорбь въ ней громко вопіетъ,
Былыя имена и лица призывая.
Я помню образы всѣхъ тѣхъ, кого любилъ,
Они изъ давнихъ дней опять ко мнѣ несутся;
Я ими дорожу: я имъ обязанъ былъ
Часами радости, что̀ больше не вернутся.

Тѣ дни прошли давно... Затѣмъ—часы борьбы,—
И въ памяти моей ея волненья живы,—
Исканье разныхъ благъ, превратности судьбы
И честолюбія безумные порывы...
О, сколько здѣсь преградъ и терній я встрѣчалъ!
Какъ я тревожился! Ты, Господи, свидѣтель—
Какъ я, въ отчаяньи моемъ, изнемогалъ
И какъ, порой, моя слабѣла добродѣтель...
О, сколько бѣдствія и сколько горькихъ слезъ,
Моихъ и ближняго!.. Но вновь я увлекаюсь:
Я къ прошлому лечу на легкихъ крыльяхъ грезъ,
И отъ Тебя опять, о, Боже, удаляюсь!

Помолимся! Но гдѣ слова мнѣ обрѣсти,
Что̀ душу нѣкогда мнѣ миромъ наполняли?
Зачѣмъ становитесь вы на моемъ пути,
Житейской суеты заботы и печали?

За мыслью мысль летитъ, и каждая изъ нихъ
Свой образъ суетный изъ мрака выдвигаетъ;
Все это прошлое опять въ глазахъ моихъ
Безостановочно проходитъ и мелькаетъ,
Назойливо встаютъ, волнуются въ тиши
Воспоминанія, видѣній вереницы...
О, Боже праведный, какъ трудно для души
Подняться до Тебя, изъ стѣнъ земной темницы!

Э. ПАЛЬЕРОНЪ.

ВЪ СУДѢ.

Не стоитъ дѣло приговора.
Передъ судомъ стоитъ бѣднякъ,
И судятъ здѣсь его, какъ вора:
Со взломомъ онъ укралъ пустякъ.
Укралъ... Но мелкихъ кражъ такъ много!
Вотъ еслибъ это крупный воръ...
А здѣсь—все жалко и убого,—
Намъ безразличенъ приговоръ.
Здѣсь интереса слишкомъ мало
Для жадной публики. Мѣста
Почти не заняты, и зала
Громадная почти пуста.

А все же въ ней людей довольно,—
Въ составѣ полномъ виденъ судъ,
Но всѣмъ зѣвается невольно,
Всѣхъ думы скучныя гнетутъ.
Кто—полудремлетъ, кто—ногтями
Своими занятъ въ уголкѣ;

Жандармъ, усталыми глазами,
Чего-то ищетъ въ потолкѣ;
Защитникъ, судьи, прокуроры
Имѣютъ очень важный видъ,
Но какъ разсѣяны ихъ взоры
И какъ усталость ихъ томитъ!
Они, какъ будто, это дѣло
Лишь изъ приличія ведутъ:
Оно имъ страшно надоѣло,
И поздно, и другіе ждутъ...
Дверь отворяютъ безпрестанно,
Ходьба сюда, ходьба туда,—
И этотъ шумъ звучитъ такъ странно
Въ стѣнахъ торжественныхъ суда.
Паръ въ залѣ облакомъ летаетъ,
Сгущаясь въ сумрачную тѣнь,
И этой тѣнью заслоняетъ
И безъ того неясный день.
Пора бы отдыхъ, или смѣну...
Тоскливо тянется допросъ;
А со стѣны на эту сцену
Взираетъ распятый Христосъ...

Предъ возвышеньемъ обвиненный,
Понуривъ голову, стоитъ;
И у него такой смущенный,
Запуганный и мрачный видъ.
Его почти не понимаютъ:
Онъ тупъ, онъ говоритъ едва;
Въ его дыханьи точно таютъ
Его невнятныя слова.
Въ его рѣчахъ все очень смутно.
«Какъ? Что? Погромче! Не слыхать!
Да? Нѣтъ?» — Ему ежеминутно
Въ отвѣтахъ нужно помогать.

Какъ видно, ужасомъ мгновенья
Преступникъ жалкій пораженъ,
Подавленъ силой обвиненья
И мыслью — какъ ничтоженъ онъ...
Ѳемиды пышные чертоги
Ему внушаютъ дикій страхъ:
На возвышеньи — кресла, тоги,
И позолота на стѣнахъ;
Жандармы на безмолвной стражѣ...
Навѣрно не имѣлъ бы силъ
Онъ не сознаться въ этой кражѣ,
Хотя-бъ ея не совершилъ.

Допросъ разсѣянно ведется,
Но ужъ преступникъ уличенъ;
Вотъ, наконецъ, онъ сознается,
Предметъ, какъ видно, истощенъ:
Вопросовъ больше не находятъ
И какъ по маслу все идетъ;
Его не судятъ, а подводятъ
Его винамъ готовый счетъ.

— «Да какъ же такъ? Не все тутъ ясно;
Вполнѣ-ль виновенъ онъ, иль нѣтъ?
Спросить бы...» — «Спрашивать напрасно:
Уже онъ далъ намъ свой отвѣтъ».

— «Но, можетъ быть, здѣсь есть и доля
Другихъ причинъ; я-бъ знать хотѣлъ:
Была-ль тутъ вправду злая воля
Иль, просто, голодъ одолѣлъ.
Шелъ онъ полвѣка — не споткнулся,
Голодный каждый день и часъ;
А тутъ — вдругъ случай подвернулся
Ему насытиться, хоть разъ.

Онъ одинокъ на бѣломъ свѣтѣ,
Или бѣднякъ семьей богатъ?
Вотъ тѣ оборванныя дѣти
Ужъ не ему-ль принадлежатъ?
Дожно быть — да; и мать ихъ съ ними
Сидитъ въ томъ дальнемъ уголкѣ.
Быть можетъ, мыслями своими,
На нихъ онъ смотритъ, въ злой тоскѣ...
Вотъ, значитъ, и еще забота:
Семью голодную кормить!
Давала лишь гроши работа —
И всѣмъ имъ нечѣмъ было жить.
Быть можетъ, самъ онъ изумился,
Когда стряслась надъ нимъ бѣда.
Притомъ, быть можетъ, онъ родился
Среди порока и стыда.
А дальше жизнь была какая?
Въ невѣжествѣ онъ жилъ свой вѣкъ,
Добра и зла не различая,
Скорѣе звѣрь, чѣмъ человѣкъ...
И если взять все во вниманье,
Его получше допытавъ,
То, можетъ быть, на оправданье
Имѣетъ онъ не мало правъ».

— Какъ! въ эти мелочи вдаваться?
Всю жизнь его намъ разбирать?
Но до конца бы не добраться,
Когда-бъ желали мы все знать.
Возможно-ль съ каждымъ такъ возиться!
Притомъ, и дѣло — сущій вздоръ:
Чужой казною поживиться
Затѣялъ заурядный воръ.
Сознался онъ, улики ясны, —
Какія-жъ тамъ еще *правá?*

Въ одной теоріи прекрасны
Всѣ эти громкія слова.
Довольно! —

Публика зѣваетъ.
Всѣ равнодушны, только онъ
Въ смертельномъ страхѣ замираетъ,
Всей этой пыткой удрученъ.
Онъ весь въ поту, онъ еле дышетъ,
Какъ безпокоенъ этотъ взоръ!
Но ждать не долго... вздрогнувъ, слышитъ
Онъ, наконецъ, свой приговоръ.

«Виновенъ»! — Не пошевельнулся
Никто, эффекта нѣтъ ничуть;
Едва-ль кто даже оглянулся,
Чтобъ на преступника взглянуть.
И чтò смотрѣть? Согнулъ онъ спину,
Угрюмо головой поникъ. —
Такою видимъ мы скотину,
Чтò на убой ведетъ мясникъ...
Дверь предъ несчастнымъ отворили,
Уводятъ... Дѣло рѣшено.
Къ чему его тамъ присудили —
Не помню, — это — все равно...

Ш. БОДЛЕРЪ.

СУМЕРКИ.

О, скорбь моя, уймись, — не будь такой безумной;
Ты вечера ждала — смотри, онъ настаетъ,
И, сумракомъ своимъ окутавъ городъ шумный,
Однимъ приноситъ миръ, другимъ же тьму заботъ.

Безумные спѣшатъ на голосъ наслажденья:
Пусть этотъ злой палачъ ихъ мучитъ безъ конца
И сѣетъ сѣмена для жатвы угрызенья,
Вливая сладкій ядъ въ ихъ слабыя сердца.

Но ты уйди отъ нихъ въ спокойствіе природы;
Смотри на небеса въ нѣмую эту даль:
Оттоль глядятъ на насъ исчезнувшіе годы
И улыбается минувшая печаль.

Взгляни, какъ солнца лучъ подъ аркой догораетъ;
Въ послѣдній разъ сверкнулъ онъ искрой золотой,
И звѣздный свой покровъ по небу разстилаетъ
Ночь тихая, идя неслышною стопой...

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА.

Вотъ вечеръ настаетъ, предтеча преступленья.
Идетъ онъ крадучись... темнѣетъ неба сводъ;
Грабитель, воръ ночной дрожитъ отъ нетерпѣнья
И, въ звѣря превратясь, своей добычи ждетъ.

О, вечеръ, сладостный для тѣхъ, кто за работой
Провелъ свой день, трудясь руками иль умомъ;
Желанный часъ для тѣхъ, кто удрученъ заботой,
Истерзанъ горестью и мнитъ забыться сномъ.

Но въ этотъ поздній часъ покоя, облегченья
Рой темныхъ демоновъ изъ сумрака встаетъ:
Для нихъ теперь пришла минута пробужденья,
И въ сѣти ихъ спѣшитъ не занятый народъ,

Всѣ двери отворивъ для оргій безобразныхъ,
Въ свой соблазнительный облекшися нарядъ,
Въ широкихъ улицахъ и въ закоулкахъ грязныхъ
Зажегъ свои огни ликующій развратъ.

Онъ нагло пристаетъ къ добычѣ проходящей,
Онъ сторожитъ ее вблизи своей норы,

Чтобъ выкупать ее въ своей грязи смердящей,
Покрытой блестками красивой мишуры.

Порой, то здѣсь, то тамъ, оркестра слышенъ грохотъ,
Въ трактирахъ суета, въ мабиляхъ кутерьма;
Въ харчевняхъ, кабакахъ — веселье, пьяный хохотъ,
И золотомъ звенятъ игорные дома.

Душа, закрой свой слухъ отъ криковъ ликованья,
Уединись, уйди отъ этихъ оргій прочь!
О, въ этотъ темный часъ сильнѣй больныхъ страданья,
Ихъ давитъ и томитъ безжалостная ночь.

Ихъ стонами теперь наполнены больницы...
Не всѣ болящіе дотянутъ до утра,
И многихъ понесутъ на кладбища столицы
Съ ихъ безпокойнаго предсмертнаго одра.

Не всѣ скончаются на собственной постели,
Не всѣ среди родныхъ или друзей умрутъ:
Нѣтъ! многіе изъ нихъ пріюта не имѣли, —
Лишь въ безднѣ общей всѣмъ они его найдутъ...

СТИХОТВОРЕНІЯ Д. Л. МИХАЛОВСКАГО

ПОЭТЪ И МУЗА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЛОДЫМЪ ПОЭТАМЪ).

Je ne chante ni l'amour, ni l'espérance,
Ni la gloire, ni le bonheur,
Hélas! pas même la souffrance,
La bouche garde le silence,
Pour écouter parler le coeur.

ALFRED DE MUSSET.

Non, je n'écris jamais que mon coeur ne s'en mêle:
J'honore dans la plume un souvenir de l'aile,
Je ne la puis toucher sans un frémissement,
Elle me fait penser plus haut, plus librement.

S. PRUDHOMME.

Oui, te voilà; c'est toi, ma blonde,
C'est toi, ma maitresse et ma soeur!
Et je sens, dans la nuit profonde,
De ta robe d'or qui m'innonde
Les rayons glisser dans mon coeur.

A. DE MUSSET.

МУЗА.

Поэтъ, отъ самой колыбели
Отмѣченный моимъ перстомъ!
Какія мысли овладѣли
Твоимъ взволнованнымъ умомъ?
Ты звалъ меня...

ПОЭТЪ.

Мнѣ грустно, Муза;
Бесѣды жажду я твоей,
Во имя нашего союза
И въ память прежнихъ свѣтлыхъ дней.
То были дни мечтаній страстныхъ,
Игры ума, огня въ крови,
Порывовъ смѣлыхъ, думъ прекрасныхъ,
Восторговъ, пѣсенъ и любви.
Я молодъ былъ; передо мною,
Одѣтый въ розовый туманъ,
Маня прозрачной глубиною,
Шумѣлъ житейскій океанъ.
Я вѣровалъ въ мое призванье,
Отдался весь моимъ мечтамъ —
И, съ громкой пѣснью ликованья
Направилъ путь свой по волнамъ.
Отважно несся я надъ бездной,
Любуясь небомъ голубымъ,
Блуждая взоромъ въ выси звѣздной
И грѣясь солнцемъ золотымъ.
Я зналъ, что въ небѣ цвѣтъ лазури
Отъ тучъ темнѣетъ громовыхъ,
Предчувствовалъ, что будутъ бури —
И ждалъ, но не боялся ихъ.
Ты мнѣ такъ много обѣщала,
Ты все впередъ меня звала, —
И смѣлыхъ взоровъ не пугала
Вдали сгущавшаяся мгла...

Но вотъ и бури налетѣли,
Вздымая моря глубину,
И понесли на скалы, мели —
И мой корабль пошелъ ко дну.

Онѣ мнѣ душу истерзали...
Но передъ общею бѣдой
Чтò значатъ бѣдствія, печали,
Страданья личности одной?
Пусть жребій мой былъ злополученъ
И жалкій мой корабль разбитъ:
Пловецъ страдалъ, пловецъ измученъ, —
Но не о томъ душа скорбитъ.

Скорбитъ она, что призракъ ложный —
Все, въ чемъ я видѣлъ чудный свѣтъ,
Что въ жизни — глупой и ничтожной —
Ни для кого надежды нѣтъ...
Ни для кого, кто ищетъ свѣта,
Святыней сердца дорожитъ,
И что напрасно стихъ поэта
Для міра темнаго звучитъ.
Чего онъ ждалъ, къ чему стремился,
Какимъ былъ блескомъ ослѣпленъ?
Вотъ онъ прозрѣлъ — и... возмутился:
Вокругъ себя что видитъ онъ?
Здѣсь — всякій разумъ погасила
Разврата гибельная сила;
Тутъ — въ мысляхъ мракъ, тамъ — въ сердце гнетъ,
Здѣсь — душитъ зло, тамъ — пошлость давитъ,
И золотой кумиръ всѣмъ правитъ,
На все печать свою кладетъ...

Я думалъ, правда торжествуетъ,
И къ ней рвалась душа моя;
Увы, какъ сердце негодуетъ,
Какъ горько обманулся я!
Гдѣ правды подвиги святые?
Она какъ рабъ должна страдать,
И стонетъ, силясь разорвать

Свои оковы вѣковыя.
Къ чему? Напрасная борьба!
Кругомъ — все ложь, и мракъ, и бѣды, —
Не превратится стонъ раба
Въ кликъ торжествующей побѣды!

МУЗА.

Въ своемъ уныньи безотрадномъ,
Клянешь ты жизнь, позоришь свѣтъ
Укоромъ желчнымъ, безпощаднымъ, —
Но самъ боролся ль ты, поэтъ?

ПОЭТЪ.

Боролся я, пока я вѣрилъ,
Пока надежду въ сердцѣ несъ,
Пока дѣйствительность я мѣрилъ
Пространствомъ думъ моихъ и грезъ.
Затѣмъ — въ себя уединился,
Съ презрѣньемъ гордымъ ко всему,
Потомъ — невольно примирился
Съ тѣмъ, въ чемъ я прежде видѣлъ тьму.
Я суетой, какъ всѣ, увлекся,
Я охладилъ свой пылкій умъ —
И, наконецъ совсѣмъ отрекся
Отъ прежнихъ помысловъ и думъ.
Своихъ мечтаній устыдился
И, съ самомнѣніемъ пустымъ,
Я мысли трезвостью гордился,
Гордился разумомъ своимъ.
Порою, снова вдохновился
Тѣмъ, что̀ когда-то прославлялъ,
Святынямъ прежнимъ поклонялся, —
Но злобно разумъ мнѣ шепталъ:
«Мечтай, стремись, волнуйся, вѣруй, —
А все къ тому-жъ концу придешь:

Безумьемъ, бреднями, химерой
Свои кумиры назовешь.
Среди разсудочнаго вѣка
Нѣтъ мѣста этимъ божествамъ!»
Но, Муза, сердцу человѣка
Отрадно вѣрить чуднымъ снамъ...
Изъ царства радужныхъ тумановъ,
Видѣній свѣтлыхъ, сладкихъ слезъ,
Навѣй мнѣ рой своихъ обмановъ
И несбывающихся грезъ;
Хоть ложнымъ свѣтомъ, озаренье
Влей въ душу мрачную мою, —
Дай мнѣ забыться на мгновенье...

МУЗА.

Нѣтъ, я обмановъ не даю!
То не обманъ, что̀ я внушала
Тебѣ отъ юныхъ дней твоихъ,
Что̀ гордый духъ твой возвышало,
Будило, грѣло, волновало,
И чѣмъ проникнутъ былъ твой стихъ.
То не обманъ, что̀ умъ возноситъ,
Что̀ свѣтъ и радость въ душу льетъ,
Чего, тоскуя, сердце проситъ,
Чѣмъ человѣчество живетъ!
Не ложь — любви, добра идея,
Что̀ вѣчнымъ пламенемъ горитъ,
Хоть часто пыткой Прометея
Своихъ избранниковъ томитъ.
Среди безумья и порока,
Среди разнузданныхъ страстей,
Она гремитъ въ рѣчахъ пророка,
Она живетъ въ сердцахъ людей,
Въ стремленьяхъ духа, въ жгучихъ мукахъ
Слѣпца, что̀ жаждетъ видѣть свѣтъ,

Кто чрево богомъ признаетъ?
А для души-то злополучной...
Иль ей не нужно ничего?
Ей нуженъ тоже хлѣбъ насущный,
Какъ и для тѣла твоего.
Порывъ неясный, вздохъ твой каждый
Тебѣ настойчиво твердитъ,
Что и она томится жаждой,
Пока лучъ жизни въ ней горитъ:—
Ужель нѣтъ пользы безконечной
Въ томъ, чтобы духъ людей питать
И пламя этой жажды вѣчной
Водою чистой утолять?

Ты смолкъ. Потомъ запѣлъ ты снова...
Но меркнулъ свѣтъ твоихъ идей,
И, съ нимъ, оскудѣвало слово
И становилось все пошлѣй.
Ты музѣ предпочелъ вакханку,
Ты, вмѣсто лиры золотой,
Взялъ въ руки хриплую шарманку
И сталъ ломаться предъ толпой.
Она тебѣ рукоплескала...
Поэтъ, шутомъ служилъ ты ей!
А искра божья угасала
Въ душѣ обманутой твоей...
Огонь властительнаго дара
Ты равнодушно промѣнялъ
На славу пошлаго фигляра,
На чадъ безсмысленныхъ похвалъ!

ПОЭТЪ.

Не осуждай такъ безпощадно
Меня, наставница моя:
Ты знаешь, что когда-то жадно

Внималъ твоимъ внушеньямъ я.
Далеко думы уносили
Меня отъ будничныхъ заботъ;
Но мнѣ учители твердили:
«Сдержи свой выспренній полетъ;
Не исчезай за облаками,
Не отрывайся отъ земли,
Живи съ толпой ея скорбями
И съ нею радости дѣли.
Ты долженъ плотью быть отъ плоти
И костью отъ костей ея;
Она въ трудѣ, она въ заботѣ...
Гдѣ-жъ дума праздная твоя?
Ты далъ безумную свободу
Ея порывамъ и мечтамъ...
Служи толпѣ, служи народу,—
Иначе ты не нуженъ намъ!»

МУЗА.

Но развѣ въ томъ толпѣ служенье,
Чтобъ поощрять, лелѣять въ ней
Всѣ низкія поползновенья,
Игру безсмысленныхъ страстей?
И служитъ ли поэтъ народу,
Отрекшись отъ высокихъ думъ
И наложивъ, толпѣ въ угоду,
Оковы на свой гордый умъ?
Не въ томъ служеніе поэта,
Чтобы толпѣ лукаво льстить;
Нѣтъ! больше свѣта, свѣта, свѣта
Старайся въ душу ей пролить;
Ее, съ участіемъ сердечнымъ,
Учи, люби и утѣшай,
Всѣмъ чистымъ, правымъ, человѣчнымъ
Стремленья духа въ ней питай;

Но чтобъ себя не утруждать,
Не будь рабомъ ни страстей,
Ни [illegible] ни [illegible]
И не [illegible] [illegible] ней.
Чтобы [illegible] тебѣ [illegible]
Не для забавы [illegible] [illegible].
А чтобъ, [illegible], мечтами
Быть неразумной толпой.
Вотъ для чего тебѣ данъ геній
И твой могучій, чудный стихъ...
Не слышалъ ты моихъ внушеній,
Ни словъ учителей твоихъ!
Унизилъ ты свое призванье,
Самъ сбился съ истинной тропы.—
Такъ не ссылайся въ оправданье
На неразумье толпы.
Идти за ней ты не стыдился.—
А ты быть долженъ впереди.—
И вмѣстѣ съ нею ты глумился
Надъ всѣмъ...

ПОЭТЪ.

О, Муза, пощади!

МУЗА.

Легко опошлить все святое,
Но нѣтъ труднѣе ничего,
Какъ пошлость, сгнившую въ застоѣ,
Поднять и вырвать изъ него.
Она цѣпка и плодовита,
Она все множится, растетъ—
И, съ хищной лѣнью паразита,
Чужими соками живетъ.
Ея губительная сила
Ужъ не одинъ сковала умъ

И не одинъ ужъ погасила
Свѣтильникъ благородныхъ думъ.
Она, коснѣя, не восходитъ
До ихъ прекрасной высоты;
Ихъ до себя она низводитъ...
И нынѣ въ ней погрязнулъ ты!

ПОЭТЪ.

Правà ты, Муза! Темной бездной
Охваченъ я, и гибну тамъ,
Гдѣ нѣтъ сіянья тверди звѣздной,
Гдѣ нѣтъ порывовъ къ небесамъ.
И не подняться мнѣ отнынѣ,
Во мнѣ не вспыхнетъ прежній жаръ;
Я знаю, что въ житейской тинѣ
Погрязъ, померкъ мой свѣтлый даръ;
Мнѣ остается — безотрадно
Оплакать, схоронить его —
И лишь прислушиваться жадно
Къ рыданьямъ сердца моего.
Но я не буду больше міру
Потѣхой праздною служить:
Въ послѣдній разъ возьму я лиру,
Чтобы въ куски ее разбить!

МУЗА.

Кто далъ тебѣ на это право?
Иль въ мірѣ ты живешь одинъ?
Лишь для себя? Подумай здраво:
Ты — человѣкъ, ты гражданинъ.
Талантъ не долженъ быть проклятьемъ,
Ты имъ обязанъ дорожить;
Ты долженъ людямъ, ближнимъ, братьямъ,
Ты долженъ родинѣ служить.
Нѣтъ у тебя богатства, власти,

Въ [illegible] тебѣ [illegible] —
Будятъ [illegible] тревожатъ страсти
Воспоминанья [illegible]
[illegible] же праздныя [illegible]
[illegible] твой [illegible] не [illegible] —
И [illegible] вдохновенья
[illegible] тревогъ воспоминаній
Въ [illegible]
[illegible] краса [illegible] свѣта.
Что [illegible] въ своихъ твореньяхъ
Мудрецъ, художникъ и поэтъ.

Поэтъ.

И [illegible] въ [illegible]
[illegible] грезъ, [illegible]
Не вѣрю въ [illegible] поэта
На [illegible]
На вѣтеръ мы бросаемъ слово
Когда никто не внемлетъ намъ:
Нѣтъ [illegible] — [illegible]
И [illegible] стѣнамъ.

Муза.

Пусть [illegible]
Пусть громче раздается [illegible]
[illegible] пророкъ
И будетъ [illegible]
Что [illegible]
Когда-то [illegible]
[illegible] и [illegible]
Свое [illegible]
Не [illegible]
[illegible]
Ты [illegible]
И [illegible] —

Такъ выходи съ твоею лирой
И гнѣвный дай толпѣ урокъ;
Казни громовою сатирой
Все растлѣвающій порокъ.

ПОЭТЪ.

Довольно намъ сатиры праздной
На нашъ пустой, развратный вѣкъ:
Подъ маской лишь разнообразной
Всегда былъ гнусенъ человѣкъ.
Какъ въ наше, такъ въ былое время,
Надъ чувствомъ правды, надъ добромъ
Страстей позорныхъ злое сѣмя
Всегда господствовало въ немъ.
И если небо посылало
Къ нему избранниковъ своихъ,
Съ безумной злобой онъ сначала
Кидался бѣшено на нихъ;
И мѣры не было гоненьямъ,
Которымъ ихъ онъ подвергалъ,
Кресту, мечу, костру, каменьямъ
Онъ ихъ нещадно предавалъ.
Когда-жъ свѣтъ правды величавой
Побѣдоносно выходилъ,
Сіяя вѣчной, чудной славой,
Изъ ихъ поруганныхъ могилъ;
Когда коснѣющій и дикій
Міръ долженъ былъ ее признать
И силѣ истины великой
Уже не могъ противостать, —
Въ *сердца́* входила-ль правда эта?
Нѣтъ! прикрывался въ каждый вѣкъ,
Для темныхъ дѣлъ, лучами свѣта
Служитель мрака человѣкъ.
Идей великихъ, вѣры пламя

И къ ближнимъ братская любовь —
Все это было *только* знамя,
И знамя то пятнала кровь!..
Да, всѣ столѣтія видали —
Какъ сѣмена добра росли
И какъ ихъ тутъ же заглушали
И соръ и плевелы земли...
Сатирѣ-ль спорить противъ вѣка
И, желчью смѣха своего,
Очистить сердце человѣка,
Возвысить помыслы его?

МУЗА.

Поэтъ, поэтъ, лишенный вѣры,
Напрасно тѣмъ ты такъ смущенъ,
Что есть на свѣтѣ лицемѣры,
И что ихъ имя — легіонъ.
Да, много ихъ, но лучъ надежды
И утѣшенья есть и въ томъ,
Что прячутъ въ чистыя одежды
Они порокъ свой, со стыдомъ.
Что значитъ — свѣтомъ прикрываться,
Таить въ душѣ свой мракъ густой?
Вѣдь это значитъ — преклоняться
Предъ силой Истины святой.
Была могуча эта сила,
Успѣхомъ кончилась борьба,
Когда побѣда превратила
Врага въ трусливаго раба.
Тебя въ отчаянье приводитъ
Терновый Истины вѣнецъ,
Ты говоришь — она не входитъ
Въ глубь человѣческихъ сердецъ:
Скажи-жъ, откуда люди взялись,
Что ради истины своей

Страдали, кровью обливались
И жизнью жертвовали ей?
И могъ ли бы хоть искру свѣта
Въ міръ заронить ея глаголъ,
Когда бы громкаго отвѣта
Ни въ чьемъ онъ сердцѣ не нашелъ?
Пусть милліоны лицемѣрятъ,
Но сотни, тысячи живутъ,
Что правду любятъ, въ правду вѣрятъ
И ей всю душу отдаютъ.
Въ другихъ — она едва мерцаетъ,
Какъ искра слабая во тьмѣ;
Порою, въ сердце западаетъ,
Порой — чуть свѣтится въ умѣ;
И нужно лить побольше масла
Чтобъ для борьбы дать силу ей,
Чтобъ эта искра не погасла
Во тьмѣ безумья и страстей.
Такъ пусть же тотъ, въ комъ много свѣта,
Кто гнѣвомъ доблестнымъ горитъ,
Чья грудь любовію согрѣта,
На помощь къ слабому спѣшитъ.
Пусть обличитель негодуетъ,
Пусть, безпощаденъ и суровъ,
Онъ словомъ истины бичуетъ
Ея безчисленныхъ враговъ.
Не пропадетъ то слово даромъ,
Хотя безчувственна, мертва
Къ его карающимъ ударамъ
Толпа останется сперва:
Волна въ скалу напрасно бьется,
Но все волна скалу громитъ,
И передъ нею подается
Утеса твердаго гранитъ.
Полезно обличенье міру,

Людей испорченнымъ сердцамъ.
Но ты не впадешь въ сатиру...
Оставь ее другимъ пѣвцамъ.
По сердцу избери ты звуки.
И вдохновенно въ нихъ излей
Свои стремленья. думы. муки.
Огонь и свѣтъ души твоей.
Есть много струнъ въ прекрасной лирѣ
И тоновъ въ голосѣ твоемъ.
И много нуждъ духовныхъ въ мірѣ.
Людскихъ сердецъ такъ много въ немъ!
Тѣмъ — нужно слово назиданья.
Тѣмъ — нужно бодрость въ сердце влить.
Тѣмъ — дать отраду упованья.
Въ тѣхъ — разумѣнье просвѣтить:
Порывъ однихъ восторгомъ встрѣтить.
Внушить духъ истины другимъ.
Или съ любовью имъ отвѣтить
На скорбь. сочувствіемъ своимъ:
Здѣсь — поддержать святое знамя.
Тамъ — искру слабую добра
Раздуть въ клокочущее пламя
Неугасимаго костра.

Пусть человѣчество находитъ
Въ твоихъ словахъ желанный свѣтъ:
Все въ міръ твоихъ созданій входитъ.
На все ты можешь дать отвѣтъ.
На все. чѣмъ духъ живетъ отъ вѣка.
Къ чему стремится. что постигъ:
Міръ чувствъ и мыслей человѣка
Разнообразенъ и великъ.
Въ немъ много тьмы и много свѣта.
Кипучей жизни. и идей.
И вдохновеній для поэта.

И темъ для музыки твоей:
Добро и зло, гнетъ и свобода,
Съ ихъ вѣковѣчною борьбой,
И необъятная природа,
Съ ея великой красотой,
И люди, съ думами, страстями...
Могучъ твой умъ, могучъ твой стихъ:
Восторгомъ, смѣхомъ иль слезами
Ты можешь дѣйствовать на нихъ,—
Какъ другъ, какъ братъ, какъ просвѣтитель,
Стремленій чистыхъ образецъ,
Идеи пламенный служитель
И правды доблестной боецъ,
Отдавъ имъ сердце, умъ и лиру...
Вотъ какъ служить ты долженъ міру
И ближнихъ раздѣлять судьбу,—
Съ однимъ—скорбя, съ другимъ—ликуя,
Побѣду правды торжествуя
Или вступивъ со зломъ въ борьбу!

Не предавайся-жъ праздной лѣни,
Высокихъ помысловъ врагу;
Трудны лишь первыя ступени...
Не унывай,—я помогу.
Иди впередъ, безъ колебанья,
И вѣрь, что нуженъ людямъ ты,
Поборникъ свѣта, правды, знанья,
Пѣвецъ скорбей и упованья,
Любви добра и красоты!

ПОЭТЪ.

О, Муза истины и свѣта!
Подобенъ грому голосъ твой;

Ты возродила духъ поэта:
Иду, иду я за тобой,
Міръ просвѣщая силой слова,
Храня въ сердечной глубинѣ
Ту искру Божію, что снова
Ужъ разгорается во мнѣ!

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

ТРИ МОГИЛЫ.

(ФАНТАЗІЯ).

Considerate la vostra semenza,
Fatti non foste à viver come bruti,
Ma per seguir virtute e conoscenza.
Dante.

Разъ, въ глубокую ночь, я бродилъ
По окраинамъ шумной столицы.
Растревоженъ, взволнованъ я былъ,
Неотвязныя думъ вереницы
И на сердцѣ томительный гнетъ
Меня выгнали вонъ изъ жилища.
Я все шелъ — и дошелъ до воротъ
И ограды большого кладбища.

Я не разъ тамъ бывалъ, и теперь
Меня думы туда увлекали;
Предо мной отворилася дверь:
Сторожа хорошо меня знали.

Красотой городъ мертвыхъ блисталъ, —
Красотою таинственной, мрачной; —
Сводъ небесный надъ нимъ разстилалъ
Свой покровъ изъ лазури прозрачной;

Гротъ былъ полонъ, казалося мнѣ,
Роемъ свѣтлыхъ какихъ-то видѣній;
Каждый образъ былъ здѣсь какъ живой,
Точно двигались эти фигуры,
И какъ будто мѣнялись порой
Ихъ движенія, позы, контуры.
Въ этомъ геніи съ кроткимъ челомъ
Сколько было глубокаго чувства!
Сколько мысли и блеска во всемъ
Этомъ чудномъ созданьи искусства!
Здѣсь художникъ, волшебнымъ рѣзцомъ,
Вдохновенно представилъ картину,
Шумной жизни, промчавшейся сномъ,
И послѣдній недугъ, и кончину,
И глубокую сердца печаль,
Изливавшую тихо рыданья
О душѣ, уносившейся вдаль,
Отъ земли въ свѣтлый міръ упованья.

Очарованный, я созерцалъ
Вдохновенныя ангеловъ лица
И весь гротъ; но, затѣмъ, увидалъ
Что запущена эта гробница:
Кое-гдѣ обвалился карнизъ,
Покосились колонны у входа,
Плиты портика съѣхали внизъ,
Паутина висѣла со свода,
Крестъ надъ аркой держался едва,
Стѣны — трещины черныя дали,
Штучный полъ покрывала трава,
Кучи мусора всюду лежали,
Въ легкой аркѣ виднѣлася щель,
Стерлась съ надписей ихъ позолота,—
И свободно разросшійся хмѣль
Прорывался во внутренность грота.

А снаружи — репейникъ къ стѣнѣ
Жался сѣрой, косматою щеткой
И колючій шиповникъ вполнѣ
Завладѣлъ золоченой рѣшеткой.

Въ мое сердце проникла печаль:
Грустно видѣть слѣды разрушенья!
И мнѣ стало покойника жаль,
Потонувшаго въ морѣ забвенья.
Я заплакать почти былъ готовъ,
Но меня оковало молчанье
Непробудное этихъ гробовъ, —
И въ груди моей стихло рыданье.
«Спи же, мертвый! ты въ мірѣ почилъ,
Я рыданьемъ его не нарушу...
О, когда бъ этотъ миръ осѣнилъ
И мою возмущенную душу!»

Отошелъ я немного шаговъ, —
И теперь, пирамидою темной,
Предо мной, величавъ и суровъ,
Монументъ возвышался огромный.
На вершинѣ холма онъ стоялъ,
Сѣрый, мрачный, подобный видѣнью,
И какъ мантіей холмъ одѣвалъ
Исполинскою черною тѣнью.
Горельефами былъ онъ покрытъ, —
Все войны да побѣды эмблемы:
Здѣсь — кольчуга, тамъ — мечъ или щитъ,
Иль обвитые лаврами шлемы.
Кроткій текстъ христіанскихъ молитвъ
О душѣ, ждущей мира, покоя,
Здѣсь терялся за сценами битвъ,
Гдѣ прославилось имя героя.

Я стоялъ въ созерцаньи нѣмомъ:
Здѣсь была сила грозная скрыта,
Мнѣ казалась живымъ существомъ
Эта сѣрая масса гранита...
Стало страшно мнѣ, я отступилъ,
Повернулся — и, взоръ опуская,
Увидалъ, что близъ этихъ могилъ
Пріютилась могилка простая:
Низкій холмикъ земли, и на немъ,
Ѣдкой ржавчиной всюду изрытый,
Крестъ желѣзный, плита подъ крестомъ, —
Бѣдный камень, вѣнками покрытый...
Не пытался я надпись прочесть,
Но убогая эта могила
Мое сердце влекла и присѣсть
На траву, къ ней поближе, манила.
И присѣлъ я. Кругомъ — тишина, —
Все объято глухой тишиною, —
Мнѣ казалось, что въ душу она
Приливаетъ широкой волною...

Такъ сидѣлъ я тамъ, весь погруженъ
Въ мои думы; но вдругъ... что за звуки?
Подъ землей мнѣ послышался стонъ,
Скорбный вздохъ нетерпѣнья и муки.
Отголосокъ ли то долеталъ
Ночныхъ звуковъ тревожной столицы?
Нѣтъ, — я говоръ теперь услыхалъ
Подъ плитами роскошной гробницы.
Я дыханье въ груди затаилъ,
Чтобы вслушаться въ эту бесѣду.
То усопшій богачъ говорилъ
Обдѣленному рокомъ сосѣду:

1-й голосъ.

Поменяйся могилой со мной...
Ахъ, какъ здѣсь мнѣ лежать надоѣло!
Я томлюся въ гробу тишиной,
Меня черная тьма одолѣла!

2-й голосъ.

Что тебѣ до могилы моей,
Этой ямы и мокрой, и тѣсной?
Надъ твоею — стоитъ мавзолей,
Его сдѣлалъ художникъ извѣстный;
Ты при жизни былъ счастливъ, богатъ,
Погребенъ какъ прилично вельможѣ,
И пышнѣй моего во сто кратъ
Подъ землей твое смертное ложе.

1-й голосъ.

Монументъ свой въ куски бъ я разбилъ!
Что мнѣ въ томъ, что онъ — чудо искусства?
Для меня-ли художникъ вложилъ
Въ мраморъ столько глубокаго чувства?
Думалъ только о славѣ своей
Да о деньгахъ, ваятель наемный...
Ненавистенъ мнѣ мой мавзолей,
Онъ не стоитъ плиты твоей скромной;
Онъ мнѣ чуждъ, онъ меня тяготитъ:
Это — плодъ покупныхъ вдохновеній;
Его надпись... о комъ говоритъ?
О комъ плачетъ тотъ мраморный геній?
Много важныхъ и знатныхъ особъ
До могилы меня провожало,
Но на мой разукрашенный гробъ
Ни единой слезы не упало...
Изъ пустого тщеславья родня
Монументомъ богатымъ почтила

Бѣдный прахъ мой, и тутъ же меня
Навсегда и совсѣмъ позабыла...
И теперь — кто меня посѣтитъ?
Одиноко гніютъ мои кости;
А съ тобой кто-то все говоритъ,
У себя все какіе-то гости...
О, сосѣдъ! у тебя есть друзья,
Рѣчь ихъ дышетъ любовью, привѣтомъ;
Съ ихъ приходомъ могила твоя
Озаряется радостнымъ свѣтомъ;
Я жъ всегда окруженъ темнотой...
О, какъ больно — быть всѣми забытымъ!
А покойникъ вѣдь я не простой:
Я сановникомъ былъ именитымъ;
Собиралося много гостей
У меня, въ моемъ домѣ богатомъ,
Я имѣлъ очень много друзей,
Называли меня Меценатомъ;
Всѣ дивились дворцу моему,
И могу утверждать я по праву,
Что не дѣлалъ я зла никому,
А пиры задавалъ я на славу...
Тяжело въ тишинѣ изнывать
Послѣ шума той жизни безслѣдной!
Сжалься, другъ мой, позволь полежать
Богачу подъ плитой твоей бѣдной.

2-й голосъ.

Нѣтъ, сосѣдъ, не проси: откажу;
При своемъ долженъ каждый остаться;
Я могилой своей дорожу —
И съ тобою не стану мѣняться.
Эта яма сыра и грязна,
Въ ней быстрѣй и ужаснѣй гніенье, —

Но мила, дорога мнѣ она:
Только въ ней я нашелъ утѣшенье.

Тяжела была доля моя
Въ шумѣ жизни; но съ вѣрою чистой,
Глубоко свои скорби тая,
Шелъ я тамъ, по дорогѣ тернистой.
Съ юныхъ дней я вступилъ на нее,
Не имѣлъ я ни друга, ни брата;
Былъ я бѣденъ, но сердце мое
Было къ ближнимъ любовью богато.

Видѣлъ я бездну мрака кругомъ,
Видѣлъ зла необъятное море,
И порокъ, съ его наглымъ челомъ,
И людей безконечное горе;
Ихъ безуміе, ихъ суету,
Заблужденья, борьбу, колебанья, —
И лелѣялъ святую мечту —
Дать имъ свѣтъ, облегчить ихъ страданья.
Она къ подвигамъ труднымъ звала,
Битвы мнѣ и гоненья сулила, —
Но опорой мнѣ вѣра была
И любви нескудѣющей сила.
Путеводной звѣздой впереди
Предо мной лучи правды горѣли;
И, съ отвагой спокойной въ груди,
Шелъ я твердо къ намѣченной цѣли.
Не сбивался съ пути среди тьмы,
Не мирился съ безумьемъ и ложью,
Просвѣщая сердца и умы,
Проповѣдуя истину Божью.
Противъ всякаго зла возставалъ,
Смѣлымъ словомъ, какъ трубы гремящимъ,

И всю душу мою отдавалъ
Угнетеннымъ, гонимымъ, скорбящимъ.

Но чѣмъ дальше, чѣмъ тверже, смѣлѣй
Я на этомъ пути подвигался,
Тѣмъ упорнѣй, свирѣпѣй и злѣй
Темный міръ на меня ополчался,
Чтобы мракомъ своимъ погасить
Въ моемъ сердцѣ горѣвшее пламя,
Мое имя позоромъ покрыть
И въ клочки изорвать мое знамя...
До конца не разстался я съ нимъ;
Но, среди всякихъ бѣдъ и страданья,
Видѣлъ я — какъ одно за другимъ,
Разрушались мои упованья...

И закралася дума одна
Въ мою душу: мой разумъ холодный
Мнѣ внушалъ, что добра сѣмена
Разбросалъ я на почвѣ безплодной;
Что я тщетно и глупо служилъ
Моей вѣчной, великой святынѣ,
И умру безполезно, какъ жилъ,
Проповѣдуя въ мертвой пустынѣ.
Этой мысли давилъ меня гнетъ,
Оскудѣли въ борьбѣ мои силы, —
Но, шатаясь, все шелъ я впередъ,
И дошелъ... до убогой могилы.

Здѣсь лежалъ я забытый какъ ты,
Свою бѣдную жизнь вспоминая,
Мои думы, дѣла и мечты,
И безсилье мое проклиная.
«Неудавшійся, жалкій пророкъ! —
Говорилъ я себѣ съ озлобленьемъ,—

Ничего ты достигнуть не могъ,
Ослѣпленный пустымъ самомнѣньемъ.
Ты изнылъ въ безполезной борьбѣ...
Вѣры-ль было въ душѣ твоей мало,
Измѣнилъ ли твой разумъ тебѣ,
Или въ сердцѣ любви не достало?
Ты трудился для ближнихъ своихъ,
Довѣрялъ своей немощной силѣ,—
Но ничтоженъ ты былъ среди нихъ,
Какъ ничтоженъ теперь ты въ могилѣ».

Такъ я думалъ, забытый бѣднякъ,
И глубокой тоскою томился,
Между тѣмъ, какъ могильный червякъ
Въ моихъ мертвыхъ костяхъ шевелился...

Но однажды... то было весной...
Солнце жарко, должно быть, сіяло:
Оно чудной своей теплотой
Даже въ яму мою проникало.
По корнямъ разныхъ травъ и цвѣтовъ
Быстро двигались свѣжіе соки;
Изъ подземныхъ ключей, родниковъ
Вырывались, играя, потоки;
Всѣ живые сосѣди мои
Надо мной суетились, жужжали;
Тамъ козявки, жуки, муравьи
На свѣтъ Божій, спѣша, выползали;
Жизнь кипѣла;—я тихо лежалъ,
На минуту забывъ свою думу,
И съ глубокимъ томленьемъ внималъ
До меня доходившему шуму...

И услышалъ я говоръ вдали...
Онъ все больше ко мнѣ приближался;

Стукъ шаговъ въ рыхлыхъ нѣдрахъ земли
Слабымъ эхомъ, порой, отдавался;
То слабѣлъ онъ, то снова онъ росъ...
Вдругъ, надъ самой могилой моею,
Кто-то имя мое произнесъ...
Слышалъ я—какъ ходили надъ нею:
Эти люди искали меня!
Они долго искали повсюду...
О, счастливаго этого дня
Никогда уже я не забуду!
Черный крестъ, весь обвитый плющомъ,
Покосясь, надо мною склонялся,
И, по надписи бѣлой на немъ,
Мой пріютъ, наконецъ отыскался.
Кто-то радостно вскрикнулъ: «Вотъ здѣсь!»
Надъ моею могилой нагнулся,
И при возгласѣ этомъ я весь
Въ моемъ старомъ гробу встрепенулся.
Незнакомъ этотъ голосъ мнѣ былъ,
Но звучалъ онъ какъ слово привѣта,—
Точно къ жизни меня онъ манилъ,—
Но, увы!—я не могъ дать отвѣта...
И я ждалъ, отъ волненья дрожа,
Въ этотъ говоръ я вникнуть старался...
Съ незнакомцемъ пришли сторожа;
Отпустивъ ихъ, одинъ онъ остался.

Цѣлый часъ на могилѣ моей
Онъ сидѣлъ, не промолвивъ ни слова,
И ушелъ; но чрезъ нѣсколько дней
Появился на кладбищѣ снова.
Не одинъ,—съ нимъ другіе пришли;
Эти люди—рабочіе были;
Они памятникъ мнѣ привезли,
На могилу плиту положили,

Крестъ поставили;—шумъ, суетня...
И съ какой-то сердечной заботой,
Удивлявшей не мало меня,
Незнакомецъ смотрѣлъ за работой.
Трудъ былъ конченъ. Тогда преклонилъ
Онъ колѣни, съ мольбой умиленной,
И свой первый вѣнокъ положилъ
На могилѣ моей обновленной.
Онъ затѣмъ много разъ приходилъ,
На плиту гробовую садился;
И о жизни моей говорилъ,
И со вздохами тихо молился.
Онъ, казалось, глубоко страдалъ;—
Не сомнѣнья ли мрачнымъ недугомъ?—
Почему онъ меня называлъ
Своимъ добрымъ наставникомъ, другомъ?
Кто онъ былъ? гдѣ встрѣчалъ его я?
Тщетно въ мысляхъ всю жизнь пробѣгаю:
Чѣмъ ему была память моя
Дорогà—и теперь я не знаю.
Но ужъ съ самаго перваго дня,
Съ той минуты, какъ эта могила
Найдена имъ, я зналъ, что меня
Мнѣ родная душа посѣтила.

Онъ, должно быть, скончался. О немъ
Вспоминаю я съ чувствомъ глубокимъ,
Но въ посмертномъ пріютѣ моемъ
Ересталъ ужъ я быть одинокимъ:
Не забыта могила моя,
Нынѣ путь къ ней ужъ многіе знаютъ;
Умеръ другъ мой—другіе друзья,
И все чаще, меня навѣщаютъ;
Мнѣ приносятъ вѣнки и цвѣты,—
И ликуютъ тогда мои кости;

Я такъ счастливъ! И знаешь ли ты—
Кто они, столь желанные гости?
Это—люди, которыхъ зажгло
Мою грудь согрѣвавшее пламя
И въ чьи руки затѣмъ перешло
Мной когда-то носимое знамя.
Я съ восторгомъ отъ нихъ услыхалъ,
Что, на зло всѣмъ бѣдамъ и ударамъ,
Подвигъ жизни моей не пропалъ,
Что я жилъ и боролся не даромъ.
Много новыхъ борцовъ ужъ идутъ
По слѣдамъ моимъ, той же тропою,
И роскошную жатву даютъ
Сѣмена, насажденныя мною.
Кто людей смѣло къ правдѣ ведетъ,
Тотъ не тщетно свѣтильникъ свой носитъ,
Хоть не знаетъ кого увлечетъ,
Въ чью онъ душу лучъ свѣта заброситъ.
Пусть вокругъ него буря шумитъ
И свѣтильникъ его задуваетъ:
Отъ свѣтильника искра летитъ,
И—какъ будто—совсѣмъ пропадаетъ
Въ черной тьмѣ; но какъ пламя костра,
Какъ пожаръ разгорается снова
Эта вѣчная искра добра,
Просвѣтителя жаркое слово...
О! впадалъ я въ унынье не разъ,
Но въ могилѣ мнѣ сдѣлалось ясно,
Что хоть рано мой факелъ погасъ,
Онъ горѣлъ и свѣтилъ не напрасно.
Въ мірѣ добрый оставилъ я слѣдъ,
И доволенъ судьбою моею...
Не сердись на меня мой сосѣдъ;
Я тебя непритворно жалѣю,—
Но ты жить для себя лишь умѣлъ,

И забвенья глубокая бездна—
Неизбѣжный и вѣчный удѣлъ
Тѣхъ, чья жизнь протекла безполезно.

И, въ отвѣтъ, изъ земной глубины
Донеслися другія рыданья,
Стоны, плачь,—они были полны
Безпредѣльной тоски и страданья...

Гулъ томленій ихъ вдругъ заглушилъ:
Чей-то голосъ раздался громовый,
Перекатистый: онъ выходилъ
Изъ-подъ плитъ пирамиды суровой.

3-й голосъ.

Ты счастливъ, вѣчной правды боецъ,
Мужъ познанья, добра и совѣта:
Ты стяжалъ себѣ чудный вѣнецъ
Изъ лучей животворнаго свѣта.
Если-бъ къ жизни вернуться я могъ,
Не блуждалъ бы я такъ ослѣпленный,
Я бъ гордыню свою превозмогъ,
Предпочелъ бы, душой просвѣтленной,
Всѣмъ приманкамъ пустой суеты,
Славы, власти, толпы поклоненья
Одну искру твоей теплоты,
Одинъ лучъ твоего разумѣнья.

Но и ты, малодушный богачъ,
Примирись съ гробовой тишиною
И оставь безполезный свой плачъ:
Ты счастливецъ въ сравненьи со мною,

Я былъ воинъ, я былъ властелинъ
И гонялся за громкою славой;

Зналъ же путь къ ней я только одинъ:
Тотъ единственный путь былъ кровавый.
Мое сердце не грѣла любовь—
Создающее, чудное пламя,—
Мой девизъ былъ—«желѣзо и кровь»,
И украсилъ я имъ свое знамя.
Съ этимъ знаменемъ страшнымъ въ рукахъ,
Я въ чужія владѣнья вторгался,
И народъ за народомъ во прахъ
Передъ силой моей повергался.
Безпощадный, не внемля мольбамъ,
Съ властелиновъ срывалъ я короны,
И какъ буря по дальнимъ странамъ
Проносились мои легіоны...
Я былъ счастливъ въ дыму и огнѣ,
Упоенный рѣшительнымъ боемъ;
Я былъ счастливъ, носясь на конѣ
Предъ моимъ ужасающимъ строемъ;
Я былъ счастливъ, когда на враговъ
Мое войско въ походъ выступало
И на шлемахъ и копьяхъ бойцовъ
Ослѣпительно солнце сверкало...
Къ битвамъ страсть ненасытна была,
И на грудахъ развалинъ и пепла
Моя слава все выше росла,
Моя сила все болѣе крѣпла.
Цѣлый міръ предо мной трепеталъ,
Грозны были мои воеводы;
Но вдали уже громъ грохоталъ:
На меня подымались народы...

Собралися они въ тишинѣ.
И надвинули черною тучей...
Но не дрогнуло сердце во мнѣ,
Не встревожился духъ мой могучій.

И сказалъ я: «Пусть врагъ мой придетъ,
Пусть нахлынутъ бойцовъ милліоны:
Позади меня—вѣрный народъ,
И со мною мои легіоны».

Я пошелъ на войну какъ всегда,
Браннымъ кликомъ на вызовъ отвѣтилъ;
Но моя померкала звѣзда:
Я ужасныя полчища встрѣтилъ.
Мои воины храбро дрались,—
Имъ такъ были обычны побѣды,—
Но теперь и они подались,
Ихъ постигли жестокія бѣды.
Я смутился, я громко взывалъ
Къ Богу брани, въ священныхъ молитвахъ,
Чтобъ онъ помощь свою ниспослалъ
Моимъ воинствамъ, таявшимъ въ битвахъ.

И раздался мой кличъ громовой,
Весь народъ призывая къ знаменамъ:
«Выходите скорѣе на бой,
Помогите моимъ легіонамъ!
Насъ тѣснятъ отовсюду враги,
Пьемъ мы бѣдствія горькую чашу...
Защищайте свои очаги,
Властелина и родину вашу!»

Имъ ли было врага побѣдить!
За дружинами пали дружины,
Чтобы кровью своей обагрить
Рвы, окопы, холмы и долины...
Я мужался, но горько скорбѣлъ,
Сердцу было и стыдно, и больно...
Но и врагъ, наконецъ, ослабѣлъ
И надменно мнѣ крикнулъ: «Довольно!»

Съ нимъ я миръ заключилъ, и потомъ
На свои оглянулся владѣнья...
И увидѣлъ я въ царствѣ моемъ
Нищету и слѣды запустѣнья.
Одичалъ истощенный народъ;
Въ этомъ царствѣ, скорбями обильномъ,
Процвѣтали: невѣжество, гнетъ,
Утѣсненіе слабаго сильнымъ,
Лихоимство, хищенье, обманъ
Поруганіе всякаго права...
И разсѣялась точно туманъ
Предо мной моя громкая слава!
Съ изумленьемъ смотрѣлъ я кругомъ,
На вопросъ я старался отвѣтить:
Какъ я могъ въ бѣдномъ царствѣ моемъ
До сихъ поръ этихъ золъ не замѣтить?
Я на тронѣ моемъ возсѣдалъ
Высокὸ со скрижалью закона,
Но за блескомъ вѣнца не видалъ—
Чтὸ творилось подъ сѣнію трона...

И сказалъ я себѣ самому:
«Нужно вὸйны надолго оставить,
Разогнать эту черную тьму,
Мое царство отъ бѣдствій избавить;
Потружусь я усердно — и дамъ
Миръ и счастье подвластнымъ народамъ;
Обращусь я къ своимъ мудрецамъ,
Къ новымъ судьямъ, къ инымъ воеводамъ;
Дамъ ихъ разуму полный просторъ,
Призову я на помощь ихъ знанье,
Вырву плевелы, вымету соръ—
И воздвигну я новое зданье».

Я обширный свой планъ начерталъ,
Началъ строить; работа кипѣла.
Я на первыхъ порахъ ликовалъ:
Подвигалось впередъ мое дѣло.
Оно легкимъ казалося мнѣ, —
Я такъ свыкся съ борьбой и трудами; —
Но не вымелъ я сора вполнѣ,
Цѣпкихъ плевелъ не вырвалъ съ корнями.
Пожалѣлъ я развалинъ моихъ,
Тамъ гдѣ могъ, сохранить ихъ пытался,
Къ новымъ цѣлямъ прилаживалъ ихъ,
Новый планъ къ нимъ приладить старался;
И со скорбью теперь сознаю,
Что я строилъ, безъ всякаго страха,
Вавилонскую башню мою
Изъ негодныхъ обломковъ и праха...
Появилися трещины въ ней,
Камни, стѣны вездѣ подавались,
А на вспаханной нивѣ моей
Травы сорныя вновь показались.
Я задѣлывалъ щели какъ могъ,
Вырывалъ эти плевелы съ нивы,
Но въ безплодномъ трудѣ изнемогъ
И утратилъ благіе порывы.
Видѣлъ я всѣхъ усилій тщету,
Надоѣло мнѣ строить и сѣять, —
И о славѣ военной мечту
Вновь я сталъ въ моемъ сердцѣ лелѣять.
Нѣтъ, не ладилъ я съ мирнымъ трудомъ,
Онъ былъ скученъ и мнѣ не давался;
Мой построенный зàново домъ
У меня на глазахъ разрушался...

Малодушно я взоръ отвратилъ,
Чтобъ не видѣть картины печальной,

Снова мечъ боевой наточилъ,
Снова въ путь я отправился дальный.
Лесть присяжныхъ пѣвцовъ создала
Изъ моихъ похожденій поэму,
Надъ врагами побѣда вплела
Два-три лавра въ мою діадему;
Всѣ встрѣчали меня съ торжествомъ,
Чтилось имя мое какъ святыня, —
Но ходилъ я съ поникшимъ челомъ:
Въ моемъ сердцѣ смирилась гордыня.
Кровь враговъ пролилъ вновь я рѣкой,
Отнималъ у нихъ жизнь и свободу,
Но, съ тріумфомъ вернувшись домой,
Ничего не принесъ я народу.
Нищеты лишь прибавилось въ немъ;
Онъ былъ тотъ же калѣка убогій,
Слабый духомъ и скудный умомъ,
Съ затаенною въ сердцѣ тревогой...
Я не могъ новой жизни вдохнуть
Въ это тѣло, убитое мною,
И созналъ я вполнѣ, что мой путь
Былъ невѣрной и ложной стезею.
Самъ себѣ, моей родинѣ врагъ,
О, въ какое я впалъ ослѣпленье:
Жаждалъ блеска, но сѣялъ лишь мракъ,
И пожалъ я — одно разрушенье!

И теперь, лежа въ тѣсномъ гробу,
Слышу я и проклятья и стоны;
То клянутъ свою злую судьбу
И меня моихъ жертвъ милліоны.
Точно буря во мракѣ ночей
Страшный хоръ ихъ кругомъ раздается...
Но поклонниковъ славы моей
Много, много еще остается.

Я торжественно въ землю зарытъ,
Въ гробѣ, лавромъ побѣды обвитомъ,
Былъ при жизни моей знаменитъ,
Остаюсь и теперь знаменитымъ;
Мнѣ хвалебные гимны поютъ
И по мнѣ совершаются тризны. —
Но отрады они не даютъ,
Они горше чѣмъ всѣ укоризны.
Въ этихъ громкихъ и глупыхъ хвалахъ
Мнѣ насмѣшка слышна и обида,
Моя слава внушаетъ мнѣ страхъ,
Меня давитъ моя пирамида...
Ты тоскуешь, что ты позабытъ
Въ своей пышной, богатой могилѣ:
Меня зависть беретъ, сибаритъ,
Я-бъ *желалъ* чтобъ меня позабыли!

И раздался въ землѣ его стонъ,
Громогласный протяжный и звучный,
И умолкнулъ. — Мнѣ жалокъ былъ онъ,
Жертва славы своей злополучной.

Вслѣдъ затѣмъ я опять услыхалъ
Подъ землей разныхъ звуковъ смѣшенье:
Тамъ таинственно кто-то шепталъ,
Мнѣ послышались музыка, пѣнье,
Шорохъ, шелестъ и говоръ глухой,
Голоса, все яснѣе и чище...
То не воина-ль стонъ громовой
Пробудилъ ото сна все кладбище?
Что-то вѣяло; я ощутилъ
Во всемъ тѣлѣ и бодрость и силы,
Между тѣмъ какъ въ глаза мнѣ свѣтилъ
Странный свѣтъ изъ убогой могилы...

Я очнулся... Ужели я спалъ,
Побѣжденный дремотой невольной?
Въ ясномъ воздухѣ строго звучалъ,
Съ перерывами, звонъ колокольный;
Пѣли птички, шумѣлъ вѣтерокъ,
Каждый кустъ шелестѣлъ, шевелился;
Озарялся на небѣ Востокъ,
Онъ алѣлъ, онъ желтѣлъ, золотился;
Поднимался надъ городомъ паръ,
Легкой дымкой съ оттѣнкомъ янтарнымъ;
Вотъ явился и солнечный шаръ,
Во всемъ блескѣ своемъ лучезарномъ;
Освѣтилъ, обогрѣлъ небеса,
Міръ живущихъ и мертвыхъ гробницы, —
И слились въ общій хоръ голоса,
Шумъ и грохотъ громадной столицы.

Не съ поникшей уже головой,
А спокойно, рѣшительно, смѣло
Возвращался теперь я домой;
Мое сердце надеждой горѣло.
Я не знаю: сіяющій день,
Крѣпкій сонъ, или сна того грезы
Въ моихъ мысляхъ разсѣяли тѣнь,
Отогнали отъ глазъ моихъ слезы...

СѢЯТЕЛИ.

Шагъ за шагомъ, стезей одинокою,
Слово правды сквозь мракъ мы несемъ,
Съ вѣрой чистою, съ вѣрой глубокою
Возростивъ ее въ сердцѣ своемъ.

Мы ее такъ хранили, лелѣяли,
А теперь насъ сомнѣнья гнетутъ:
Не пожнемъ мы того, что мы сѣяли, —
Можетъ быть, только внуки пожнутъ.

И то будетъ ли жатва обильная?
Плодотворна ли будетъ она?
Или почва, сухая, безсильная,
Въ лебеду превратитъ сѣмена?

Но къ чему намъ безплоднымъ сомнѣніемъ
Наболѣвшія мучить сердца?
Мы трудились съ великимъ терпѣніемъ,
Мы работали въ потѣ лица,

Съ безконечной борьбой и тревогою
Свѣтъ вливая въ сердца и умы:

Пусть и внуки надъ нивой убогою
Поработаютъ такъ же какъ мы.

Пусть хоть два или три полныхъ колоса
На посѣвъ она имъ принесетъ,
Когда съ нами звукъ нашего голоса
Въ темномъ мірѣ забвенья умретъ.

ДОГОРАЮЩАЯ СВѢЧА.

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ...
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣтъ;

Пусть отъ дрёмы, усталости, скуки
Не тускнѣетъ мой блещущій взглядъ;
Пусть мой умъ, мое сердце и руки
Сдѣлать все что возможно спѣшатъ;

Чтобъ во тьмѣ, меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня,
Что послѣдняя искра застала
За полезной работой меня.

Чтобъ, идя поневолѣ къ покою,
Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ:
«Я умножилъ хоть горстью одною
Добрыхъ дѣлъ моихъ скудный запасъ».

НЕ ПЛАЧЬ, МОЙ ДРУГЪ.

Не плачь мой другъ, ты этимъ не поможешь,
И намъ съ тобой страдать — не въ первый разъ;
Рыданьями лишь сердце растревожишь,
Слезами блескъ лучистый уничтожишь
Своихъ прекрасныхъ глазъ.

Какъ жаль мнѣ ихъ! Съ глубокою тоскою
Гляжу, когда застелетъ ихъ туманъ;
И хочется мнѣ зарыдать съ тобою:
Мнѣ сердца жаль, которому судьбою
Нанесено такъ много ранъ;

Мнѣ жизни жаль, чтò счастія не знала,
Которую, вползая какъ змѣя,
Все больше скорбь отравой наполняла;
Мнѣ жаль души, чтò вѣру потеряла,
Какъ и моя...

Но помни, другъ, что намъ крѣпиться надо
И, въ мракѣ бѣдъ блуждая и скорбя,
Не отвращать отъ свѣтлыхъ точекъ взгляда,
Что намъ въ любви взаимной есть отрада,
Что мы живемъ *не для себя.*

Не плачь же, другъ, припавши къ изголовью;
Не растравляй ты сердца своего
Тревожнаго, обливаясь кровью:
Забвеніемъ, прощеніемъ, любовью
Лечи его!

ДУМЫ И ГРЕЗЫ.

Моя дума все въ даль порывается,
Пока смерть не сомкнула мнѣ вѣждъ;
Сердце все еще глупо цѣпляется
За обломки разбитыхъ надеждъ;

И, горя непонятною вѣрою,
Все не хочетъ разстаться оно
Съ тѣмъ, чтò разумъ безумный химерою
И мечтою назвалъ ужъ давно.

Такъ, порой, лучезарнымъ видѣніемъ
Очарованы въ сладостномъ снѣ,
Говоримъ мы потомъ, съ сожалѣніемъ:
«Это были лишь грезы однѣ!»

Но упорно, съ тоскливымъ желаніемъ,
Возвращается сердце не разъ
Къ этимъ грезамъ, чтò чуднымъ сіяніемъ
На минуту наполнили насъ...

СѢВЕРНАЯ МЕЛОДІЯ

Грозно чернѣетъ пустыня Лапландская,
Въ бухту вторгается зыбь океанская,
Пѣною брызжетъ волна;
Судно, скрипя, безпокойно колышется,
Грохотъ прибоя у берега слышится,
Сѣрая мгла холодна...

Тихо я вышелъ на мокрую палубу,
Слушаю чайки тоскливую жалобу...
Странный, пронзительный крикъ!
Онъ въ мои уши насильно врывается,
Дрожью по жиламъ моимъ пробирается,
Онъ въ мое сердце проникъ.

Грустно! мнѣ чудятся вопли страданія,
Въ голосѣ вѣтра я слышу рыданія...
Или погибнетъ мой челнъ, —
Здѣсь, гдѣ я вижу лишь скалы безлюдныя,
Небо свинцовое, тучи холодныя
И колыханіе волнъ?..

ВЕЧЕРЪ.

Полно работать, пора отдохнуть, посмотри:
Въ сумракѣ тонетъ послѣднее пламя зари;
Тѣни густѣютъ и день удаляется прочь —
И отовсюду на насъ надвигается ночь.

Ночь — это время покоя, но также и грёзъ,
Думъ одинокихъ и тайныхъ страданій и слезъ:
Пусть же навѣетъ она, изъ своей глубины,
Чары забвенья тебѣ и отрадные сны.

Пусть она думы твои усыпитъ тишиной,
Въ сердце вольется глубокою мира волной;
Если не въ силахъ ты бремя скорбей превозмочь,
То да поможетъ страдальцу волшебница-ночь.

Вотъ наступила она, облеченная въ царскій нарядъ,
Яркія звѣзды на синей порфирѣ горятъ,
Выдвинулъ мѣсяцъ свой чудный, таинственный щитъ,
Вѣетъ прохладой; — земля утомленная спитъ...

ИДЕАЛЪ ХУДОЖНИКА.

«Художникъ, посмотри — какъ солнце золотитъ
Вершины дальнихъ горъ и плещущее море,
Вонъ — тучка легкая по небесамъ бѣжитъ
И таетъ отъ лучей въ сіяющемъ просторѣ.

«На берегъ набѣжавъ, разсыпалась волна;
За нею вслѣдъ идетъ другая, ей на смѣну,
Вся блещетъ, искрится морская глубина,
Бросая на песокъ серебряную пѣну.

«Картина чудная! Пустыня здѣсь кругомъ,
Просторъ для тихихъ думъ, для творческой свободы...
Взгляни — и отрази на полотнѣ твоемъ
Величье гордое и красоту природы».

— Нѣтъ, мысль моя не здѣсь: туда летитъ она,
Гдѣ слышится мнѣ шумъ совсѣмъ другого моря,
Гдѣ жизнь людей кипитъ, гдѣ бездна создана
Изъ ихъ борьбы и думъ, ихъ радости и горя.

Здѣсь вдохновеніе меня не посѣтитъ,
Здѣсь я безмолствую, и кисть мнѣ непослушна,

И сердцу моему ничто не говоритъ, —
Пустыня такъ скучна, природа такъ бездушна!

Чаруютъ насъ ея подвижныя черты,
Своею красотой великой ослѣпляя...
Мнѣ мало этихъ чаръ, мнѣ мало красоты:
Мнѣ нужно, чтобы въ ней была душа живая.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ.

Я измучена долгимъ страданьемъ,
Тьма въ моихъ помертвѣвшихъ глазахъ,
Грудь болитъ, задыхаясь рыданьемъ,
Что̀ не можетъ излиться въ слезахъ.

Утѣшенья хоть каплю вы влейте
Въ истомленную душу мою;
Пожалѣйте меня, пожалѣйте:
Я у края могилы стою!

Пронеслась моя юность, мелькая, —
Такъ внезапно увяла она!—
Порвалась моя жизнь молодая,
Порвалась, точно арфы струна...

Отворите окно! дайте свѣта!
Не вредитъ онъ предъ смертью глазамъ;
Дайте воздухомъ теплаго лѣта
Подышать... Что вы шепчетесь тамъ?

Этотъ шопотъ средь мрака глухого
Пробѣгаетъ морозомъ въ крови...

Нужно слышать мнѣ громкое слово
Сожалѣнья, участья, любви.

Не маните надеждой пустою, —
Той надеждой, которой ужъ нѣтъ, —
Но скажите вы мнѣ, съ теплотою,
Что оставлю въ душѣ вашей слѣдъ;

Что мой голосъ, порой, отзовется
Грустной музыкой въ вашихъ сердцахъ
И какъ скорбная тѣнь пронесется
Образъ мой въ вашихъ думахъ и снахъ;

Что вы вспомните это мгновенье,
Мою жгучую сердца печаль
По той жизни, чтò, точно видѣнье,
Уплываетъ въ туманную даль!..

КОГДА ТЫ ХОЧЕШЬ ТРЕЗВЫМЪ ВЗГЛЯДОМЪ.

Когда ты хочешь трезвымъ взглядомъ
Смотрѣть на жизнь и на людей,
Не украшай ты ихъ нарядомъ
Живой фантазіи своей.

Не помышляй, чтобы на свѣтѣ
Былъ для великихъ душъ просторъ,
Что ихъ дѣла не тонутъ въ Летѣ,
Что святъ потомства приговоръ.

Не думай, чтобы мощный геній
Всегда съ безумьемъ велъ борьбу,
Чтобъ рядъ позорныхъ преступленій
Велъ всѣхъ къ позорному столбу.

Не создавай себѣ обмановъ,
Не представляй, въ умѣ своемъ,
Эффектной битвой двухъ титановъ
Борьбу добра съ могучимъ зломъ.

Увы! великіе душою
Встрѣчаютъ тысячи преградъ,

Ихъ путь покрытъ глубокой тьмою,
Ихъ сердце скорби пепелятъ.

Потомство, съ глупымъ ослѣпленьемъ,
Позоритъ иль не признаетъ
Тѣхъ, чьимъ великимъ вдохновеньемъ
И чьими жертвами живетъ.

А генiй часто не стыдится
Быть пошлой глупости рабомъ
И, льстя безумiю, гордится
Своимъ дурацкимъ колпакомъ.

Гигантъ страдаетъ отъ пигмея,
Властитель гибнетъ отъ раба,
И часто гнуснаго злодѣя
Вѣнчаетъ лаврами судьба...

Не солнцемъ яркимъ послѣ ночи
Святая правда возстаетъ
И свѣта, блещущаго въ очи,
На темный мiръ она не льетъ.

Она порою лишь мелькаетъ,
Ее такъ рѣдко видимъ мы;
Она блеститъ и исчезаетъ
Какъ лучъ минутный въ безднѣ тьмы,

Какъ въ тучахъ свѣтлыя полоски,
Какъ отраженье звѣздъ въ волнѣ,
Какъ фосфорическiя блестки
На черной моря глубинѣ...

СТИХНУЛИ БУРИ И ГРОЗЫ.

Стихнули бури и грозы,
Дышетъ свободнѣе грудь.
Другъ мой, къ чему-жъ эти слезы?
Прежнее горе забудь.

Ты, вѣдь такъ много страдала,
Сколько несла ты потерь!
И лишь покоя желала:
Что же ты плачешь теперь?

Иль тебѣ мало покоя?
Иль тебѣ жаль прошлыхъ грозъ?
Иль твое сердце больное
Жаждетъ несбыточныхъ грезъ?

Жизнь такъ тебя обманула,
Сердце изранивъ твое...
Или въ тебѣ не уснула
Прежняя вѣра въ нее?

Или еще ожидаешь
Лучшаго ты отъ судьбы,
Рвешься, томишься, страдаешь,
Жаждая новой борьбы?

— Нѣтъ, не хочу я бороться,
Дорогъ мнѣ только покой;
Но мое сердце чуть бьется,
Ноетъ предсмертной тоской.

Нѣтъ въ немъ ни силъ, ни желаній,
Цвѣтъ его жизни отцвѣлъ,—
Отдыхъ отъ бурь и страданій
Слишкомъ ужъ поздно пришелъ!

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible]
[illegible] къ свѣту и
правдѣ.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Даль была окутана сѣрыми туманами;
Шелъ я спотыкаючись, весь покрытый ранами;
И ручья холоднаго струйкою гремучею
Утолить надѣялся жажду мою жгучую.

Видѣлъ я по близости эту струйку чистую
Ручейка, бѣжавшаго съ пѣной серебристою;
Падалъ онъ каскадами и пустыню голую
Оглашалъ, играючи, пѣсенкой веселою.

И къ нему тащился я... Духъ изнемогающій
Я въ себѣ поддерживалъ мыслью ободряющей,
Силой воли гаснувшей и желанья жаднаго;
Но не могъ добраться я до ручья прохладнаго.

Я упалъ безпомощно... Въ мысляхъ все смѣшалося,
Новое и старое, что̀ вдали осталося,
Образы минувшаго, все мной пережитое,
Поле одинокое, трупами покрытое,

Эти лица мертвыя, звѣзды, ночь холодная,
Зной затѣмъ полуденный и земля безплодная,
Путь по ней мной про̀йденный, ручейка журча̀ніе—
И отъ жажды бѣшеной жгучее страданіе...

У СМЕРТНАГО ОДРА.

(ДУМА).

Еще одинъ внезапный трепетъ,
Безсильный жестъ, послѣдній стонъ,
Затѣмъ — невнятный, тихій лепетъ, —
И, догорѣвъ, угаснетъ онъ.

Проводимъ мы его слезами,
Засыплемъ прахъ его землей,
И много дней еще предъ нами
Стоять онъ будетъ какъ живой.

Нерѣдко, грустною ошибкой,
Смѣшаемъ правду мы со сномъ,
Проснемся съ радостной улыбкой,
Его, какъ прежде, позовемъ;

Невольно будемъ мы стремиться
Въ пустую комнату не разъ,
Чтобъ съ другомъ мыслью подѣлиться,
Забывъ, что онъ уже угасъ;

Пока отчетливо и ясно
Мы не сознаемъ, не поймемъ,
Что звать его — уже напрасно,
Что можно думать лишь о немъ;

Что онъ, съ своимъ существованіемъ,
Со всею жизнію своей,
Принадлежитъ къ *воспоминаньямъ*,
Къ былинамъ невозвратныхъ дней.

И долго будетъ представляться
Намъ этотъ образъ дорогой,
Какъ будто жаль ему разстаться
Съ своею родиной, землей.

Надъ нами будетъ онъ носиться,
И въ нашемъ воздухѣ витать,
И въ сердце грустное проситься,
И въ наши думы проникать.

Но время быстрое проходитъ,
И жизнь, мѣняясь вмѣстѣ съ нимъ,
Все глубже грань свою проводитъ
Межъ настоящимъ и былымъ.

Она не дастъ намъ жить мечтами
О томъ, кого ужъ больше нѣтъ,
И, наконецъ, шумя волнами,
Зальетъ оставленный имъ слѣдъ.

И этотъ образъ рѣже станетъ
Въ насъ бурю скорби подымать,
Затѣмъ—и вовсе перестанетъ
Насъ даже въ грезахъ посѣщать,—

Какъ рѣдкій гость, что замѣчаетъ
И съ грустью чувствуетъ порой,
Что давній другъ его встрѣчаетъ
Уже не съ прежней теплотой...

НА СЦЕНѢ.

Веселый, радостный предъ вами я стою,
Нѣтъ на моемъ лицѣ слѣда моихъ страданій;
А ночью я постель слезами оболью,
Быть можетъ задохнусь отъ сдавленныхъ рыданій...

Предъ вами — лишь актеръ; и онъ васъ такъ смѣшитъ
Своей веселостью, живой, неистощимой;
Его душевный міръ совсѣмъ для васъ закрытъ,—
И что̀ вамъ за нужда входить въ тотъ міръ незримый?

Букеты и вѣнки вы сыплете дождемъ,—
Онъ позабавилъ васъ — и этого довольно...
О, если-бъ знали вы — какъ тяжко быть шутомъ,
Когда въ душѣ темно, когда такъ сердцу больно!

О, если-бъ знали вы — какъ горько мнѣ порой,
Какъ трудно мнѣ играть, едва собой владѣя,
И, со стыдомъ въ душѣ, кривляться предъ толпой,
Подъ глупой маскою смѣшного лицедѣя!

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Солнце ярко блещетъ, море тихо плещетъ,
Небо нѣжитъ взоры теплой синевою...
Съ сладостною лѣнью, я прилегъ подъ тѣнью,
Подъ обросшей мохомъ, сѣрою скалою.

Въ этотъ полдень знойный, съ нѣгою спокойной,
Я хочу природой только любоваться;
Голубое море! на твоемъ просторѣ
Я теперь желалъ бы въ челнокѣ качаться.

Но челнокъ далёко, море такъ глубоко,
Съ веслами не слажу, править не умѣю,
Берегъ такъ пустыненъ, къ дому путь мой длиненъ...
И лежу одинъ я, съ думою своею.

Въ апатіи праздной, подъ однообразный
Говоръ волнъ, что̀ плещутъ, пѣнясь и сверкая,
Дума эта дремлетъ, смутно морю внемлетъ,
Какъ подъ пѣсню няни, тихо засыпая...

Спи же, спи же, дума, чтобъ не слышать шума
Бури и тревоги, что во мнѣ таится!

Позабудь заботы, отъ своей работы
Отдохни, чтобъ силой свѣжей обновиться.

Силы много надо; сонъ — одна отрада
Для души, изнывшей въ мукѣ безпредѣльной.
Усыпи мнѣ, море, бѣшеное горе
На́долго своею пѣснью колыбельной!

Чтобъ, среди забвенья, чудныя видѣнья,
Радужныя грезы умъ мой наполняли,
Чтобы небо это, солнце, съ блескомъ свѣта
Въ глубину больного сердца проникали;

Чтобъ оно готово было къ битвѣ снова;
Съ силами собравшись, только что проснется,—
Какъ тотъ парусъ бѣлый, что съ надеждой смѣлой
По волнамъ коварнымъ весело несется.

ВЪ СТЕПИ.

I.

Ночь. Она ужъ на исходѣ,
Но не свѣтится Востокъ;
Тишина во всей природѣ:
Предразсвѣтный сонъ глубокъ.

Ѣду я въ степной пустынѣ...
Тамъ и сямъ торчитъ бурьянъ,
По болотистой равнинѣ
Сѣрый стелется туманъ.

Степь черна̀, покрыта тьмою,
Мракомъ я кругомъ объятъ;
Только звѣзды надо мною
Брилліантами горятъ.

Тройка — то едва плетется,
То быстрѣе побѣжитъ;
Колокольчикъ — то зальется,
То тихонько дребезжитъ.

Въ смутныхъ думахъ праздной скуки
Слышу я какъ бы во снѣ
Эти ноющіе звуки
Въ этой мертвой тишинѣ...

И тоской душа томится;
Но не въ силахъ я заснуть;
Безъ конца, безмѣрно длится
Одинокій, скучный путь...

II.

Звѣзды тихо догораютъ,
По двѣ, по три, по одной
Незамѣтно исчезаютъ
Съ выси блѣдно-голубой.

На востокѣ забѣлѣлось...
Вотъ и зорька занялась,
Ярко вспыхнула, зардѣлась
И по небу разлилась.

Степь проснулась; тьма ночная
Тонетъ въ розовыхъ лучахъ;
Вотъ полоска золотая
Засверкала въ небесахъ;

Вслѣдъ за тѣмъ, громаднымъ шаромъ
Солнце нà небо всплыло
И своимъ лучистымъ жаромъ
Всю пустыню облилò.

Сколько блеска и простора!
Даль манитъ, чаруетъ взглядъ;

Тамъ болота и озера
Яркимъ золотомъ горятъ.

Степь холодная согрѣта,
И прекрасно все кругомъ,
Въ переливахъ чудныхъ свѣта,
Въ блескѣ солнца золотомъ.

Такъ, порою, въ жизни нашей
Все печально, все темно.
Точно горе полной чашей
Вѣчно пить намъ суждено.

Тщетно сердце свѣта проситъ,
Мракъ все гуще, все чернѣй;—
Вдругъ—намъ радость въ душу броситъ
Снопъ сверкающихъ лучей...

Сердце вздрогнетъ, оживится,
Блескъ надежды вспыхнетъ въ немъ,
И внезапно озарится
Все, что видимъ мы кругомъ,—

Жизнь, со всѣмъ ея страданьемъ
Все что мучило нашъ умъ,—
Нашимъ внутреннимъ сіяньемъ,
Яркимъ солнцемъ нашихъ думъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Мрачны горы, покрытыя тучами,
Всѣ ущелья наполнила мгла,
Завладѣла провалами, кручами
И на днѣ пропастей залегла.

Неба нѣтъ, съ его мантіей звѣздною:
Оно скрылось и свѣта не льетъ;
Я стою надъ какою то бездною,
Тьма ночная растетъ и растетъ...

Дальше, глубже во мракъ укрываются
Ребра скалъ и обрывы стремнинъ;
Тамъ и сямъ изъ него выдвигаются
Шапки бѣлыя снѣжныхъ вершинъ.

Все недвижно, туманъ лишь колышется,
Все безмолвно, лишь гдѣ-то вдали
Грохотанье какое-то слышится,
Шумъ глухой, точно въ нѣдрахъ земли.

То потоки кипятъ, водопадами
Низвергаясь съ отвѣсныхъ стремнинъ;
То ручей, окруженный громадами
Голыхъ скалъ, рвется къ лону долинъ.

Ты угрюма, пустыня дремучая,
Но, я вижу, есть жизнь и въ тебѣ:
То—ручьевъ твоихъ влага кипучая,
Неустанная въ вѣчной борьбѣ.

Ты ужасна, пустыня безлюдная,
Смертью дышатъ твои ледники,
Но питаетъ ихъ масса холодная
Твои рѣчки, твои родники.

Они въ нѣдрахъ твоихъ зарождаются,
И на вольный, широкій просторъ,
Съ бурнымъ плескомъ, потомъ вырываются
Изъ твоихъ непривѣтливыхъ горъ.

Ты ихъ мать, но струей своей чистою
Они сердце твое разорвутъ,
Взроютъ почву твою каменистую,
Но не ей плодородье дадутъ.

Потекутъ они къ морю равнинами,
Будутъ ихъ своей влагой питать,
Далеко за твоими тѣснинами
Разливая свою благодать...

Ты, измученный гордымъ страданіемъ,
Мысли, правды, добра исполинъ;
Ты, въ вѣкахъ озаренный сіяніемъ
Какъ снѣга этихъ горныхъ вершинъ!

Окруженъ ты густыми туманами
Неразумья и всякаго зла;
Въ твое сердце, покрытое ранами,
Грусть, какъ черная тѣнь, залегла...

Я сравню тебя съ этой пустынею:
Какъ она, ты печаленъ угрюмъ,
Но великъ ты съ великой святынею
Твоихъ творческихъ, пламенныхъ думъ.

Въ ореолѣ могучаго генія
Ты стоишь, величавъ, одинокъ;
Твои мысли, желанья, стремленія—
Это горный кипучій потокъ.

Твое сердце терзаетъ онъ муками,
Веселитъ въ одинокой тиши,
Наполняя тревожными звуками
Глубину твоей мощной души.

Больше, больше потокъ разростается,
Крѣпнетъ онъ въ непрестанной борьбѣ,
Но, затѣмъ, на просторъ вырывается:
Онъ остаться не могъ при тебѣ.

Ты взлелѣялъ волну эту сильную,
Какъ любимое чадо свое,
И, со всей ея влагой обильною,
Человѣчеству отдалъ ее!

НА МОРѢ.

Ясенъ воздухъ роскошнаго лѣта,
Море блещетъ какъ синяя сталь;
Вся огнемъ лучезарнаго свѣта
Залита безконечная даль.

Волны плещутъ, корабль мой лаская,
Точно шлютъ ему дружный привѣтъ;
И онъ мчится впередъ, оставляя
За собою серебряный слѣдъ.

Мои думы полны упованья,
Радость свѣтлая въ сердцѣ моемъ,
Точно моря и неба сіянье
Какъ въ стеклѣ отразилося въ немъ.

Но вдали видны легкія тучи
И за ними слѣдитъ капитанъ:
Онъ извѣдалъ — какъ волны могучи,
Какъ измѣнчивъ, сердитъ океанъ...

Предъ грозой я, быть можетъ, не струшу,
Опасенья меня не томятъ;
Но мою озаренную душу
Эти странныя тучки мрачатъ.

Я любуюсь прозрачностью моря,
Взоръ мой тонетъ въ его глубинѣ;
Но, порой, вопли ужаса, горя,
Крикъ отчаянья слышатся мнѣ.

Можетъ быть, посреди океана,
Гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ странахъ,
Развернулась вся мощь урагана
На бездонныхъ морскихъ глубинахъ.

Въ темный день, или ночью безвѣздной,
Можетъ быть, много смѣлыхъ пловцовъ
Надъ ужасною носятся бездной,
На обломкахъ разбитыхъ судовъ.

Черный мракъ,—не сіянье лазури,—
Видитъ тамъ погибающій челнъ,
Внемля страшному голосу бури,
Вмѣсто музыки ласковыхъ волнъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

Камни, кресты и могилы...
Жизни угаснувшей силы
Спятъ здѣсь во мракѣ гробовъ;
Тьма поглотила дѣянья,
Мысли, заботы, страданья
Божьихъ усопшихъ рабовъ.

Здѣсь не внушаетъ мнѣ страха
Тлѣнье бездушнаго праха:
Скрыто оно подъ землей,
Почва одѣта кустами,
Массой деревьевъ, цвѣтами,
Густо растущей травой.

Божія нива согрѣта
Жаромъ небеснаго свѣта,
Теплымъ дыханьемъ весны;
Вѣтеръ деревья ласкаетъ
И по вѣтвямъ пробѣгаетъ
Трепетомъ зыбкой волны.

Вотъ уголокъ одинокій:
Спрятанъ въ низинѣ глубокой

Рядъ безыменныхъ могилъ;
Дикій шиповникъ надъ ними
Сплелся вѣтвями густыми,
Свѣжія почки раскрылъ.

Что это здѣсь за гробница?
Надписи давней страница
Стерлась;—забытый пріютъ!
Точно часовня пустая...
По косогору взбѣгая,
Къ ней три ступени ведутъ.

Смотритъ гробница уныло;
Камни роса окропила
Свѣтлыми каплями слезъ;
И на крутыя ступени
Падаютъ легкія тѣни
Тихо шумящихъ березъ...

НА ГОРНОЙ ВЕРШИНѢ.

Къ чему о свѣтлыхъ дняхъ твои воспоминанья?
На твой житейскій путь зачѣмъ обратный взглядъ?
Не прибавляй себѣ излишняго страданья:
По этому пути нельзя идти назадъ.

И, даже, если бы возможно это было...
Ужели жизнь твоя была такъ хороша?
Иль ты забылъ свой путь,— забылъ какъ сердце ныло
Какъ изстрадалася на немъ твоя душа?

Пустынею ты шелъ; тебя и зной гнетущій,
И холодъ мучили... Скажи, на много-ль дней
Ты отдыхъ находилъ на зелени цвѣтущей,
Клочками кое-гдѣ разбросанной по ней?

Припомни — чтò твои желанья увлекало?
О чемъ ты пламенно мечталъ?—Но ты молчишь...
Тебя манила даль и взоръ твой чаровала
Та самая скала, гдѣ ты теперь стоишь.

Какою чудною она тебѣ казалась,
Когда стоялъ ты тамъ, среди сухихъ песковъ,
А гордая скала на небѣ рисовалась
Въ покровѣ золотомъ вечернихъ облаковъ,

Или въ сіяніи всходившаго свѣтила,
На головѣ ея блиставшемъ какъ вѣнецъ!
И какъ она твои всѣ помыслы манила!
И вотъ — ты до нея добрался наконецъ...

Взошелъ на чудную, желанную вершину;
Но голый, сумрачный увидѣлъ ты утесъ,—
И взоры жадные на мертвую равнину,
Съ глубокой грустію, невольно перенесъ.

И лугомъ кажется она тебѣ цвѣтущимъ
Съ твоей безжизненной, угрюмой высоты:
Какъ тамъ, въ пустынѣ, былъ ты обольщенъ грядущимъ,
Такъ ищешь ты теперь въ минувшемъ красоты...

И тамъ, и здѣсь — обманъ; сіяющею далью
Преображается пустыни жалкій видъ:
Пусть будетъ жизнь вездѣ омрачена печалью,
Но издали она такъ радостно блеститъ!

Сравни, не сѣтуя о прошломъ безполезно,
Что̀ лучше: вѣчный миръ, иль жизнь, съ ея борьбой;
У самыхъ ногъ твоихъ зіяющая бездна,
Иль безотрадный путь, ужъ пройденный тобой?

НА ЮБИЛЕѢ.

Жизнь внѣшняя кипитъ, съ ея обычнымъ шумомъ,
Но не манитъ меня, не радуетъ она:
Привыкъ я къ тишинѣ и одинокимъ думамъ,—
Пусть для другихъ шумитъ мнѣ чуждая волна.

Но тягостно, порой, мое уединенье,
Мнѣ страшенъ иногда мой одинокій міръ;
Отъ этихъ вѣчныхъ думъ ищу тогда забвенья,—
И вотъ, явился я на юбилейный пиръ.

Въ веселомъ торжествѣ участье принимаю:
Всѣ радуются здѣсь, я, тоже, будто, радъ;
Забылся я на мигъ, но скоро замѣчаю,
Что все вокругъ меня—нелѣпый маскарадъ.

Бросаю я кругомъ внимательные взоры,
Стараюсь обо всѣхъ составить приговоръ;
Тутъ есть художники, писатели, актеры,
Пѣвцы... но вижу я, что каждый здѣсь—актеръ.

Мнѣ кажется, что всѣ разыгрываютъ роли,—
Не задушевныя тутъ слышатся слова,—
И сердце у меня сжимается отъ боли:
Мнѣ жаль тебя, старикъ, виновникъ торжества!

Ты здѣсь чужой, какъ я; не теплая бесѣда
Твоихъ поклонниковъ сердцà сюда влекла:
Приманка шумнаго, веселаго обѣда,
Въ веселомъ обществѣ, твой праздникъ создала.

И скоро я усталъ отъ этихъ арій, спѣтыхъ
Съ восторгомъ дѣланнымъ, напыщенныхъ рѣчей,
И изліяній чувствъ, бокаломъ подогрѣтыхъ,
При блескѣ этихъ люстръ, и газа, и свѣчей.

И вдвое мнѣ скучнѣй средь говора и шума,
И вдвое тяжелѣй тоски сердечной гнетъ;
Меня преслѣдуетъ мучительная дума —
И въ одиночество опять меня зоветъ.

Чего же медлю я, разсѣянно зѣвая?
Ужъ поздно, мнѣ пора... Я вышелъ на крыльцо,
И ночь холодная, вся звѣздами сіяя,
Бодрящей свѣжестью пахнула мнѣ въ лицо.

Поспѣшно я пошелъ. На улицахъ движенье,
Чѣмъ дальше я иду, становится слабѣй;
Съ нимъ вмѣстѣ и мое стихаетъ раздраженье
И дышетъ грудь моя свободнѣй и полнѣй.

Я, наконецъ, вхожу въ кварталъ уединенный.
Здѣсь шумныхъ улицъ нѣтъ, давно ужъ онъ заснулъ,
Сіяніемъ луны спокойнымъ озаренный,
Лишь издали сюда доходитъ смутный гулъ.

Глубокой тишиной, безмолвіемъ объятый,
Замедлилъ я шаги... О, какъ доволенъ я!
Не видно ни души, здѣсь только тѣнь моя
За мною крадется, какъ будто соглядатай...

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.

Былъ жаркій лѣтній день; лежала предо мной,
Какъ зеркало блестя, равнина океана;
Надъ этой свѣтлою, спокойной глубиной
Не видно было тучъ, ни тѣни, ни тумана.

Казалось навсегда умолкнула она;
Небесные лучи въ водѣ не трепетали;
Но ихъ слѣпящій блескъ и эта тишина
Тупымъ уныніемъ мнѣ душу наполняли.

Недвижныя суда я видѣлъ вдалекѣ:
Оставили пловцы свой парусъ безполезный—
И ждали тамъ они, въ томительной тоскѣ,
Охвачены кругомъ оцѣпенѣвшей бездной...

Я ждалъ, какъ и они, пловцы изъ дальнихъ странъ,
Чтобъ волны двинулись, съ игрою, шумомъ, плескомъ;
Мнѣ грустнымъ кладбищемъ казался океанъ,
Безмолвный, дремлющій и весь покрытый блескомъ.

На сердцѣ у меня лежалъ тяжелый гнетъ;
Желалъ я, чтобы жизнь вокругъ меня проснулась,
Чтобъ громъ загрохоталъ и эта масса водъ,
Теперь недвижная, тревожно всколыхнулась.

И вдругъ я увидалъ вдали какъ будто тьму...
Вотъ туча черная весь горизонтъ покрыла,
И вѣтеръ зашумѣлъ; затѣмъ, во слѣдъ ему,
Со стономъ пробудясь, волна заговорила...

Суда задвигались... Я слушалъ и смотрѣлъ,—
Я очарованъ былъ внезапной перемѣной,—
Межъ-тѣмъ какъ океанъ взволнованный ревѣлъ
И обдавалъ меня, и брызгами, и пѣной...

КОШМАРЪ.

Тѣни мрака мнѣ въ душу вошли...
Ночь грозитъ мнѣ, чело свое хмуря,
Небо давитъ, и гдѣ-то вдали
Воетъ буря.

Точно слышу унылый я звонъ,—
Онъ рыданьемъ въ душѣ отдается...
Что за странный въ умѣ моемъ сонъ
Создается?

Вправду-ль сонъ? Только, бездна кругомъ,
Только я шевельнуться не смѣю
И въ глубокомъ безсильи моемъ
Цѣпенѣю...

О, тоска, безпощадный палачъ!
То твои похоронные звуки,
Твоя тьма, твоя бездна, твой плачъ,
Твои мýки.

И куда мнѣ уйти отъ нихъ прочь?
Свѣта нѣтъ, пропасть мрака безбрежна,—
И меня охватившая ночь
Безнадежна...

ПРОШЛОЕ.

Порой, склонившись надъ столомъ,
Объятый полночи молчаньемъ,
Въ уединеніи моемъ
Я предаюсь воспоминаньямъ.

Какъ много ихъ! Все это — прахъ,
Обломки, трещины, руины:
Но въ этихъ рухнувшихъ стѣнахъ
Хранятся чудныя картины.

Давно ужъ выцвѣли онѣ,
Подъ мрачнымъ пологомъ забвенья.
Лишь иногда мелькнутъ во снѣ,
Теряясь въ грезахъ сновидѣнья.

И вдругъ невидимый порывъ
Со дна души ихъ въ сердце броситъ,
Какъ моря бурнаго приливъ
Обломки на берегъ приноситъ.

Онѣ встаютъ въ умѣ моемъ,
Какъ образъ, созданный поэтомъ,
Со всѣмъ ихъ жизненнымъ огнемъ,
Со всѣмъ ихъ воздухомъ и свѣтомъ.

Тогда—пусть все вокругъ темно,
Пусть громъ гремитъ за черной тучей,
Иль хлещетъ дождь въ мое окно,
Или стоитъ морозъ трескучій,—

Я въ прошломъ весь: я слышу тамъ
Давно умолкшій голосъ друга,
Плыву по блещущимъ волнамъ,
Дышу подъ жаркимъ солнцемъ юга;

Меня лелѣетъ вѣтерокъ,
Мнѣ моря синь ласкаетъ взоры,
Я вижу брызжущій потокъ,
Долины, пропасти и горы,

Закатъ плѣнительнаго дня
И звѣздъ мигающіе очи,—
И тихо вѣютъ на меня
Всѣ ароматы южной ночи.

ВЕСЕННІЙ ГИМНЪ СЛѢПЦА.

Изъ моей глубокой ночи,
Братья, шлю я мой привѣтъ
Вамъ, счастливцы, вамъ, чьи очи
Видятъ радующій свѣтъ;

Даль манящаго простора,
Сводъ сіяющихъ небесъ,
Рѣки, синія озера
И густой зеленый лѣсъ;

Лугъ цвѣтущій, рощи, нивы,
По волнѣ скользящій лучъ,
Золотые переливы
По краямъ прозрачныхъ тучъ,—

Все, что жизнью наполняетъ
Міръ, воспрянувшій отъ сна,
Все, чѣмъ зрѣніе плѣняетъ
Животворная весна!

И меня она задѣла
Жизнерадостнымъ крыломъ,
И ко мнѣ она влетѣла,
Съ ароматомъ и тепломъ,

Съ шумомъ листьевъ, пѣсенъ хоромъ,
Въ душу грустную просясь,
Лишь предъ этимъ мертвымъ взоромъ
Навсегда остановясь.

Въ немъ слились закатъ съ востокомъ
Въ мракъ, въ сплошную темноту;
Но своимъ духовнымъ окомъ
Вижу блескъ и красоту,

Бездну красокъ и сіяній;
Ихъ весна мнѣ создала,
Изъ своихъ благоуханій,
Дуновеній и тепла.

Чудный свѣтъ въ моей темницѣ
Разлила ея рука...
Поклонитесь чаровницѣ
Отъ слѣпого старика!

НОЧЬ.

Свѣча печально догораетъ,
Ночь поздняя глядитъ въ окно...
Она къ покою призываетъ,
И ждетъ постель меня давно.

Но для чего, къ чему ложиться,
Когда встревоженъ такъ мой умъ,
Когда мнѣ тяжко, и не спится,
И мозгъ болитъ отъ мрачныхъ думъ?

Онѣ толпятся, выростаютъ,
Въ видѣнья бѣдствій роковыхъ,
То видъ тумана принимаютъ,
То формы образовъ живыхъ;

Скользятъ, ползутъ, грозятъ, смѣются,
Въ глазахъ моихъ—то свѣтъ, то тьма...
О, дай мнѣ, Господи, очнуться!
Ужели я схожу съ ума?

ВЕСНОЮ.

Теплымъ вѣяньемъ въ воздухѣ чудномъ
Возвѣщается міру весна,
И цвѣты по лугамъ изумруднымъ
Сыплетъ щедрой рукою она.

И играютъ весеннія воды,
Зеленѣютъ сады и лѣса,—
Всюду—блескъ, ликованье природы,
Трепетъ жизни, тепло и краса.

Солнца радостный свѣтъ озаряетъ
Бытія возрожденнаго пиръ,
И по жиламъ моимъ пробѣгаетъ
Это пламя, чтò грѣетъ весь міръ.

Но надъ мертвой пустыней пылая,
Солнце жизни въ нее не вольетъ;
Тамъ, кремни и песокъ накаляя,
Все оно своимъ пламенемъ жжетъ.

Дождь ли свѣжій надъ нею прольется,
Въ мимолетныхъ родясь облакахъ,
Иль потокъ въ нее вешній ворвется,—
Все исчезнетъ въ сыпучихъ пескахъ.

Такъ въ душѣ моей нѣтъ обновленья;
Лишь напрасныя думы и сны
Въ ней рождаетъ порой, на мгновенье,
Эта шумная радость весны...

Для чего же, съ веселымъ порывомъ,
Теплоты и сіянья полна,
Своихъ водъ изобильнымъ разливомъ
Ворвалась ты въ пустыню весна?

Для чего новой жизни дыханье,
Недоступною далью маня,
Пробуждая въ душѣ лишь страданье,
Понапрасну тревожитъ меня?

ЗАМЕЧТАВШЕМУСЯ ИДЕАЛИСТУ.

Если ищешь безумнаго счастья,
Знай: ждетъ горе тебя впереди;
Если теплаго жаждешь участья,
Я скажу: не надѣйся, не жди.

Если пылкую, гордую душу
Слава громкой побѣды манитъ,
Я твои упованья разрушу:
Я скажу, что ты будешь разбитъ.

Чтобъ счастливымъ быть, нужно забыться;
Чтобъ участіе встрѣтить въ другихъ,
Нужно чувствамъ чужимъ покориться
И отречься совсѣмъ отъ своихъ.

Чтобъ достигнуть побѣды желанной,
Нужно хитрымъ быть съ грознымъ врагомъ,
На него сдѣлать натискъ нежданный,
Подступивъ къ нему тайнымъ путемъ.

Но ты въ счастьи забыться не можешь,
Но ты чувствомъ своимъ дорожишь
И внезапно врага не встревожишь:
Ты предъ нимъ своихъ думъ не таишь.

И ты правъ: кто не любитъ, не знаетъ
Въ честномъ дѣлѣ обходныхъ путей,
Для того пораженье бываетъ
Часто громкой побѣды славнѣй.

Такъ иди же своею дорогой,
Не лукавь ни съ людьми, ни съ собой,
Ты знакомъ ужъ съ бѣдой и тревогой,
Ты ужъ свыкся съ житейской борьбой.

Твоя жизнь — это подвигъ страданья,
Какъ на жертву смотри на нее;
Въ благѣ ближнихъ — твои упованья
Въ этой жертвѣ — все счастье твое.

У МОГИЛЫ.

Холодный вѣтеръ свищетъ, стонетъ
И брызги шумнаго дождя
На садъ умершихъ гнѣвно гонитъ,
Цвѣтовъ и листьевъ не щадя.

Унылъ и мраченъ видъ могилы,
Гдѣ превратились въ тлѣнъ и прахъ
Остатки жаркой, умной силы,
Изнывшей въ скорби и слезахъ.

При вѣтрѣ, воющемъ сердито,
Смотрю съ тоскою на нее;
Какъ небо трауромъ покрыто,
Такъ сердце въ траурѣ мое.

Но небо снова прояснится,
Уйдутъ и мракъ и тучи въ даль,
И только въ сердцѣ сохранится,
Какъ туча черная, печаль...

ЗАБРОШЕННЫЙ САДЪ.

НА ГРЕЧЕСКІЕ МОТИВЫ*.

Очнувшись отъ утреннихъ грезъ
И образъ твой въ сердцѣ лелѣя,
Вхожу я въ твой садикъ изъ розъ,
Въ твой чудный цвѣтникъ, Гаидея.

Сіяютъ надъ нимъ небеса
И солнце веселое Мая;
Еще не обсохла роса,
На алыхъ листочкахъ сверкая.

Какъ садикъ роскошно цвѣтетъ
Вокругъ ароматами вѣя!
Въ немъ Флора-богиня живетъ,—
Та Флора—моя Гаидея.

Задумчиво здѣсь я брожу,
Вездѣ ея слѣдъ замѣчаю;
На пышныя розы гляжу—
Ее же нигдѣ не встрѣчаю.

*) Третій и четвертый стихи заимствованы у Байрона.

О, Флора моя, гдѣ же ты?
Гдѣ ты, моей жизни отрада?
— «Я здѣсь!» отвѣчають цвѣты
Изъ всѣхъ уголковъ съ сада.

— «Я здѣсь!» мнѣ вздохнулъ вѣтерокъ,
Качая душистыя розы;
— «Я здѣсь!» прожурчалъ ручеекъ,
Бросая жемчужныя слезы.

Да, Флора, ты здѣсь; этотъ садъ
Своей ты рукой насадила,
Дала ему свой ароматъ:
Въ него свою душу вложила!

Но голосъ твой стихъ, замолчалъ,
Самой тебя нѣтъ, Гаидея—
И чудный твой садъ одичалъ,
Безъ Флоры моей сиротѣя...

Какъ садъ твой пустынный, и я
Томлюсь безъ тебя, дорогая:
Живетъ во мнѣ память твоя,
Въ печаль мое сердце ввергая.

Съ тобой мнѣ пришлось схоронить
Все счастье, всѣ свѣтлыя грезы—
И буду я жарко любить
И нѣжно ласкать твои розы...

ВИДѢНІЕ.

Въ предсмертной тоскѣ я томился,
Мой факелъ уже догоралъ,
Но духомъ на мигъ я воспрянулъ—
И лиру забытую взялъ.

И пѣсня моя прозвучала;
Та пѣсня послѣдней была:
Мое истощенное тѣло
Въ объятія Смерть приняла.

Но духъ мой, легко и свободно,
Помчался въ надзвѣздную высь;
Тамъ ярко сіяли планеты
И звѣзды потокомъ лились.

У ногъ моихъ плыли туманы,
Мнѣ солнце слѣпило глаза;
Внизу пронеслись ураганы,
Вдали грохотала гроза.

Затѣмъ я увидѣлъ пустыню
И голыя скалы на ней;

Межъ скалъ тѣхъ, угрюмыхъ и дикихъ,
Мелькали фигуры тѣней.

Онѣ расплывались, тѣснились,
Цѣплялись за выступы скалъ,
Искали спасенья, — но въ бездну
Могильный ихъ мракъ увлекалъ.

И вдругъ всколебались утесы,
Въ ихъ трещинахъ пламя зажглось,
По камнямъ, обрывамъ, стремнинамъ
Оно, рокоча, понеслось;

Широкимъ каскадомъ упало
На камни и голый песокъ,
И грѣшныя тѣни, со стономъ,
Упали въ кипящій потокъ...

НА ЗАКАТѢ.

O Morgenroth; ersehntes Morgernroth!
Dranmor.

Мы жить еще хотимъ;—не жизнью молодою:
Она для насъ прошла,—но, на закатѣ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу—и зажгла надежды пламя въ ней.

Надежды не на то, что бодро возродимся
Мы къ новымъ подвигамъ, и сердцемъ и умомъ;
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужъ не годимся,
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся—
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.

О пусть придутъ они! не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою, съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, съ восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ зла и тьмы ихъ воли не сломилъ.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ — на мигъ единый —
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ,
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: «оно идетъ!» и — пѣснью лебединой —
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ДВА ДРУГА.

I.

Ночь, морозъ, бушуетъ вьюга,
Буря съ крышъ солому рветъ...
На печи лежатъ два друга:
Старый дѣдъ и старый котъ.

Оба дряхлы, еле дышатъ,
Еле ходятъ, чуть живутъ,
Плохо видятъ, плохо слышатъ,—
Но одинъ къ другому льнутъ.

Ихъ безмолвная бесѣда
Задушевна и проста;
Жить не можетъ котъ безъ дѣда,
Дѣдъ пропалъ бы безъ кота.

Съ нимъ возиться недосужно
Внуку: славный парень—внукъ,
Но ему работать нужно,
Не покладывая рукъ.

Не валится пища съ неба,
Не сама дается рту;
Но всѣмъ тремъ — имъ нужно хлѣба
Внуку, дѣду и коту.

Внукъ не можетъ оставаться
День-деньской при старикѣ:—
Съ кѣмъ же лаской обмѣняться
Дѣду, въ старческой тоскѣ?

Только съ Васькой, вѣрнымъ другомъ,
Чтò, такъ точно какъ и онъ,
Тяготясь своимъ досугомъ,
На бездѣлье обреченъ.

II.

Время близится къ полночи,
Но и дѣдъ и котъ не спятъ;
Ихъ слезящіяся очи
Въ тьму холодную глядятъ.

Дѣду старому не спится
Оттого, что внука нѣтъ;
Внукъ былъ долженъ воротиться
Ужъ давно: ушелъ чуть свѣтъ!

А мятель, мятель какая!
Зги не видно было днемъ!
Какъ волковъ голодныхъ стая
Буря воетъ за окномъ.

Чу!.. не слышитъ ли онъ крика?
«Право слово — чей-то крикъ!

Боже! Господи Владыко!»
Тихо шамкаетъ старикъ.

«Долго-ль сбиться: заметаетъ
Вьюга всякій слѣдъ съ утра...
Ужъ не внукъ ли замерзаетъ,
Не добравшись до двора?»

Страшно дѣду... Нѣтъ, онъ встанетъ,
Силы всѣ свои собравъ...
Дѣдъ сопитъ, кряхтитъ и тянетъ
Полушубокъ за рукавъ.

Имъ онъ думаетъ прикрыться
И на зовъ идти въ полночь.—
Полно, дѣдушка, возиться:
Съ печки слѣзть тебѣ не въ мочь,

Не идти въ такую вьюгу;
Лягъ-ка лучше на тряпье—
И повѣдай Васькѣ-другу
Горе горькое свое...

Васькѣ тоже нѣтъ покоя,
И глаза его во тьмѣ
Блещутъ; но совсѣмъ другое
У мурлыки на умѣ:

Мышь подъ лавкою скребочетъ...
Васька замеръ... разъ, два, три,—
И спрыгнуть онъ съ печки хочетъ.
Полно, Васька, не дури!

Гдѣ тебѣ за ней гоняться:
Плохъ ты, сила прожита;

И нисколько не боятся
Мыши стараго кота...

«Котикъ милый, смерть насъ кличетъ,
Не годны мы ни къ чему!»
Дѣдъ вздыхаетъ, котъ мурлычетъ,
Нѣжно ластится къ нему...

Въ двери, въ щели дуетъ вьюга,
Въ печкѣ стынутъ кирпичи;—
И, кряхтя, другъ возлѣ друга,
Старцы дрогнутъ на печи...

III.

Буря стихла понемногу.
День. Подъ свой родимый кровъ
Внукъ вернулся, слава Богу,
Живъ и веселъ и здоровъ.

«Здравствуй дѣдъ! пора проснуться.
Что, голубчикъ,—ты скучалъ?
Я вчера не могъ вернуться
И въ Ольшанкѣ ночевалъ.

«Чтожъ молчишь ты, дѣдка милый?»—
Громко внукъ ему кричитъ,—
«Аль—чтобъ встать—собраться съ силой
Ты не можешь? Аль сердитъ?

«Знаешь самъ: такая вьюга...
Дѣдъ!..» Напрасно онъ зоветъ:
Вѣчнымъ сномъ спятъ оба друга—
Старый дѣдъ и старый котъ...

ЗА УРОКОМЪ.

Сыро въ комнатѣ убогой,
При огаркѣ такъ темно,
Неудобенъ столъ треногій,
Вѣетъ холодомъ окно.

Надо съ этимъ примириться,
Не великъ до завтра срокъ;—
Дѣлать нечего, садится
Надя, молча, за урокъ.

Вотъ надъ книгою склонилась,
Вся вниманія полна,
И серьезно углубилась
Въ географію она.

Тамъ объ Африкѣ читаетъ:
«Жаркій климатъ, жгучій зной...»
Здѣсь же холодъ пробираетъ
Въ этой комнатѣ сырой.

Руки зябнутъ, дрогнетъ Надя,
Въ старый кутаясь платокъ;

Но, упорно въ книгу глядя,
Учитъ заданный урокъ.

Вотъ окончила—и рада:
«Знаю! завтра отличусь!
А теперь ложиться надо;
Я покрѣпче завернусь

Въ одѣяло».—И ложится,
Вся дрожа, она въ постель.
Ночь. Неистово стучится
Въ стекла съ бурею мятель.

А въ трубѣ какіе звуки!
Вой, и плачъ, и ревъ, и стонъ...
Точно духъ какой на муки,
За грѣхи, тамъ заключенъ.

Это вѣтеръ колобродитъ...
Что за страшный, дикій вой!..
Онъ уныніе наводитъ,
Сердце давитъ онъ тоской...

Ничего не слышитъ Надя...
Въ эту ночь не будетъ спать,
На свою дочурку глядя,
Растревоженная мать!

Тяжело Надюша дышетъ,
Голова ея горитъ,
Отъ бѣдняжки жаромъ пышетъ,
Жажда дѣвочку томитъ.

Надя мечется отъ жара,
Бредъ у ней... и что за рѣчь!

Львы, гіены и Сахара,
Раскаленная какъ печь.

Все про Африку тѣ грезы...
«Жаръ-то, жаръ какой у ней!»
И безпомощно льетъ слезы
Мать надъ дочерью своей.

ОРЕЛЪ.

(КАВКАЗСКАЯ КАРТИНКА).

На дальнемъ югѣ я видалъ —
Какъ иногда отъ высей скалъ
Орелъ надъ степью поднимался,
Кружился въ небѣ и потомъ,
Широкимъ размахнувъ крыломъ,
На падаль съ высоты спускался.

И жарокъ былъ и душенъ день,
Манила глазъ ущелья тѣнь,
Гдѣ путника ждала прохлада;
А вдалекѣ, — чуть видѣлъ взоръ, —
Разсѣявшись по скатамъ горъ,
Паслося жаждущее стадо.

Молчанье мертвое кругомъ,
Лишь по дорогѣ, колесомъ
Скрипя, на буйволахъ тащилась
Арба тяжелая въ пыли;
Порой кричалъ оселъ вдали
И чья-то пѣсня доносилась.

Орелъ на трупѣ пировалъ,
И снова, выше голыхъ скалъ
На воздухъ жаркій подымался,
Парилъ онъ снова въ небесахъ
И на распущенныхъ крылахъ
Недвижно долго оставался.

ЦВѢТОКЪ.

Надъ уснувшей нивой дышетъ
Легкій вѣтерокъ;
Онъ ласкаетъ, онъ колышетъ
Полевой цвѣтокъ.

И цвѣтокъ отъ ласки нѣжной
Вѣтерка дрожитъ,
И глубокій, безмятежный
Сонъ его манитъ.

Отдохнуть цвѣтку отрадно
Въ тишинѣ ночной:
Днемъ его палилъ нещадно
Душный лѣтній зной,

Безпокоили козявки
Шумно копошась;
А теперь, къ душистой травкѣ
Вѣнчикомъ склонясь,

Онъ заснулъ. Горитъ звѣздами
Синій сводъ небесъ,

За уснувшими полями
Тихо дремлетъ лѣсъ;

Спитъ и травка, и былинка,
И, отъ вѣтерка,
Чуть блестя, дрожитъ росинка
Въ чашечкѣ цвѣтка.

ЕЛКА.

Пусть въ окна шумно бьется снѣгъ,
Тепла веселая свѣтелка;
Въ ней — крики, говоръ, дѣтскій смѣхъ,
И, вся въ огняхъ, сіяетъ елка.

Дѣтишки прыгаютъ, шумятъ,
И взглядомъ полнымъ нѣжной ласки
Мать смотритъ на своихъ ребятъ,
На ихъ сверкающіе глазки.

А гдѣ-то, въ дальней сторонѣ,
На тройкѣ тощей и усталой,
Лѣсной дорогой, въ тишинѣ,
Плетется путникъ запоздалый.

Полнόчь; безмолвіе кругомъ,
Къ дорогѣ тѣсно жмутся ели;
Ихъ мягкимъ, рыхлымъ серебромъ
Покрыли вьюги и мятели.

Кистями бѣлыми висятъ
Ихъ вѣтви, сучья и отростки,

И чуденъ зимній ихъ нарядъ:
Гирлянды, искры, звѣзды, блестки...

Въ лучахъ луны блеститъ весь лѣсъ
И кажется, въ молчаньи строгомъ,
Подъ свѣтлымъ куполомъ небесъ,
Какимъ-то призрачнымъ чертогомъ...

И путникъ смотритъ въ глубину...
Онъ вспомнилъ теплую свѣтелку,
Своихъ дѣтей, свою жену,
Ихъ смѣхъ и святочную елку.

Какой прекрасный, дивный сонъ,
Какія сладостныя грезы!
И тихо улыбнулся онъ
Сквозь набѣгающія слезы...

ВѢТЕРЪ.

Жгучимъ жаромъ солнце Мая
Землю сушитъ и палитъ.
Вѣтеръ, къ тучамъ подлетая,
Гнѣвно тучамъ говоритъ:

«Вы зачѣмъ въ горахъ столпились,
На стремнины забрались,
Въ черныхъ безднахъ притаились,
По утесамъ расползлись,

«По дорогѣ залѣзая
То въ тѣснину, то въ провалъ,
Влажной ризой покрывая
Голый камень дикихъ скалъ?

«Посмотрите: тамъ отъ зноя
Вся потрескалась земля,
И, въ тоскѣ, зовутъ васъ, ноя,
Нивы, пажити, поля.

«Тамъ безъ влаги захирѣли
Стебли сочные хлѣбовъ,
Блекнутъ листья, пожелтѣли
Травы, вѣнчики цвѣтовъ.

«Все томится отъ засухи,
Суетятся только въ ней
Надоѣдливыя мухи,
Тучи мошекъ и слѣпней;

«Копошатся черви, гады
На деревьяхъ межъ листвой,—
И—ни тѣни для прохлады,
И ни капли дождевой!

«Для того ли вамъ Предвѣчный
Вашу влагу даровалъ,
Чтобы, въ праздности безпечной,
Вы слонялись между скалъ?

«Прочь отсюда, и—въ дорогу,
Къ нивамъ, пастбищамъ, полямъ!»
Крикнулъ вѣтеръ, и тревогу
Сдѣлалъ празднымъ облакамъ.

Облетѣлъ ущелья, кручи,
Всѣ туманы тамъ собралъ,
Охватилъ крылами тучи
И какъ стадо ихъ погналъ.

Черной массой тучи плыли,
Вѣтеръ тучи торопилъ
И, играя, вихри пыли
На пути своемъ кружилъ.

И надеждой взволновалась
Вся земля, и стала ждать...
Только-бъ мимо не промчалась
Эта Божья благодать!

Но опять, шумя крылами,
Вѣтеръ тучи охватилъ
И надъ знойными полями
Разомъ ихъ остановилъ.

На минуту онъ разстался
Съ черной стаей облаковъ —
И стремительно помчался
Въ царство молній и громовъ.

«Громы, молніи! что спите?—
Онъ кричитъ имъ издали,—
Отчего не посѣтите
Вы страдающей земли?

«Для того ли Богъ предвѣчный
Силу грозную вамъ далъ,
Чтобъ огонь вашъ быстротечный
Только жегъ и разрушалъ?

«Или только для потѣхи
Облекаетесь вы зря
Въ ваши страшные доспѣхи,
Синимъ пламенемъ горя?

«Знойный воздухъ землю душитъ,
Весь онъ солнцемъ накаленъ,
Все мертвитъ онъ, давитъ, сушитъ,
Да и самъ весь высохъ онъ.

«Онъ томится жаждой жгучей,—
Какъ томится человѣкъ,—
Превратилъ въ песокъ сыпучій
Берега озеръ и рѣкъ;

«Онъ ихъ влагу истощаетъ
И изъ тинистыхъ болотъ
Ядъ заразы поглощаетъ,
Вмѣстѣ съ влагой смрадныхъ водъ.

«Ждетъ онъ васъ, и ждутъ васъ тучи:
Я ихъ рать въ горахъ собралъ,
Облетѣвъ ущелья, кручи
И ущелья дикихъ скалъ.

«Тучи землю осѣнили
И отъ солнечныхъ лучей
Какъ щитомъ ее прикрыли
Черной мантіей своей.

«Въ путь! чтобъ воздухъ зараженный
Вмѣстѣ съ ними, освѣжить,
Чтобъ...»—Но вѣтеръ раздраженный
Не успѣлъ договорить.

Возлѣ молнія мелькнула,
Въ то-жъ мгновенье у земли
Синимъ пламенемъ сверкнула,
И ужъ громъ гремѣлъ вдали.

Туча, вздувшись, трепетала,
Наполнялася грозой
И лишь изрѣдка роняла
Каплю, тяжкою слезой.

И внезапно, съ трескомъ пламя,
Вновь сверкнувши здѣсь и тамъ,
Тучи траурное знамя
Разорвало пополамъ.

Хлынулъ ливень, наполняя,
Съ шумомъ, рѣки и ручьи,
Божью влагу проливая
Въ нѣдра страждущей земли.

Дождь прошелъ, и тучъ не стало,—
Истощилися онѣ,—
Лишь одна изъ нихъ бѣжала
По лазурной вышинѣ.

И ее луга, долины
Восхваляли безъ конца,
Какъ отъ доблестной дружины
Уцѣлѣвшаго бойца.

Листья, травы оживали
Возрождалася земля.
«Слава Богу!» восклицали
Нивы, пажити, поля.

«Слава Богу!»—дубъ могучій
Всѣми листьями шепталъ;
«Слава, слава!»—громъ за тучей,
Удаляясь грохоталъ...

ВЕСЕННІЯ КАРТИНКИ.

I.

Веселымъ румянцемъ алѣя,
Все ярче пылаетъ Востокъ;
Душистую розу лелѣя,
Ей пѣсню пропѣлъ вѣтерокъ;
Дыханьемъ ея пропитался,
Шумя пролетѣлъ черезъ лѣсъ,—
И, свѣжій, душистый, погнался
За тучкой въ лазури небесъ.

II.

Играютъ весеннія волны,
Рѣка широко разлилась,
Снуютъ по ней барки и челны,
Въ лазурную даль уносясь.
А солнце, живитель природы,
Съ своихъ недоступныхъ высотъ,
На небо, на землю и воды
Свой свѣтъ ослѣпительный льетъ.

III.

Прибоемъ волны опѣненный,
Сверкаетъ прибрежный песокъ;
Въ извилинѣ заводи сонной,
Въ тѣни, пріютился челнокъ.
Гребецъ, весь охваченный лѣнью
И весла свои уронивъ,
Забылся — и дремлетъ подъ сѣнью
Надъ нимъ наклонившихся ивъ.

АСТРОНОМЪ.

(ИЗЪ ПРЮДОМА).

Ночь поздняя; земля объята сномъ,—
Вездѣ покой таинственный, глубокій;
Лишь онъ не спитъ, пытливый астрономъ,
Какъ часовой на стражѣ одинокой.

И взоръ и мысль его поглощены
Небесъ ночныхъ бездонной глубиною;
Пространства ихъ безмѣрныя полны
Планетъ и звѣздъ,—но занятъ онъ одною.

За нею онъ внимательно слѣдитъ
И, не боясь въ разсчетахъ обмануться,
Внушительно свѣтилу говоритъ:
«Въ такой-то вѣкъ ты вновь должна вернуться».

Вѣкà пройдутъ обычной чередой,
И сбудется науки вѣчной слово:
Простились мы съ исчезнувшей звѣздой,
Но міръ людской ее увидитъ снова.

Онъ ждетъ ее, мѣняясь день за днемъ;
Пусть, наконецъ, онъ весь исчезнетъ даже,
Но истина, какъ нынѣ астрономъ,
Останется на одинокой стражѣ.

ПЕРВЫЙ КУЗНЕЦЪ.

(СЪ НѢМЕЦКАГО).

Въ дни, когда планета наша
Молода еще была
И нетронутая почва
Въ дикой прелести цвѣла;
По пустынямъ кочевали
Орды дикія людей,
Рѣзво бѣгали на волѣ
Табуны степныхъ коней;
Много стадъ въ степяхъ паслося
Козъ, оленей и овецъ, —
Жилъ могучій Туболкаинъ
Честный труженикъ — кузнецъ.

Высоко надъ наковальней
Онъ свой молотъ подымалъ,
Въ раскаленное желѣзо
Съ громкимъ стукомъ ударялъ.
Печь огромная пылала,
Изъ-подъ молота кругомъ
Искры сыпались, сверкая
Краснымъ, огненнымъ дождемъ.
Полоса желѣза гнулась,
Онъ расплющивалъ ее,

Наконецъ изъ ней онъ сдѣлалъ
Мечъ и острое копье.

И въ восторгѣ Туболкаинъ
Былъ отъ дѣла рукъ своихъ,—
Онъ игралъ мечемъ и пикой,
Глядя весело на нихъ.
«Слава грозному оружью!»
Началъ весело онъ пѣть,—
«Будетъ тотъ владыкой міра,
Кто сумѣетъ имъ владѣть!»

Къ Туболкаину толпами
Отовсюду шелъ народъ,
Посмотрѣть—какъ онъ искусно
Сталь звенящую куетъ.
Всѣ оружія просили,
Осыпая кузнеца
Драгоцѣнными дарами,
Похвалами безъ конца.
«Будь прославленъ Туболкаинъ,
Онъ намъ силу въ руки далъ;
Будь прославленъ этотъ молотъ,
Этотъ блещущій металлъ!»

Но не долго Туболкаинъ
Былъ восторгомъ упоенъ:
Увидалъ кузнецъ, что много,
Много бѣдъ надѣлалъ онъ.
Обладая страшной силой
Острыхъ копій и мечей,
Люди рѣзали другъ друга,
Съ дикимъ бѣшенствомъ звѣрей.
Уничтожились на свѣтѣ
Миръ, согласье и любовь,

Завелись раздоры, распри,
Полилась ручьями кровь.

Видя это, Туболкаинъ,
Съ болью въ сердцѣ, восклицалъ:
«Смертоносное оружье
Дикарямъ я въ руки далъ!»
Бросилъ онъ свою работу
И съ поникнувшимъ челомъ
Сѣлъ, задумчивый и грустный,
Предъ погасшимъ очагомъ.

Вдругъ лицо его улыбкой
Озарилось; онъ вскочилъ,
Печь заброшенную снова
Для работы накалилъ,—
И вскричалъ: «Теперь другое
Я оружіе создамъ,
Принесетъ оно лишь пользу
Этимъ дикимъ племенамъ;
Дастъ оно имъ миръ и счастье,
Укротитъ ихъ звѣрскій духъ!»
И, работая усердно,
Первый выковалъ онъ плугъ.

Позабывъ свои раздоры,
Всѣ къ нему стеклись опять,
У него добыли плуги,
Землю начали пахать,—
И воздѣланная почва
Принесла обильный плодъ;—
Счастливъ сталъ забывшій распри
И трудящійся народъ.
Онъ убралъ свое оружье,
Разсудивши, что оно

Людямъ не для нападенья,
Для защиты лишь дано.
Пѣлъ онъ плугу гимнъ хвалебный,—
Пѣлъ: «Не будемъ лить мы кровь;
Пусть межъ нами водворятся
Миръ, согласье и любовь!»

ДИКАРЬ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЗЕЙМЕ).

Канадіецъ дикій, простодушный,
Не знакомый съ нравами Европы,
Съ подслащенной вѣжливостью нашей,
Чистый сердцемъ, чуждый лицемѣрья,
Настрѣлявши птицъ въ лѣсу дремучемъ,
Несъ свою добычу на продажу.

Продалъ онъ товаръ свой очень скоро,
Безо всякихъ плутовскихъ уловокъ,
Взялъ, не споря, что̀ ему давали,
И съ своимъ ничтожнымъ заработкомъ
Возвращался въ глубину пустыни,
Гдѣ жило̀ его родное племя.

Онъ спѣшилъ къ женѣ своей и дѣтямъ,
Въ свой вигвамъ*), но былъ еще далеко,
Какъ все небо тучами покрылось
И внезапно зашумѣла буря.

До костей промокъ дикарь отъ ливня,
Грубая одежда облѣпила

*) Вигвамъ — жилище индійцевъ.

Вплоть его продрогнувшее тѣло;
И вода, холодными струями,
По спинѣ съ волосъ его сбѣгала.

Коченѣя отъ дождя и бури,
Онъ вдали какой-то домъ увидѣлъ,
И туда добраться торопился,
Чтобъ найти пріютъ себѣ на время.
И, дойдя, сказалъ владѣльцу дома:
(Это былъ изящный европеецъ)
«Господинъ, пусти меня погрѣться
И позволь мнѣ подъ твоею кровлей
Переждать, пока не стихнетъ буря».
Но, въ отвѣтъ на эту просьбу, съ гнѣвомъ
На него накинулся плантаторъ,
Ухвативъ тяжелую дубину:
«Какъ ты смѣешь, гнусное отродье,
Лѣзть въ мой домъ, дикарь ты безобразный?
Вонъ отсюда воровская харя»!

Больно было честному гурону*)
Выносить такое оскорбленье;
И печально онъ своей дорогой
Вновь побрелъ, подъ бурею и ливнемъ.
Вечеромъ, ужъ поздно, онъ добрался,
Наконецъ, до мирнаго пріюта,
У себя, въ кругу своихъ домашнихъ.
Тамъ онъ сѣлъ, промокшій и усталый,
У огня, съ семьей своею вмѣстѣ,
И своимъ онъ ребятишкамъ голымъ
Говорилъ о бѣлыхъ горожанахъ,
О бойцахъ, съ собой носящихъ громы,

---

*) Гуроны индійское племя.

О дождѣ, въ пути его настигшемъ
И о зломъ жестокомъ европейцѣ.

И къ отцу, ласкаясь, льнули дѣти,
И къ нему взбирались на колѣни,
Ластились, цѣплялися за плечи,
Изъ волосъ отца стараясь выжать
Не совсѣмъ просохнувшую воду.
А потомъ къ нему полѣзли въ сумку,
Шарили, искали въ ней, покуда
Не нашли, обѣщанныхъ сокровищъ.

Въ скорости затѣмъ въ лѣсу плантаторъ,
Не пустившій въ домъ къ себѣ гурона,
Заблудился какъ-то на охотѣ.
Долго онъ бродилъ безплодно въ чащѣ,
По камнямъ, свалившимся деревьямъ,
Пробираясь чрезъ ручьи, овраги,
Чрезъ кусты, и голые утесы
И попалъ на узкую тропинку.

И вилась тропинка та змѣею,
Онъ по ней все шелъ да шелъ, съ надеждой—
Отыскать хоть чье нибудь жилище,
И забрался въ глубину пустыни.
Тщетно онъ кричалъ и озирался:
На его отчаянные крики
Отзывалось лишь лѣсное эхо,
А тревожный взглядъ его не видѣлъ
Ни слѣда жилища человѣка.

Такъ до самой полночи блуждалъ онъ,
Наконецъ, подъ ближнею горою
Онъ какой-то слабый свѣтъ замѣтилъ.
Радостью и страхомъ задрожало

Сердце въ немъ, и онъ, собравшись съ духомъ,
Подошелъ туда, гдѣ свѣтъ онъ видѣлъ...

«Кто тамъ?» вдругъ раздался чей-то голосъ.
Вслѣдъ затѣмъ изъ маленькой лачуги
Появился человѣкъ. И робко,
Тономъ ласки и мольбы, плантаторъ
Обратился съ рѣчью къ незнакомцу:
«Другъ мой, я въ лѣсу тутъ заблудился;
Дай провесть мнѣ ночь въ твоемъ жилищѣ,
А на утро укажи дорогу
Къ городу; я буду благодаренъ».

«Ну, войди,—отвѣтилъ незнакомецъ,—
Не погасъ еще огонь въ вигвамѣ,
Обогрѣйся». И съ угрюмымъ видомъ
Изъ угла досталъ онъ скромный ужинъ:
Раковъ, рыбу, окорокъ медвѣжій,
Чтобы ими угостить пришельца.
Съ голодомъ охотника плантаторъ
Ѣлъ ему предложенную пищу;
И она теперь ему казалась
Дорогимъ, роскошнымъ угощеньемъ.

Пристально смотрѣлъ гуронъ на гостя—
Какъ онъ рѣзалъ окорокъ медвѣжій,
Какъ онъ жадно пилъ питье изъ меда,
Что̀ въ огромной раковинѣ гостю
Подавалъ привѣтливый хозяинъ.
Кончивъ ужинъ, крѣпко спалъ плантаторъ;
Мягкій мохъ, на немъ—медвѣжья шкура
Въ эту ночь его постелью были.

Высоко ужъ солнце поднялося
Въ ту минуту, какъ онъ вдругъ проснулся

И, въ испугѣ, за ружье схватился:
Передъ нимъ стоялъ его хозяинъ.
Видъ гурона былъ суровъ и страшенъ,
Со стрѣлами, лукомъ и колчаномъ,
Онъ казался самымъ кровожаднымъ
И свирѣпымъ изъ бойцовъ пустыни.
Но хозяинъ, улыбаясь, подалъ
Гостю чашу съ утреннимъ напиткомъ
И затѣмъ повелъ его сквозь чащу,
Чрезъ ручьи, ущелья на дорогу.
Вѣжливо благодарилъ плантаторъ
Дикаря, но тотъ смотрѣлъ угрюмо,
Пристально въ глаза ему и громко,
Твердымъ, звучнымъ голосомъ промолвилъ:
Можетъ быть съ тобой мы ужъ видались?»

Молніей слова тѣ были гостю:
Онъ въ своемъ хозяинѣ гурона
Тотчасъ же узналъ, который былъ имъ
Изъ дому безжалостно такъ прогнанъ.
Онъ въ смущеньи, началъ извиняться,
Но дикарь съ улыбкою отвѣтилъ:
«Видишь-ли, народъ вы — умный, бѣлый,
Но, какъ люди, все-таки мы лучше».
И пошелъ онъ снова въ чащу лѣса.

ЗАПОЗДАЛАЯ ФІАЛКА.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ ОЛИВЕРА ГЕРФОРДА).

Мрачно осеннее небо,
По небу тучи несутся,
Вѣтеръ шумитъ — и деревья
Стонутъ уныло и гнутся.

Слушаетъ въ страхѣ фіалка,
Къ листьямъ поблекшимъ прижалась,
И зарыдала, блѣднѣя:
«Гдѣ ты, весна, подѣвалась?»

Тихо вздохнули деревья,
Стали другъ съ другомъ шептаться:
«Бѣдная крошка-малютка!
Ей ужъ весны не дождаться».

Шепчутъ и травы за ними:
«Мало ей жить остается;
Но говорить мы не будемъ
Ей, что весна не вернется».

«Что тутъ за шопотъ?» вдругъ вѣтеръ
Рявкнулъ, на нихъ налетая;
»Тише!» сказали деревья,
Вѣтру вѣтвями махая.

«Здѣсь вотъ фіалка больная,
Бредитъ... весну призывала!
Разомъ убить ее можетъ
Вѣсть, что весна миновала».

Вѣтеръ умолкъ — и безъ шума
Въ даль, тихо вѣя, помчался;
Но съ перелетною птичкой
Нѣжно сперва пошептался:

«Жаль мнѣ фіалочки бѣдной!
На день останься съ ней, пташка,
Пой ей веселыя пѣсни,
Чтобъ не скучала бѣдняжка».

Сладко пѣвунья запѣла,
Солнце той пѣснью плѣнилось,
Солнце заслушалось пѣсни,
Ниже къ фіалкѣ спустилось;

И золотыми лучами
Воздухъ такъ чудно согрѣло,
Точно все ожило снова,
Точно весна прилетѣла!

И встрепенулась фіалка,
Радостно птичкѣ внимала,
Нѣжилась, грѣлась на солнцѣ
И, въ упоеньи, шептала:

«Вотъ онѣ — дивныя пѣсни!
Вотъ оно — солнышко Мая!»
И... опустила головку,
Въ грезахъ навѣкъ засыпая...

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Генрихъ Гейне.

Гуго Кребсъ.

Лоръ.

Казалисъ.

Дранморъ.

Зигфридъ Люппинеръ.

Рюккертъ.

Изъ французскихъ поэтовъ.

Альфредъ де-Мюссе.

Сюлли Прюдомъ.

Франсуа Коппе.

Ришпенъ.

Аккерманъ.

Поль Бурже.

Морисъ Монтегю.

Э. Манюэль.

Э. Пальеронъ.

Ш. Бодлеръ.

Стихотворенія Д. Л. Михаловскаго.

Стихотворенія для дѣтей.

120

PQ
6107
M49
1896
V.2

DATE DUE

